

В монографии прослеживается история лингвистики текста как самостоятельной научной дисциплины, предпринимается попытка дать по возможности всестороннюю характеристику текста посредством анализа научной литературы последних лет.

Также в монографии рассматриваются основные категории и аспекты научного лингвистического текста, определяются основные подходы к его описанию: прагматический, коммуникативный, семантический. Описываются прагматические параметры порождения научного текста, ядерных и периферийных компонентов научного стиля и жанровой парадигмы лингвистических текстов. Проводится детальный анализ описательных и аргументативных, а также полиинтенциональных текстов со стороны их коммуникативной, логико-смысловой и синтаксической организации. Представлены результаты статистического анализа функционирования ФСТР в различных научных жанрах в виде обобщающих таблиц.

Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики начального образования Наманганского государственного университета Бахтияр Катибжанович Саттаров является автором более шестидесяти научных статей и двух монографий. В 1990 году был очным аспирантом при НИИ НРД РАО в Москве и в 1992 году защитил кандидатскую диссертацию.

Бахтияр Саттаров

Лингвистика текста

Текст по лингвистике. Монография

Бахтияр Саттаров
Лингвистика текста

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY

Бахтияр Саттаров

Лингвистика текста

Текст по лингвистике. Монография

FOR AUTHOR USE ONLY

LAP LAMBERT Academic Publishing RU

Imprint

Any brand names and product names mentioned in this book are subject to trademark, brand or patent protection and are trademarks or registered trademarks of their respective holders. The use of brand names, product names, common names, trade names, product descriptions etc. even without a particular marking in this work is in no way to be construed to mean that such names may be regarded as unrestricted in respect of trademark and brand protection legislation and could thus be used by anyone.

Cover image: www.ingimage.com

Publisher:

LAP LAMBERT Academic Publishing

is a trademark of

International Book Market Service Ltd., member of OmniScriptum Publishing Group

17 Meldrum Street, Beau Bassin 71504, Mauritius

Printed at: see last page

ISBN: 978-620-3-19912-3

Copyright © Бахтияр Саттаров

Copyright © 2020 International Book Market Service Ltd., member of OmniScriptum Publishing Group

FOR AUTHOR USE ONLY

Саттаров Бахтияр Катибжанович

**ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА
ТЕКСТ ПО ЛИНГВИСТИКЕ**

Монография

Печатается по решению научно-технического совета
Наманганского государственного университета

FOR AUTHOR USE ONLY

Наманган - 2020

--	--

Рецензенты:

кандидат педагогических наук, доцент **Н.З.Улухужаев**

кандидат филологических наук, доцент **Е.О.Зинин**

Б.К.САТТАРОВ

Лингвистика текста. Текст по лингвистике

В монографии прослеживается история лингвистики текста как самостоятельной научной дисциплины, предпринимается попытка дать по возможности всестороннюю характеристику текста посредством анализа научной литературы последних лет.

Также в монографии рассматриваются основные категории и аспекты научного лингвистического текста, определяются основные подходы к его описанию: прагматический, коммуникативный, семантический. Описываются прагматические параметры порождения научного текста, ядерных и периферийных компонентов научного стиля и жанровой парадигмы лингвистических текстов. Проводится детальный анализ описательных и аргументативных, а также полиинтенциональных текстов со стороны их коммуникативной, логико-смысловой и синтаксической организации. Представлены результаты статистического анализа функционирования ФСТР в различных научных жанрах в виде обобщающих таблиц.

Книга рассчитана на научных сотрудников, аспирантов, работников высшей школы, занимающихся проблемами лингвистики текста, стилистики, коммуникативного синтаксиса; может быть использована при решении конкретных обучающих задач: составлении учебных пособий, отборе учебных текстов для анализа, разработке типологической классификации текстов и курсов лекций по лингвистическому анализу текста.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Текст – явление многогранное, и многообразие в интерпретации понятия «текст» связано, прежде всего, с тем, что он является одной из самых сложных единиц, в которой в реальном функционировании представлены элементы всех языковых уровней. Так, в семиотике под текстом понимается осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации, в том числе и невербальная; в лингвистике текст – это последовательность вербальных знаков, объединенная смысловой связью, основными свойствами которой являются связность и цельность. Исследование текста в разных странах, в рамках различных лингвистических направлений осуществляется под разными названиями: лингвистика текста, структура текста, стилистика текста, герменевтика, грамматика текста. Однако онтологический статус каждой из дисциплин определен нечетко, и в целом чрезвычайно затруднительно определить границы каждой из этих дисциплин.

В изучении текста можно выделить периоды, которые дифференцируются, прежде всего, на том основании, что в данный отрезок времени наиболее приоритетным считалось одно из направлений – структурное, семантическое, функционально-стилистическое, прагматическое, культурно-семиотическое, историко-культурное. Однако сказанное не означает того, что в эти периоды текст изучался только лишь в каком-либо одном аспекте, всестороннее изучение его продолжалось все это время, просто каждый этап привносил что-либо новое, углублял и существенным образом расширял наши знания о тексте.

Первоначально основное внимание было направлено на параметризацию структуры и семантики текста, что вполне естественно, так как первоначально нужно было уточнить дефиницию текста, определить его онтологические и генетические характеристики. Поэтому основное внимание в данный отрезок времени уделяется исследованию цельности и связности текста, двум основным его свойствам, конституирующим характеристикам. Структурный аспект цельности и связности текста постепенно дополняется пониманием его семантической цельности и связности, видоизменяется, трансформируется в зависимости этих характеристик от таких понятий, как коммуникативная целеустановка, модель речевой ситуации, уровни порождения речи. Таким образом, последующее изучение текста существенно углубляется в связи с развитием таких направлений, как когнитивные теории языка, лингвистическая прагматика. Одновременно проводятся комплексные исследования текста в области семиотики и культурологии, которые приводят к пониманию огромной культурной ценности текста как целого в области информационных систем, осознанию его многоуровневой структурной, семантической организации и к проблеме прочтения, интерпретации текста.

Разнообразие подходов и трактовок понятия «текст» обусловило функционирование данного термина не как единицу терминосистемы, а как многозначного слова, в котором, в зависимости от контекста, актуализируются и нейтрализуются семы, представляющие собой дифференциальные признаки понятия. Поэтому, как нам представляется, следует отличать онтологическую, собственно лингвистическую интерпретацию термина от его операционального использования в качестве номенклатурной единицы семиотики, культурологии, синтаксиса и стилистики, где он употребляется для обозначения осмысленной последовательности знаков и в отвлечении от таких его признаков как связность и цельность.

Изучение текста в стилистике предполагает изучение обусловленности языковых приемов и единиц в зависимости от требований стиля, в грамматике – исследование закономерностей выбора тех или иных языковых средств в зависимости от требований нормы. Функциональный же анализ текста предполагает изучение обусловленности выбора тех или иных элементов языка, средств выражения смысловой структуры с учетом условий коммуникации. В данном случае результаты и достижения стилистики, грамматики, логики рассматриваются как вспомогательные. Современная лингвистика текста имеет дело с анализом функционирования и соотношения знаков – элементов текста, сопрягая их обусловленность с проявлением прагматических и понятийных категорий, с целью выявить значимость этих категорий в тексте.

Признание текста высшей коммуникативной единицей позволяет сделать значительный шаг вперед в изучении языка как системы средств выражения того или иного содержания. Этот подход обусловлен во многом потребностями общества в разработке универсальной типологии текстов, поэтому он в значительной мере соприкасается с такими отраслями современного языкознания как когнитивные теории языка и лингвистическая прагматика. Учет целого комплекса таких значимых компонентов, как характеристика говорящего и слушающего, условия коммуникации, модель речевой ситуации и этапы порождения речи существенным образом углубляет не только наши знания о тексте и закономерностях его построения, но и о стилистике, морфологии, синтаксисе.

Изучение текста сегодня происходит как решение целого комплекса проблем, связанных с взаимодействием коммуникативно-прагматической, смысловой и структурной его организации, что в значительной степени актуализирует описание и исследование его конституирующих (связность, цельность) и типологических (стиль, жанр, ФСТР) признаков текста.

Изучение текстов научного стиля и его подстилей в качестве производных от определенных ситуаций, сфер и тем общения, реализуемых в различных макро- и микротекстах, позволяет выявить, каким образом изменения прагматических констант (коммуникативное намерение, условия общения, уровень совпадения фоновых знаний участников речевой ситуации

и прочие) воздействуют на структуру высказывания и основные характеристики текста. Это и обуславливает **актуальность** данного исследования.

Изучение и описание различного рода текстов по лингвистике проводится нами с применением методов прагматического, стилистического и лингвистического анализа, в условиях сопоставления текстов, генетически и онтологически.

Первоначальная **гипотеза** исследования состоит в том, что сравнительный анализ текстов, созданных в различных ситуациях общения (с различными условиями общения, различными интенциями коммуникантов: воздействие, сообщение, информация) позволит: а) выявить, в какой степени параметры ситуации общения влияют на построение текста; б) установить, в какой степени условия общения воздействуют на структуру макро- и микротекстов.

Таким образом, **предметом** настоящего исследования является *научный текст по лингвистике в его основных жанровых разновидностях*, а в качестве **объекта** исследования выступает *структурно-смысловая организация научного текста*, проявляющаяся в таких его характеристиках, как цельность, связность, жанрово-стилистическая принадлежность и композиционная организация.

Основной целью научного исследования является: анализ дефиниций текста, определение направлений в его изучении с учетом научной систематизации лингвистики текста; разработка типологических характеристик научных текстов по лингвистике; комплексная характеристика типологических единиц научного текста по лингвистике; описание механизмов функционирования типологических единиц научного текста по лингвистике; описание закономерностей построения основных жанров – монографий, учебников, статей.

Цель исследования предопределила и **основные задачи** работы:

1. Посредством анализа научной литературы последних лет описать историю лингвистики текста и дать всестороннюю характеристику текста.

2. На основе изучения научной литературы и анализа научных текстов по лингвистике детально описать типологические единицы научного текста – жанровые и композиционные формы.

3. С учетом ее прагматических параметров в научной сфере общения представить основные различия и сходства, присущие жанровым и композиционным формам научных лингвистических текстов.

4. Охарактеризовать ядерные и периферийные компоненты научного текста по лингвистике.

5. Разработать и обосновать классификацию ФСТР научного стиля, выявляющую коммуникативную, логико-смысловую и синтаксическую организацию текстов, моделирующую основные функции данных единиц в микротексте.

6. Произвести статистический анализ, направленный на выявление особенностей функционирования основных ФСТР и обосновывающий динамику их употребления, позиции в макротексте.

В качестве **материала исследования** избраны тексты различных жанров, которые адекватно представляют стилевое и жанровое разнообразие научной литературы по лингвистике. Такими источниками служили научные монографии (коллективные и авторские), учебники и учебные пособия, словари-справочники энциклопедического характера, научные статьи различного объема и сборники **тезисов (список источников смотреть на странице 164)**.

Процедура анализа была следующей: рассмотрение общей структуры макротекста (общих характеристик жанровых форм научного стиля), определение его зависимости от внешних условий, оговоренных выбором соответствующего жанра, т.е. степень зависимости макротекста от внешнего контекста (определение внутрисистемной связи жанровых форм научного стиля); статистический анализ частотности той или иной разновидности ФСТР в макротексте; отбор наиболее показательных фрагментов макротекста, ярко иллюстрирующих характеристики ФСТР научного текста по лингвистике; изучение особенностей их микроструктуры.

Таким образом, при изучении и описании текста по лингвистике мы считаем возможным осуществить синтез двух типов анализа текста: а) с позиции продуцирующего, который порождает текст в соответствии с учетом условий коммуникации; б) с позиции воспринимающего, который стремится оценить иллокутивную силу высказывания, воспринимая различные типы информации, которые заключены в данном тексте.

Такой подход во многом определил и задачи, и структуру исследования, в котором сначала изучаются экстралингвистические факторы, воздействующие на содержательные и структурные характеристики научного текста, а затем производится установление связей между этими характеристиками и собственно языковым оформлением текста по лингвистике.

Основной **концепцией**, определившей и логику исследования, и способ изложения материала, явилась мысль об иерархической системе отношений типологических характеристик текста как лингвистической сущности, выражающейся в следующей последовательности: стиль – жанр – композиционная форма. Это позволяет не только воссоздать целостную картину жанровой парадигмы научного стиля, но и представить его жанры как цепь доминирующих и периферийных композиционных форм, обладающих определенными структурно-семантическими качествами, установить сходства и различия между ними, но и отчасти определить их функции и место в макроструктуре текста.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что существенным образом пополнятся научные знания о научном тексте в целом, а также о научном тексте по лингвистике, в частности. В результате

проведенного исследования станет возможным прогнозирование основных тенденций, определяющих развитие и изменение научного стиля в его лингвистической разновидности, конкретных жанровых форм и ФСТР, синтаксических и лексико-семантических явлений, выступающих в качестве стилиобразующих.

Практическая ценность исследования заключается в том, что в нем на конкретном материале демонстрируется методика сочетания прагматического, коммуникативного и функционального подходов к изучению языковых явлений такого уровня, как текст. Результаты данной работы могут быть использованы как в исследованиях по лингвистике текста и стилистике, посвященных описанию текстов различных жанрово-стилевых конфигураций, так и при разработке специальных вузовских курсов.

Материалы научного исследования сгруппированы в 4 главах.

Первая глава «Лингвистика текста как самостоятельная языковедческая научная дисциплина» освещает общетеоретические аспекты лингвистики текста: её предмет и задачи, понятия текста и дискурса, основные признаки текста.

Вторая глава под названием «Жанрово-стилевая организация научных текстов по лингвистике» касается прагматических параметров научных текстов, стиливых характеристик, жанровых разновидностей и типологии научных текстов по лингвистике.

В третьей главе «Коммуникативная организация и структурные особенности научных текстов по лингвистике» рассматриваются различные варианты научных текстов по лингвистике с позиции их актуально-коммуникативной, логико-смысловой и структурно-семантической организации.

В четвертой главе «Статистический анализ композиционной структуры лингвистических текстов различных жанров» даётся общая характеристика употребительности описательных и аргументативных текстов, а также статистический анализ употребительности аргументативных текстов в научной лингвистической литературе.

Особого внимания заслуживает библиографический список монографии. В данном случае перед нами ставилась задача, во-первых, разобраться в научной целесообразности указанных работ и показать весь спектр научной литературы по теме исследования и, во-вторых, отобрать актуальные на сегодняшний день исследования и тем самым помочь выбрать из этой общей массы наиболее приемлемые. Уникальность данного библиографического списка состоит в том, что он охватывает огромный промежуток времени (почти сто лет) и способствует максимальной экономии времени и сил соискателям, создавая для них необходимый и достаточный подбор ценной в научном отношении литературы.

Следует отметить и то, что, используя свои собственные методы воздействия, как нам кажется, мы сможем установить последующие коммуникативные отношения между автором научного исследования и потребителем информации. Таким образом, составление библиографии для нас может стать не самоцелью, а лишь средством, с помощью которого осуществляется основная наша задача - дать соискателям полноценные сведения о научной литературе.

ГЛАВА 1. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

1.1. Основные подходы к определению понятия «текст» в различных отраслях современной лингвистики

В чем заключается феномен понятия «текст»? По мнению М.М.Бахтина, текст – это первичная данность всех гуманитарных дисциплин и «вообще гуманитарно-филологического мышления... Текст является той непосредственной действительностью, действительностью мысли и переживания, из которой только могут и исходить эти дисциплины и это мышление. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [Бахтин, 1997: 306]. Такая всеобъемлющая оценка роли текста в гуманитарных науках М.М.Бахтина выбрано нами не случайно. Определение текста полувековой давности весьма актуально и сейчас, несмотря на то, что исследователь не учел развития научно-технического прогресса и информационных технологий, и что данное определение текста будет касаться не только гуманитарных дисциплин.

Современные исследования в области текста многогранны и многоаспектны. Текст исследуется во многих научных дисциплинах и рассматривается он под разными углами зрения и с разной целеустановкой, например, в **лингвистике** (создаются типологии текстов, изучаются способы организации текста, категории текста, аспекты его содержания, грамматика текста, текст и контекст), **литературоведении** (изучается художественная словесность, ее состав и функции, теория литературного образа, описание литературного процесса, теория литературного образа, текст и автор, текст и читатель и др.), **психологии** (изучаются закономерности развития и функционирования психики, проблемы психологии речи, текстовой деятельности, проблемы восприятия и продуцирования текста), **логике** (изучаются формы правильного мышления); **поэтике, теории словесности, теории сценической речи, риторике, герменевтике** (толкование любых текстов), **культурологии, текстологии** (изучаются произведения письменности, литературы, фольклора в целях критической проверки, установления и организации текстов для дальнейшего исследования и публикации), **семиотике** (изучаются знаки и знаковые системы, хранящие и передающие информацию), **философии, эстетике, теологии** (изучаются религиозные тексты), **истории** и других.

В лингвистике же общепринятыми являются определения текста, данные Т.М.Николаевой и И.П.Гальпериным:

«ТЕКСТ (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение) - объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. В семиотике под Т. понимается осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации, в т. ч. обряд, танец, ритуал и т. п.; в языковедении Т.-

последовательность вербальных (словесных) знаков. Правильность построения вербального Т., к-рый может быть устным и письменным, связана с соответствием требованию «текстуальности» - внеш. связности, внутр. осмысленности, возможности своевременного восприятия, осуществления необходимых условий коммуникации и т. д.» [Николаева, 1999]. По ее мнению, текст изучается как «язык в действии».

«Текст – произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа; произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единиц), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющей определённую целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 1981].

На феномен «текст» в языкознании начали обращать внимание еще во второй половине XIX-века. В. фон Гумбольдт, один из основоположников лингвистики как науки, развил учение о языке как непрерывном творческом процессе и о «внутренней форме языка» как выражения индивидуального мирозерцания народа. Продолжателями этого учения были М.В.Ломоносов, Ф.И.Буслаев, Ф. де Соссюр, А.А.Потебня, Л.В.Щерба.

Изучение текста в его разнообразных аспектах достигает своего апофеоза во второй половине XX века, когда новый импульс развития получили стилистика (особенно функциональная), статистика языка и речи, фонология, культура речи, риторика, философия языка, герменевтика, книговедение, социология, герменевтика, теория перевода, антропология и когда возникли такие новые междисциплинарные науки, как психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, нейролингвистика, лингвокультурология, теория коммуникации, паралингвистика, математическая лингвистика, компьютерная лингвистика, прагматическая лингвистика, прагматилистика, когнитивная лингвистика, функциональная грамматика, лингвистика текста и другие.

В данном случае важно рассмотреть науки, которые образовались на стыке языкознания.

Психолингвистика (теория речевой деятельности) – это наука, которая находится на стыке психологии и лингвистики. Она возникла в 1953 году. Создателями этой науки являются Дж.Миллер, В. Ингве, Н.Хомски, Д.Слобин, Ян Пруха, Т.Слама-Казаку и др. В России психолингвистика получила свое развитие в трудах психологов и лингвистов А.А.Потебни, Л.С.Выготского, Н.И.Жинкина, Л.В.Щербы, А.А.Леонтьева, К.Ф.Седова, А.М.Шахнарвича, Ю.А.Сорокина, И.Н.Горелова, Г.П.Мельникова, Л.В.Сахарного, Р.М.Фрумкиной, А.П.Василевич, Н.В.Уфимцевой, Е.Ф.Тарасова, А.А.Залевской, В.П.Белянина, В.А.Пищальниковой, С.Н.Цейтлин, Т.В.Черниговской.

Исследователи данной науки занимаются вопросами взаимоотношения языка, мышления и сознания, изучая следующие свойства речи: процессуальность и мотивированность, субъект и адресат, интенциональ-

ность и внутренние процессы, кодовые переходы, восприятие и многие другие. Психолингвистика имеет и прикладной характер: ее материалы используются в обучении языкам, в развитии речи человека, в практических системах отношений в деловом мире, в области культуры речи и ораторском искусстве.

Социолингвистика возникла в 20-х XX-века и свое дальнейшее развитие получила в 1950-1970-е годы (см. работы: Афанасий Селищев, Уриэль Вайнрайх, Дж.Фишман, Уильям Лабов, Н.Хомский, И.А.Бодуэн де Куртенэ, Е.Д.Поливанов, Л.П.Якубинский, В.М.Жирмунский; а также: Санкт-Петербургская школа социолингвистики: Н.Б.Бахтин, К.С.Федорова, Е.В.Головкин, С.А.Штырков; Московская школа социолингвистики: М.В.Панов, Л.П.Крысин, Д.Н.Шмелев и Е.А.Земская; Пермская школа социолингвистики: Л.В.Щерба, Б.А.Ларин, Л.С.Ковтун, Л.А.Вербицкая, Л.В.Бондарко, А.С.Герд, А.С.Штерн, Л.В.Сахарный). Предметом социологической лингвистики является широкий круг вопросов, связанных с социальными функциями языка: язык и нация, национальные языки как историческая категория, социальная дифференциация языка, взаимосвязи между языковыми и социальными структурами, типология языковых ситуаций, определяемых социальными факторами, социальные аспекты многоязычия и т. п.

Этнолингвистика (от греч. ἔθνος - народ, племя), лингвистическая антропология – это отрасль лингвистики, изучающая отношения между языком и культурой, а также особенности восприятия мира разными этническими группами. Это соединение лингвистики и этнологии - науки, в рамках которой изучаются аспекты жизни целых общностей, то есть те особенности, благодаря которым одна общность отличается от других. Центральными для этнолингвистики можно назвать две взаимосвязанные проблемы: «когнитивную» (от лат. cognitio – познание) и «коммуникативную» (от лат. communicatio - общение). Эта наука близка к психолингвистике и лингвокультурологии [<https://ru.wikipedia.org>].

Нейролингвистика – отрасль психологической науки, пограничная для психологии, неврологии и лингвистики, изучающая мозговые механизмы речевой деятельности и те изменения в речевых процессах, которые возникают при локальных поражениях мозга». Становление нейролингвистики как научной дисциплины связано с развитием нейропсихологии с одной стороны, лингвистики и психолингвистики – с другой. В соответствии с представлениями современной нейропсихологии нейролингвистика рассматривает речь как системную функцию, а афазия - как системное нарушение, которое складывается из первичного дефекта и вторичных нарушений, возникающих в результате воздействия первичного дефекта, а также функциональных перестроек работы мозга, направленных на компенсацию нарушенной функции [<https://ru.wikipedia.org>].

Лингвокультурология - это близкая к этнолингвистике отрасль языкознания, которая изучает отношения между языком и культурными концептами (см. работы: Воробьев В.В., Лучинина Е.Н., Маслова В.А., Воркачѳ С.Г., Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е.). Культурная лингвистика ускоряет теоретический и аналитический прогресс как когнитивистики (включая изучение сложных систем и процессов распределения познавательной способности), так и антропологии. Культурная лингвистика исследует, как различные языки при помощи своих особенностей отражают культурные концепты, включая культурные модели, культурные категории и культурные метафоры. В рамках культурной лингвистики язык рассматривается как нечто укорененное на групповом, культурном уровне познания. Подходы культурной лингвистики уже применяются в некоторых отраслях прикладной лингвистики, в том числе в межкультурной коммуникации, усвоении второго языка и контактной вариантологии английского языка [<https://ru.wikipedia.org>].

Теория коммуникации, во многом пересекаясь с психолингвистикой, представляет собой область научного знания, предметом изучения которой являются коммуникация, ее роль и место в обществе, а также коммуникационные методы, системы, процессы и закономерности их функционирования и развития. Как нам известно, коммуникация – это общение, точнее, его вид, обмен мыслями, информацией, идеями. Так, лингвистика и другие науки о языке изучают вербальную составляющую коммуникации, рассматривая речь или текст одновременно и как систему человеческих действий со знаками, соответствующих потребностям и намерениям коммуникантов (см. работы: Дейк Т.А., Сепир Э., Зверинцев А.Б., Коцецкая В.П., Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д., Гриненко Г.В., Стернин И.А., Тер-Минасова С.Г., Красных В.В., Клоев Е.В., Харрис Р., Карасик В.И., Панов Е.Н., Почепцов Г.Г. Кашкин В.Б., Леонтович О.А.). Теория коммуникации породила ряд научных направлений: теория Шеннон-Уивера, теория межкультурной коммуникации, теория массовой коммуникации, теория формирования общественного мнения, теория научной пропаганды Г.Лассуэлла, теория волшебной пули, теория социальной ответственности СМИ.

Математическая лингвистика – математическая дисциплина, предметом которой является разработка формального аппарата для описания строения естественных и некоторых искусственных языков. Возникла в 50-х гг. 20 в.; одним из главных стимулов появления М. л. послужила назревшая в языкознании потребность уточнения его основных понятий. Методы М. л. имеют много общего с методами математической логики - математической дисциплины, занимающейся изучением строения математических рассуждений, – и в особенности таких её разделов, как теория алгоритмов и теория автоматов. Широко используются в М. л. также алгебраические методы. М. л. развивается в тесном взаимодействии с *языкознанием*. Иногда термин «М. л.» используется также для обозначения

любых лингвистических исследований, в которых применяется какой-либо математический аппарат.

Математическое описание языка основано на восходящем к Ф. де Соссюру представлении о языке как механизме, функционирование которого проявляется в речевой деятельности его носителей; её результатом являются «правильные тексты» - последовательности речевых единиц, подчиняющиеся определённым закономерностям, многие из которых допускают математическое описание. Разработка и изучение способов математического описания правильных текстов (в первую очередь предложений) составляет содержание одного из разделов М. л. – теории способов описания синтаксической структуры. Для описания строения предложения – точнее, его синтаксической структуры - можно либо выделить в нём составляющие – группы слов, функционирующие как цельные синтаксические единицы, либо указать для каждого слова те слова, которые ему непосредственно подчинены (если такие есть) [см.: *Лингвистический энциклопедический словарь*]. Математической лингвистике посвящены исследования О.С.Кулагиной, Н.Хомского, И.А.Мельчука, С.Маркуса, А.В.Гладкого, Б.В.Сухотина, И.П.Севбо, Б.Х.Парти.

Компьютерная лингвистика – направление в прикладной лингвистике, ориентированное на использование компьютерных инструментов – программ, компьютерных технологий организации и обработки данных – для моделирования функционирования языка в тех или иных условиях, ситуациях, проблемных сферах и т.д., а также вся сфера применения компьютерных моделей языка в лингвистике и смежных дисциплинах. Собственно, только в последнем случае и идет речь о прикладной лингвистике в строгом смысле, поскольку компьютерное моделирование языка может рассматриваться и как сфера приложения информатики и теории программирования к решению задач науки о языке. На практике, однако, к компьютерной лингвистике относят практически все, что связано с использованием компьютеров в языкознании [см.: *Энциклопедия Кругосвет*].

Что же касается **ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ**, **ПРАГМАСТИЛИСТИКИ**, и **КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**, то, если первый изучает речевой акт, в связи с чем детально анализируются положения теории речевых актов, а также отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве, второй рассматривает взаимоотношения стилистики и смежных дисциплин, третий же исследует проблемы соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия. В данном случае важно отметить и то, что многие проблемы, имеющие длительную историю в рамках изучения некоторых лингвистических дисциплин, нашли свое решение в прагматике, которая

рассматривается в рамках междисциплинарной области исследований знаков и знаковых систем семиотики совместно с двумя другими ее разделами: семантикой и синтактикой (см. работы: Ч.У.Моррис, Т. ван Дейк, Ч.С.Пирс).

Таким образом, текст изучается многими науками (их около двадцати), но он изучается с точки зрения заключенной в нем информации и в зависимости от того, что является предметом и объектом исследования. Как итог этого раздела мы процитируем известного исследователя в этой области О.И.Москальскую, одного из крупнейших отечественных германистов, чьи интересы охватывали проблемы теоретической грамматики немецкого языка, лингвистики текста и истории немецкого языка: «в данной ситуации целое речевое произведение – текст предстал как фокус, в котором скрещиваются все эти подходы к языку. Он оказался не только исходным материалом для названных направлений лингвистического поиска, но и определил предмет одного из них - предмет "лингвистики текста"» [Москальская, 1978: 11]. Всестороннее изучение текста как языковой и речевой единицы особого уровня требует создания особой лингвистической дисциплины – лингвистики текста [Москальская, 1981: 9]. В настоящее время лингвистика текста прочно укрепилась в системе лингвистических наук и такие термины, как «лингвистика текста», «теория текста», «грамматика текста», «синтаксис текста», «стилистика текста» получили самое широкое распространение.

1.2. Общие вопросы лингвистики текста

Давайте вспомним Периодическую систему Менделеева, которая представляет собой классификацию химических элементов, устанавливающая зависимость различных свойств элементов от их атомной массы. В современном варианте системы химические элементы расположены в двумерную таблицу, в которой каждый столбец определяет основные физико-химические свойства, а строки представляют собой периоды, в определённой мере подобные друг другу. Как нам известно, Д.И.Менделеев в своей таблице оставил несколько свободных мест и предсказал ряд фундаментальных свойств ещё не открытых элементов и само их существование. А теперь представим себе систему единиц языка как систему Менделеева. В системе единиц языка каждая единица (аналогично системе Менделеева) – неразложимый элемент в рамках определенного уровня членения текста и противопоставленный другим единицам в подсистеме языка, соответствующей этому уровню (например, фонема, морфема, слово, предложение). Каждая единица языка характеризуется определенными свойствами (функциями, значениями), как и химические элементы. Совокупности же основных языковых единиц образуют уровни языковой системы.

И не менее важная деталь – если в первой таблице Менделеева (1869 год) содержалось всего 60 элементов, то на сегодняшний день таблицу

пришлось расширить, чтобы поместить 118 элементов. Такая аналогия проведена нами не случайно. В системе единиц языка, как и в таблице Менделеева, ощущалась нехватка языковых единиц. Так, в научных исследованиях русских лингвистов в первой половине XX-века прослеживается идея о необходимости вычленения и описания языковых единиц, больших, чем предложение, например, в работах А.И.Белича [1947], Н.С.Поспелова [1948], А.М.Пешковского [1956], И.А.Фигуровского [1961], В.Я.Проппа [1969], В.В.Виноградова [1959], Л.А.Булаховского [1987], Л.В.Щербы [1974] под разной терминологией (синтаксическо-семантическое целое, сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, межфразовое единство) описываются более крупные объекты, чем предложение.

Выяснилось, что текст имеет свои структурные особенности и в нем проявляются черты, не свойственные предложению. Наблюдения над способами связи между предложениями в тексте показали, что отдельные части текста объединяются не только привычными формами связи, то есть союзами и союзными словами, но и такими, менее четко выделяемыми в ткани текста, например, лексическими повторами, повторами словосочетаний и предложений, употреблением глагольных времен, парными союзами, перечислением, вопросительными словами и другими.

Таким образом, во второй половине XX-века в системе единиц языка достойное место занимает текст, а ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА становится самостоятельной научной дисциплиной.

Истоками лингвистики текста принято считать античную риторику, герменевтику, семантику, психологию, логику, философию и другие науки. Формирование и становление лингвистики текста как самостоятельной языковедческой научной дисциплины относится к концу 70-х и началу 80-х годов прошлого столетия, когда возникают новые теории и направления – квантативный дискурс (У.Чейф), теория риторической структуры (С.Томсон), дискурсивный синтаксис (Г.Гивон), эмерджентная грамматика (П.Хоппер). Неоспорим вклад представителей Пражского лингвистического кружка (К.Гаузенблад, П.Сгалл, Х.Изенберг и др.), французской лингвистической школы (Ш.Балли, Э.Бенвенист, Р.Барт, Ю.Кристева, П.Серио и др.), немецкой лингвистической школы (Э.Косериу, Х.Вайнрих, П.Хартман, И.Беллерт и др.) в становление лингвистики текста.

Основы лингвистики текста заложены в трудах таких российских ученых, как А.И.Белич, Н.С.Поспелов, А.М.Пешковский, И.А.Фигуровский, В.Я.Пропп, В.В.Виноградов, Л.А.Булаховский, Л.В.Щерба, И.И.Мешанинов, В.М.Жирмунский, М.М.Бахтин. В исследованиях таких ученых, как И.О.Москальская, И.П.Гальперин, З.Я.Тураева, Т.М.Николаева, Л.А.Новиков, Т.М.Дридзе, С.И.Гиндин, И.И.Ревзин, М.И.Откупщикова, И.Р.Гальперин, В.Г.Гак, Б.М.Гаспаров, Е.А.Реферовская, И.И.Ковтунова, В.А.Бухбиндер, Г.В.Ейгер, Ю.А.Здоровов, И.И.Ковтунова, В.П.Руднев, А.А.Чувакин, К.А.Долинин, Н.В.Мальчева, Г.Г.Москальчук, А.В.Бондарко, И.Г.Торсуева, В.Е.Чернявская, Н.К.Яшина, К.А.Филиппов, Н.С.Валгина,

Ю.Н.Земская, А.А.Ворожбитова, А.М.Шахнарович, А.И.Новиков и др. лингвистика текста достигает пика своего развития.

Но на перспективу развития лингвистики текста у некоторых исследователей были сомнения. Например, Т.В.Булыгина утверждает, что, несмотря на некоторые особенности сочетаний предложений в тексте, текст не образует специфической структуры, свойства которой превосходили бы сумму свойств составляющих его предложений», чем игнорируется лингвистика текста как научная дисциплина [Булыгина, 1969: 224]. А.Т.Кривоносков идет еще дальше, лингвистику текста он называет «описательно-спекулятивной наукой» [Кривоносков, 1986: 36] и «очередным этапом лингвистических заблуждений» [Кривоносков, 1986: 23]. Такой же точки зрения придерживаются Даскал и Маргалит, которые утверждают, что нет необходимости в создании теории текста, и что грамматика предложения, если она "полностью разработана", может описать все явления текста [Dascal, Margalit, 1974: 195-213]. «Устаревающей дисциплиной» считает лингвистику текста и Ю.С.Степанов [Степанов, 2001: 8].

Круг вопросов, рассматриваемых в лингвистике текста, весьма широк, однако в качестве приоритетных можно указать следующие: текст как целостное образование, признаки текста (категории текста), закономерности построения и особенности функционирования языковых единиц в тексте; просодия и интонация в тексте; использование служебных слов как маркеров структуры текста; текстовая реализация более мелких языковых единиц (фонем, морфем и т.д.); структура текста; время и модальность в тексте; референция в тексте; типология текстов; лингвистический анализ художественного текста, теория перевода и обучение языкам, а также выявление лингвистических и экстралингвистических причин, определяющих функционирование текстов в процессе коммуникации.

В современной лингвистической литературе можно встретить различные определения лингвистики текста. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» лингвистике текста дается следующее определение: «направление лингвистических исследований, объектом которых являются правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 267]. В зарубежной же научной литературе лингвистика текста определяется следующим образом: «Лингвистика текста - языковедческая дисциплина, занимающаяся анализом языковых закономерностей, которые выходят за рамки одного предложения, она имеет своей целью определить конститутивные признаки текста как единицы языка и тем самым заложить основы теории текста» [Bufimanr, 1990: 779].

Интересно будет сопоставить дефиниции ЛТ, данные в различных словарях:

«ЛИНГВИСТИКА ТЭКСТА, транслингвистика, область современного языкознания, которая ставит своей целью найти и описать систему категорий

текста и определить специфические для него единицы формы и содержания» [Литературный энциклопедический словарь. - М.: Сов. энцикл. 1987].

«ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Раздел лингвистики речи, изучающий структуру речевых произведений, их членение, способы создания связности текста, дискурса, частотность встречаемости единиц языка в тех или других типах текста, смысловую и структурную полноту текста, речевые нормы в разных функциональных стилях, особенности письменной и устной форм реализации языка и т.д.» [Учебный словарь стилистических терминов. - Новосибирск: НГУ, 1999].

«ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Наука, изучающая правила и закономерности построения связного текста и его категории, формальные механизмы и структуры связей предложений, абзацев, сверхфразовых единств. Л.т. объединяет синтактику и семантику текста, грамматику и прагматику текста.

[Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: Словарь-справочник. - Назрань: ООО «Пилигрим». Т.В. Жеребило, 2011]

Суть всех приведенных выше определений сводится к тому, что лингвистика текста как особый раздел языкознания направлен на изучение целых речевых произведений и их фрагментов. Лингвистика текста включает не только теорию текста, но и прикладные направления. Если в области теории текста лингвистика текста видит свои задачи в нахождении и построении категории текста, то в области прикладных направлений – изучить условия правильной человеческой коммуникации.

Как правильно заметил К.А.Филиппов, интерес к исследованию текста не ослабевает, лингвистика текста живет и развивается, становление ее не может считаться завершенным [Филиппов, 2003]. Как нам кажется, лингвистика текста переживает очередной этап своего развития с появлением новых лингвистических фактов, то есть изучением языка как текста. В.А.Плунгян говорит том, что «текст – это наша единственная данность, и отвергать ее в пользу абстрактного языка методологически не всегда справедливо и правильно. Мы должны вернуться к изучению текста, к изучению случайного, вариативного, индивидуального – всей нашей текущей, неструктурированной, несистемной реальности», и что «изучению языка как текста способствуют языковые корпуса – крупные массивы текстов, обработанные по определенным правилам (речь идет о Национальном корпусе русского языка). Таким образом, на смену системной, статичной, синхронной, качественной лингвистике, ориентированной на ограниченный круг языков, приходит лингвистика вариативности, внесистемная (или асистемная) лингвистика текста, ориентированная на количественные подходы, на изучение диахронии и на максимальный учет языкового разнообразия. Посмотрим, какие новые закономерности структуры и эволюции языка эти подходы смогут выявить [Плунгян, 2018].

Чуть выше мы отметили, что в области теории текста лингвистика текста видит свои задачи в нахождении и построении категории текста. Проблема изучения текстовых категорий является в настоящее время одной из наиболее спорных и дискуссионных проблем. В специальной научной и учебной литературе мы находим множество определений категорий текста, авторы которых пытаются обобщить имеющиеся определения их феномена, выделить их сущностные параметры и сформулировать свой подход к осмыслению данного понятия.

В философском словаре дается следующее определение понятию «категории»: «Категории (categoria – определение, суждение) – философские понятия, являющиеся средствами выработки: а) картины мира, б) способов освоения человеком различных объектов, в) норм понимания бытия вообще и человеческого бытия в частности. К. играют важную методологическую роль в мышлении и Деятельности человека, поскольку задают порядок рассмотрения других понятий, определенный тип видения самых разнообразных объектов» [https://gufu.me/dict/philosophy_dict/].

Данный термин используется многими науками, в том числе и языкознанием. Термин-словосочетание «категории текста» является одним из основных понятий и в лингвистике текста. В полном словаре лингвистических терминов можно прочесть следующее: «КАТЕГОРИЯ – существенный признак, способный служить основанием для деления множества явлений на однородные классы. Термин категория относится к числу общенаучных. В языкознании он указывает на группу языковых единиц, обладающую общим свойством, и на само это свойство в отвлечённом виде.

Как правило, в научной речи используется термин-словосочетание, в котором уточняется, какой именно класс языковых единиц рассматривается с категориальной точки зрения, т.е. по наличию общих свойств: грамматические и лексико-семантические категории, категории текста; категория склонения, падежа. Термин категория употребляется на разных уровнях обобщения, сравните: *грамматическая категория*, категория склонения...» [Матвеева, 2010: 141].

Таким образом, категория текста - это такой признак, который свойствен всем текстам и без которого не может существовать ни один текст. Следует особо подчеркнуть, что для обозначения рассматриваемой проблематики исследователями используются различные термины: категории (И.Р.Гальперин), факторы (В.П.Даниленко), признаки (А.Н.Мороховский), свойства (Л.Н.Мурзин), текстовые сущности (А.Ф.Папина), характеристики, критерии, признаки и др. На наш взгляд, данные термины можно считать синонимами и текстовую категорию можно определить как совокупность некоторых признаков или понятий, при помощи которых выявляется соответствующая характеристика текста.

Что же касается количества текстовых категорий, то оно колеблется от 1 до 14. Так, З.М.Мухторов в своем научном исследовании описывает 14

категорий текста: 1. Категория времени - категория пространства. 2. Категория цельности - категория модальности. 3. Категория авторства - категория адресата. 4. Категория интеграции - категория завершенности. 5. Категория связности - категория членимости. 6. Категория ретроспекции - категория проспекции. 7. Категория информативности - категория когнитивности [Мухторов, 2013: 10]. И.Р.Гальпериным выделяются десять основополагающих категорий текста: информативность, членимость, когезия, континуум, автосемантичность отрезков текста, ретроспекция, проспекция, модальность, интеграция и завершенность [Гальперин, 1981]. Р.Богранд и В.Дресслер говорят о семи критериях текстуальности, а именно: 1) когезия (Kohasion), 2) когерентность (Kohsrenz), 3) интенциональность (Intentionalitat), 4) воспринимаемость (Akzeptabilitat), 5) информативность (Informativitat), 6) ситуативность (Situationalitat), 7) интертекстуальность (Intertextualitat) [Beaugrande, Dressler, 2002]. В.П.Даниленко в качестве текстообразующих рассматривает шесть факторов: тему, предмет речи, обстановку общения, отношение к получателю текста, композицию и стилистико-жанровый тип текста [Даниленко, 2010: 80-83]. У О.Н.Копытова фундаментальных категорий текста пять: 1. Адресант и Адресат; 2. Хронотоп; 3. Событие; 4. Актант; 5. Диктум/Модус [Копытов, 2012: 253]. М.Н.Кожина выделяет такие категории, как связность, логичность, цельность [Кожина, 2008].

В других работах (например, Л.Г.Бабенко, Н.С.Болотновой, Н.Д.Бурвиковой, Н.С.Валгиной, А.И.Горшкова, С.И.Гиндина, Т.А.Голиковой, В.З.Демьянкова, О.Л.Каменской, В.И.Карасик, Г.В.Колшанского, Ю.А.Леввицкого, Н.А.Лукияновой, М.Р.Львова, Т.М.Николаевой, Н.А.Николиной, В.В.Одинцова, М.М.Разумовской, Е.А.Реферовской, Г.Я.Солганик, Ю.А.Сорокина, Е.В.Сидорова, З.Я.Тураевой, К.А.Филиппова, В.Е.Чернявской, А.А.Чувакина, Н.В.Шевченко, В.И.Шаховского и многих других) встречаются такие же и другие категории текста: тональности, оценочности, пред- и постинформации, инициальности/неинициальности, прогрессии и стагнации, темпоральности, образа автора, художественного пространства и времени, подтекста, пресуппозиции, локальности, композиции, персональности, аспектуальности, модуса, авторского сознания и др., причем, как мы указывали выше, количество текстовых категорий может составить полтора десятка.

Характеристика текста как лингвистического феномена не определяется участием в его создании собственно языковых средств, она включает в себя и прагматический и логико-смысловой аспекты его существования. Являясь продуктом целенаправленной речевой деятельности, текст становится связующим звеном между участниками коммуникативного акта – адресантом и адресатом, значимость последнего при этом не менее важна. Это обусловлено тем, что адекватное восприятие текста предполагает общую, или, по крайней мере, совпадающую, в отдельных областях пресуппозицию партнеров, которая предполагает наличие сходного фонда

энциклопедических, языковых, социально-коммуникативных и других знаний.

Любой текст представляет собой сложное, иерархически организованное множество микротекстов, между которыми существует коннективная связь, образуемая различными текстообразующими средствами: лексическими, морфологическими, синтаксическими, которые совокупно обуславливают его **связность**. Связность текста интерпретируется чаще всего как совокупность собственно языковых средств, представляющих внешнюю структуру текста. Связность, или когерентность бывает двух видов: линейная (левосторонняя), обеспечивающая последовательность развертывания предложений в тексте, и глобальная (вертикальная, правосторонняя), обеспечивающая связность предложений в единое целое, определяющая позицию отдельного предложения в тексте.

Большинство исследователей, работающих в области лингвистики текста, занимаются изучением и описанием элементов, обеспечивающих линейную и глобальную связность текста, как в плане его коммуникативной организации, так и в плане его семантико-синтаксической структуры. Однако уже на начальном этапе исследования перечисленных параметров встал вопрос о парадигматике средств связи на текстуальном уровне, о закономерностях и правилах выбора тех или иных способов, семантических моделей или элементов языка. Решение этих вопросов также тесно связано с актуальными вопросами прагма- и психолингвистики, с определением таких понятий, как модель ситуации общения, условия общения, фоновые знания участников коммуникативного акта, их социальные роли; развертывание пропозиции, внутренний лексикон и грамматикон языковой личности, а также и ее прагматикон [*Караулов: 1987*].

Цельность же текста обеспечивается, прежде всего, его смысловым единством, его способностью выполнять коммуникативную функцию – выражать информацию об исследуемом предмете, представлять его полную характеристику, отражающую определенную точку зрения на его исследование. Иначе говоря, цельность текста проявляется в его смысловом единстве, монотематичности, и определяется единством коммуникативной целеустановки (авторской интенции). А.А.Леонтьев, давая характеристику основным свойствам текста, полагает, что цельность – это проявление психолингвистических категорий. Исследователь считает цельным лишь тот текст, который воспринимается как «осмысленное целесообразное единство»; цельность, по его мнению, категория психолингвистическая, несоотносимая с грамматикой текста, суть ее «в единстве коммуникативной интенции говорящего (говорящих) и в иерархии планов (программ) речевого высказывания» [*Леонтьев, 1976: 77*].

Другие ученые, например, Г.В.Колшанский, считают цельность текста когнитивной категорией. Смысловое единство текста, предполагающее единство содержания, есть одна из составляющих его коммуникативной целостности, так как является результатом отражения объективных логико-

смысловых (или предметно-логических) связей, которые определяются денотативным содержанием текста и речемыслительными операциями референта коммуникации. Развертывание замысла автора в полный текст осуществляется в определенной последовательности, которая «индуцирует соответствующую структуру мысли. Логико-смысловый признак, поэтому входит в качестве существенного в понятие организации текста, так как сцепление высказываний в процессе коммуникации должно демонстрировать связность в изложении некоторой темы и отвечать, по крайней мере, двум требованиям коммуникативного акта – дискретности и понимаемости» [Колшанский, 1984: 117]. Связь психолингвистических и когнитивных категорий естественна, так как понятие цельности текста неразрывно связано с такими понятиями прагматики и психолингвистики, как интенция адресанта, понятийный тезаурус индивидуума, этапы порождения речи.

Существенным и необходимым признаком всякого текста, в том числе и лингвистического, является **тема**, определяемая как экстралингвистическая единица, однако не только входящая в ядро текста, но и в значительной степени определяющая его структуру: «Тема – это свернутое содержание, которое сопоставимо с замыслом» [Новиков, 1983: 23]. Тема текста находит свое выражение в определенных группах лексических единиц, ключевых словах, осуществляющих основные номинации, объединяющихся в номинативные цепочки. Номинативные цепочки лингвистических текстов представлены, прежде всего, специальной лингвистической терминологией, соответствующей терминосистемой, а также определенным кругом субститутов: местоимениями некоторых разрядов, функциональными номинациями определенной синтаксической структуры.

Смысл, основное содержание текста, развертывается постепенно в отдельных пропозициях, которые связаны между собой известными логическими отношениями; они выражаются конкретными синтаксическими средствами – определенными преобладающими структурными схемами, союзами, союзными и вводными словами.

Композиция текста всегда отражает тему и основное содержание текста, традиционно она состоит из заголовка, вступления, основной части и заключения. Основная часть состоит из определенных блоков, детализирующих подтемы. Каждый фрагмент композиции создается определенной коммуникативной и содержательной обособленностью, законченностью, которая создается определенными лексическими, синтаксическими, интонационными и графическими средствами.

1.3. Понятие дискурса в современной лингвистике

Изучение текстов различных жанров и типов с точки зрения их речевых (жанрово-стилевых, композиционных), языковых (семантических и структурно-синтаксических) и логико-смысловых особенностей позволяет, учитывая динамику речевой деятельности, объяснить те языковые изменения и трансформации, которые происходят в процессе порождения речи.

Изучение прагматических факторов, которые воздействуют на речевое общение, помогают глубже понять, как интенциональные аспекты речевой деятельности, так и процессы поэтапного порождения высказывания и языкового построения текста.

В данном случае следует сразу оговориться, что в нашем исследовании происходит четкое разграничение понятий «высказывание» и «текст». Под *высказыванием* мы понимаем продукт определенной речевой ситуации. В этом понимании высказывание значительным образом сближается с текстом, однако между ними имеются и отличия. *Текстом* мы называем высказывание, ставшее объектом лингвистического анализа (в нашем случае), и в этом смысле он характеризуется такими качествами, как цельность, связность и законченность. Высказывание же мы трактуем как единицу речевого общения, характеризуемую такими понятиями, как речевая ситуация, характеристики участников коммуникации, наличие пресуппозиции, интенции ее участников. Если имеется в виду текст, то, оперируя терминами связность и цельность, мы характеризуем не только семантическую, смысловую его сторону, но и структурные особенности. Эти же термины к анализу высказывания будут обозначать, прежде всего, лишь смысловые его характеристики. Привязанность высказывания к ситуации проявляется в том, что в сознании говорящего формируется предметно-логическая модель, адекватная структуре ситуации, однако при ее описании возможно использование различных средств. Это означает, что, с одной стороны, в однотипных речевых ситуациях говорящие используют сходные высказывания, т. е. возможно их моделирование, с другой стороны, высказывание отличается вариативностью, возможностью описать одну и ту же ситуацию различными средствами, следовательно, возможно сравнительное изучение инварианта и реализуемых в речи вариантов.

Таким образом, соотношение «высказывание» – «текст» можно определить следующим образом: высказывание является единицей лингвистической прагматики, соотношенной с какой-либо речевой ситуацией и основными ее параметрами, текст же является речевым отрезком, то есть материально выраженным, реализованным результатом этой ситуации, соотношенной с такими понятиями как стиль и жанр речи; иными словами, высказывание является единицей содержательного плана, аналогичной таким, как морфема, лексема, синтаксема и др., а текст – единицей плана выражения, по аналогии с морфемами, словами, предложениями.

Изучение и описание внешних условий порождения речи, а также глубинных процессов ее организации предполагает оперирование понятиями *высказывание, тема, развертывание темы*, изучение же структуры высказывания, способов выражения предметно-логического содержания, предполагает оперирование терминами *текст, структура текста* и др. Подобная интерпретация терминов «высказывание» и «текст» позволяет нам связать воедино процесс мотивации, формирования и порождения речи и таким образом изучить условия протекания этих процессов.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение соотношения терминов «текст» и «дискурс».

Что же касается этимологии термина «дискурс», то она заключается в следующем: «Слово «дискурс» происходит от латинского глагола, который означает «бегать». В исходном значении латинское слово *discursus* – это некая бегодня, мельтешение. А производное значение – это «беседа, разговор», «речь, использование языка». За этим производным значением стоит метафора некоторого быстрого перемещения мыслей или, может быть, слов между сознанием одного участника взаимодействия и другого» [*Кибрик, 2013*].

В настоящее время дискурс, представляя собой многозначное понятие, становится объектом научных исследований в различных направлениях и активно используется в философии, социологии, культурологии, политологии, литературоведении, языкознании и других общественных науках.

В языкознании в 1950-е гг. XX-века впервые с трактовками термина «дискурс» выступают два выдающихся лингвиста – француз Э.Бенвенист [*Бенвенист, 2009*] и американец З.Харрис [*Harris, 1952*], правда, выбрали они термин для обозначения разных объектов исследования.

З.Харрис понимает дискурс исключительно как «последовательность высказываний, отрезок больший, чем предложение» [*Harris, 1952: 23*]. В данной статье лингвист указывает, что дискурс-анализ связан по крайней мере с двумя проблемами:

1) дескриптивная лингвистика ограничивается предложением как основной единицей, тогда как говорящий человек в действительности создаёт некоторую последовательность предложений в процессе речи; дескриптивная лингвистика не обладает понятийным аппаратом для анализа социальной ситуации, в которой эти предложения употреблены.

2) дискурс-анализ выходит за рамки анализа предложения и всегда связан с ситуацией – «будь то просто «высказывание человека, или беседа, или работа человека подчас месяцами над особым видом книги в отдельной литературной или научной традиции» [*Harris, 1952: 3*].

Э.Бенвенист понимает дискурс как некую характеристику «речи, присваиваемой говорящим» (Дискурс – это такой эмпирический объект, с которым сталкивается лингвист, когда он открывает следы субъекта акта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим) [*Бенвенист, 2009*]. В отмеченной работе он противопоставил термины “*discurs*” и “*recit*” (повествование), и эта дихотомия соответствовала противопоставлению языка и речи. С этого времени происходит разграничение понятий «дискурс» и «текст», что связано с тенденцией миропонимания в науковедении и интенсивным развитием гуманитарных наук.

С точки зрения современных исследователей дефиниции, данные Э.Бенвенистом и З.Харрисом носят противоречивый характер, но, тем не

менее, их вклад в развитие теории дискурса и дискурс-анализа считается огромным.

Однако только в 70-е и 80-е годы XX-века понятие «дискурс» начинает обретать терминологический статус. В научной серии «Новое в зарубежной лингвистике» выходят сборники трудов по социолингвистике (1975), лингвистике текста (1978), лингвостилистике (1980), лингвистической прагматике (1985), теории речевых актов (1986), когнитивным аспектам языка (1988). В этот период российские лингвисты при изучении текста как коммуникативной единицы начинают использовать понятие «дискурс» в терминологическом значении. Одновременно в русском языке наблюдается динамика в словоупотреблении лексических единиц «дискурс» и «текст», связанная с «деспециализацией» лексем класса «текст» [Демьянков, 2005, с. 34].

Таким образом, в конце XX – начале XXI вв. российскими исследователями термин «дискурс» стал широко использоваться в психолингвистике, социолингвистике, прагмалингвистике, прагматистике, лингвистической семантике, лингвокультурологии, теории перевода и компьютерной лингвистике как следствие освоения опыта дискурсивных исследований, сформировавшийся во французской и американской лингвистике. Обогащение науки о языке новыми подходами приводит к становлению новой «когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания» [Кубрякова, 1986, с. 23].

Особого внимания заслуживает определение дискурса в Словаре лингвистических терминов Т.В.Жеребило, изданный в 2010 году:

ДИСКУРС (нем. Diskurs, франц. discours, англ. discourse). 1) Первоначальное значение – разумное размышление. 2) Затем термин стал применяться в значении диалог. 3) Дискурс – это связанная речь в устной и письменной форме. В данном случае анализ сосредоточен на интеракционном взаимодействии отправителя и получателя речи. 4) Конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах или устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном пространстве. 5) Текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом. 6) В русской стилистике дискурс – это текст, изучаемый в коммуникативно-стилистическом аспекте. 7) В германо-австрийской школе Д. – это языковое выражение (языковой коррелят) определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность. 8) Дискурс – интегративная совокупность текстов, связанных семантическими отношениями и объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении. 9) Ю.С. Степанов указывал, что термин дискурс первоначально в своем значении в русскоязычной научной среде сближался с термином функциональный стиль. В трудах англоязычных ученых значение термина Д. на первых порах формулировалось следующим образом: 1) связанный текст; 2)

устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная. Кибрик А.Е. трактует дискурс как процессы построения и понимания устной речи. Э.Бенвенист считал, что: 1) Д. – это речь, присваиваемая говорящим; 2) Д. – это речь, погруженная в жизнь. Наиболее частотны формулировки, когда дискурс рассматривается как текст или как речевая деятельность. В «Кратком словаре лингвистических терминов» дискурс толкуется, как речевое произведение, рассматриваемое во всей полноте своего выражения. Степанов Ю.С. считает, что Д. – это «язык в языке», но представленный в виде социальной данности». В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дискурс трактуется: 1) как связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; 2) текст, взятый в событийном аспекте; 3) речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие. А.К.Михальская в «Педагогическом речеведении» дает следующие определения: 1) Д. – поток речевого поведения, письменной фиксацией которого выступает текст; 2) Д. – важнейшая составляющая речевого события, процесс речевого поведения, речевой и невербальный обмен, протекающий в речевой ситуации. Н.Ф.Алефиренко пишет, что Д. – это сплав языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации. Глава Ставропольской школы дискурса Г.Н.Манаенко считает, что Д. – это не просто поток речевого общения, но речевое поведение субъекта идеологии, ограниченное рамками, конкретными обстоятельствами жизни человека [Жеребило, 2010, с.94-95].

Какаясь вопроса соотношения «дискурс» – «текст», нам пришлось проанализировать работы ведущих лингвистов, которые, так или иначе, касались данной проблематики. Существует несколько точек зрения на отношения этих двух понятий. Так, вслед за Э.Бенвенистом Т.А. ван Дейк в своем трактате «Стратегии понимания связного текста», разграничивает понятия «текст» и «дискурс» [Дейк, Кинч, 1988]. Т.А. Ван Дейк, занимающийся вопросами дискурса и дискурс-анализа, и научные труды которого уже стали классическими, дискурс понимает в широком и узком смысле, правда, оговариваясь, что понятие дискурса так же расплывчато, как понятия языка, общества, идеологии, что зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными. «Дискурс» – одно из них.

Дискурс в широком смысле (как комплексное коммуникативное событие): – есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие (КД) может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Типичные примеры – обычный разговор с другом, диалог между врачом и пациентом, чтение газеты.

Дискурс в узком смысле (как текст или разговор): как правило, выделяют только вербальную составляющую КД и говорят о ней далее, как о «тексте» или «разговоре». В этом смысле термин Д обозначает завершённый или продолжающийся «продукт» КД, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами. Т.е. Д в самом общем понимании – это письменный или речевой *вербальный продукт* коммуникативного действия.

Разница между дискурсом и текстом: Д – актуально произнесённый текст, а «текст» – это абстрактная грамматическая структура произнесённого (напомню: речь | язык, langue | parole, компетентность | произносимость). Д – это понятие, касающееся *речи*, актуального речевого действия, тогда как «текст» – это понятие, касающееся системы *языка* или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности (Teun Van Dijk, 1998).

Н.Д.Арутюнова даёт следующее определение дискурса: (от франц. discours - речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими - прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погружённая в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно. Она также подчеркивает такие особенности дискурса, как его соотнесённость с событийной действительностью, ориентация на коммуникацию, то есть взаимодействие индивидуумов, суггестивность и перцепцию [Арутюнова, 1990: 137].

В.З.Демьянков определяет текст «как вербальную составляющую коммуникации, т. е. не включающую паралингвистические и невербальные части сообщения и отмечает следующие его свойства:

- у него есть иерархические отношения, распознаваемые интерпретатором и позволяющие ориентироваться в тексте, а также предопределяющие интерпретацию его частей (например, анафорических и личных местоимений);

- значение каждого отдельного предложения выводится, среди прочего, из значения предшествующего текста;

- он может быть понят только при условии, что интерпретатор в состоянии запоминать и использовать информацию и логические выводы, полученные из прочтения предшествующего текста,

- эта хранимая информация позволяет сузить множество интерпретаций у каждого последующего предложения текста;

- предложения в текстах связаны между собой, обладают «коннекцией», на наличие которой можно найти указания в самом тексте» [Демьянков, 2007].

«В лингвистической литературе дискурсом чаще всего называют речь (в частности, текст) в ее становлении перед мысленным взором интерпретатора. Интерпретатор помещает содержание очередной интерпретируемой порции дискурса в рамки уже полученной промежуточной или предварительной интерпретации. В результате устраняется, при необходимости, референтная неоднозначность, определяется коммуникативная цель каждого предложения и шаг за шагом выясняется драматургия всего дискурса.

По ходу такой интерпретации воссоздается – «реконструируется» – мысленный мир (universe of discourse), в котором, по презумпции интерпретатора, автор конструировал дискурс и в котором описываются реальное и желаемое (пусть и не всегда достижимое), нереальное и т. п. положение дел. В этом мире мы находим характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий (в частности, поступков действующих лиц) и т. п. Этот мысленный мир включает также домысливаемые интерпретатором (с его неповторимым жизненным опытом) детали и оценки. В русской философской литературе подчеркивается и то, что в дискурсе присутствует некоторый «ментальная точка отсчета» – то «Эго», которому эмпатизирует интерпретатор и без которого дискурс распадается, теряя свою связность: именно поэтому дискурсивность противопоставлена соборности. Для текста такое свойство не обязательно: дискурс как интерпретация текста восполняет и отсутствие явных указаний на «Эго», и присутствие многих «ментальных точек отсчета». Теперь становится ясным, почему существует много текстов о мире, существующем как бы без автора текста, но невозможен такой дискурс. И именно поэтому написать такой текст можно, а понять его адекватно, выстроить как связный дискурс, не вводя «Эго», нельзя.

Текст – не простой материальный объект, а интерпретируемый вербальный объект, за которым можно увидеть протекание дискурса.

Итак, прототипический текст – предмет, а прототипический дискурс – процесс, как этого и требует их этимология. Поэтому текст остался словом обыденного языка, а дискурс стал и остается специальным термином наук о человеческой духовности» [Демьянков, 2007].

М.Я.Дымарский противопоставляет эти понятия на основе критерия “сиюминутности”, утверждая, что дискурс существует только в реальном физическом времени, не способен накапливать информацию и исчезает после своего завершения, а текст существует в физическом времени не сам по себе, а лишь в оболочке материального объекта-носителя [Дымарский, 1999].

Таким образом, на современном этапе научных лингвистических исследований понятия *дискурса* и *текста* уже не столь часто отождествляются, как это было прежде. В их трактовке лингвисты выделяют ряд различий, которые можно условно разделить на две группы. С одной стороны, понятия *дискурса* и *текста* противопоставляются по параметру

динамика коммуникации (дискурс)/статика объекта (текст). С другой стороны, отношение текст/дискурс трактуются как отношение часть/целое.

Понятие дискурса в психолингвистике и лингвистической прагматике противопоставляется тексту как лингвистической данности, так как включает в себя элементы порождения (прагматика) и восприятия (психолингвистика) текста. Следовательно, дискурс – понятие более широкое, чем текст. Текст – явление лингвистическое, единица речи, обладающая такими качествами, как связность, цельность и законченность; дискурс – понятие междисциплинарное, единица речи, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие с момента замысла, включающая процессы порождения, восприятия, интерпретации и оценки. Не случаен интерес к дискурсу представителей генеративной грамматики, так как одной из своих сторон он неразрывно связан с прагматической ситуацией, оценкой его “коммуникативной адекватности” [Арутюнова, 1990], а другой из сторон, с пресуппозицией участников коммуникативного акта, необходимой для его интерпретации. В этом плане дискурс обращен не только к ментальным процессам участников коммуникации, но и к внешнему контексту в целом, то есть к социальным, культурным, психолингвистическим нормам и стратегиям порождения и понимания речи, сложившимся в данном обществе.

Следовательно, текст есть лишь фрагмент дискурса, материальная данность, объект для изучения; дискурс – процессуальная данность. Дискурс не является лишь изолированной текстовой или диалогической структурой, скорее это сложное коммуникативное явление, которое включает в себя социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщений.

Вследствие этого мы пришли к следующим выводам.

1. В настоящее время общепринятое понимание дискурса и текста отсутствует. Многие исследователи отождествляют понятие дискурса с другими явлениями языка (текстом, речевым актом, функциональным стилем, речевым жанром).

2. Дискурс противопоставляется как отрезок речи в “действии”, то есть как процесс, как результат, или же одновременно как процесс и как результат.

Более близкой нам является точка зрения Н.Д.Бурвиковой, которая отмечает: “Дискурс отвечает на вопрос: как создано речевое произведение, как “шел сам процесс”, как пройдет процесс восприятия текста адресатом”, “Текст отвечает на вопрос: что создано. Текст создается для получателя информации, который в результате ознакомления с ним создает свой дискурс” (2000). Однако совершенно справедливо заметил М.Я.Дымарский, что текст всегда включает в себя в зашифрованном виде все единицы коммуникативного акта и сигналы для их дешифровки.

Таким образом, следует говорить о коммуникативно-прагматическом аспекте данных понятий. Они довольно близки, различаются, прежде всего,

сферой использования, а также и методами исследования. Так, такие дисциплины, как стилистика текста, синтаксис текста занимаются изучением собственно текста, а лингвистика текста, психолингвистика, прагматика речи выбирают в качестве объекта исследования именно дискурс.

В данном случае важно отметить и то, что в практике преподавания языкам коммуникативно-прагматический подход к указанным единицам общения дает опору для более глубокого осмысления методического принципа активной коммуникативности.

1.4. Основные тенденции функциональной стилистики

В 80-е годы решение многих проблем, связанных с исследованием текста, представлялось неразрывно связанным с разработкой универсальной типологии текстов. Такие попытки были осуществлены в работах И.Р.Гальперина, Г.А.Золотовой, Ю.В.Ванникова, В.В.Одинцова, М.Н.Кожинной, Ю.А.Васильева и ряде других. Однако в конце 80-х – начале 90-х годов появился ряд общих работ, которые позволяют более глубоко оценить результаты работы, проделанной упомянутыми исследователями. Речь идет, прежде всего, о цикле исследований Е.С.Кубряковой, Н.Д.Арутюновой, А.М.Шахнаровича, посвященных изучению человеческого фактора в языке и модели порождения речи, монографии Ю.Н.Караулова «Русский язык и языковая личность» (1987), коллективных монографиях «Общение. Текст. Высказывание» (1989), «Текст как инструмент общения» (1983), которые представили новые перспективы в изучении текста с позиции анализа его как особым образом структурированной системы средств выражения содержательного блока, а также закономерностей организации этого содержания. В данном контексте по-новому прозвучали исследования и по типологии текстов и по их жанрово-стилистической принадлежности.

Как уже было отмечено, основной сложностью при разработке общей типологии текста, была и остается его многоаспектность и полифункциональность, так как в нем реализуется множество прагматических и психолингвистических параметров – личность автора, его коммуникативная целеустановка, адресат, цель сообщения, сфера общения. Вместе с тем текст соотнесен со множеством собственно языковых и речемыслительных категорий, соотносимых с личностными качествами участников коммуникативного акта, их компетентностью, так как он может быть охарактеризован в плане стилистической и жанровой организации, коммуникативной завершенности, денотативной соотнесенности. Попытки сопряжения различных аспектов описания текста привели к следующим результатам: прагматические факторы, оказывающие влияние на содержание и структуру текста максимально реализуются в его жанровой и стилистической организации; когнитивные же категории, соответствующим образом «обработанные» в процессе порождения речи отражаются в структуре и парадигматике текста; совмещение же этих внешних и

внутренних для текста параметров происходит в композиционном, или функционально-семантическом типе речи.

Как известно, в реальном общении каждый текст характеризуется принадлежностью к тому или иному ФС и оформляется с помощью тех языковых средств, которыми располагает данный стиль. Любое сознательное, целенаправленное отклонение от системы норм данного стиля предпринимается для достижения большей его информативности (эмоционально-экспрессивной, контекстуальной), появления подтекста «второго плана»; любое же неосознанное отклонение от правил, диктуемых стилем, ведет к нарушению коммуникации, затруднению восприятия, оценки и осмысления передаваемой информации. Таким образом, жанровая организованность и стилистическая однородность есть необходимые условия восприятия текста как единого целого. Отметим, что жанр и функциональный стиль являются категориями родственными, но не синонимичными, так как выделяются по различным основаниям. Выбор стиля, обусловленный коммуникативным актом, оказывает значительное влияние на эффективность процесса общения, так как сам является обусловленным сферой общения, а жанр высказывания лишь опосредованно связан с ситуацией общения.

Современная стилистика началась с работ Ш.Балли и стала самостоятельной дисциплиной в работах ученых Пражского лингвистического кружка. Концепция Ш.Балли (1955, 1961) базировалась на понятии функционального выбора, согласно которому в многочисленных синонимических рядах и формах можно выделить три группы членов, часть которых являются нейтральными, а другие две характеризуются эмоциональной окраской, сниженной и высокой. Следует отметить, что в трудах ученого отождествляется экспрессивное и стилистическое, которые представлены в языке на системном уровне, а именно в парадигматике. Следовательно, предметом стилистики, по Ш.Балли, является изучение позиций, то есть стилистических и жанровых контекстов употребления единиц языка – лексических, фразеологических, синтаксических.

Выстраивая собственную стилистическую теорию, представители Пражской лингвистической школы исходили из следующих основных положений: закономерности построения текста как речевого произведения в любой из форм его проявления зависят от выбора, который осуществляет говорящий, из заранее предоставленных языком средств. Сам же выбор единиц, а также их синтагматика определяется целями говорящего, то есть тем эффектом, которого он хочет достичь в результате своего сообщения, таких целей может быть несколько – общение, сообщение и воздействие. Как видим, эти цели определялись на основании выделения функций языка, и в рамках данной школы рождается понятие ФС. Следовательно, в арсенале лингвистических средств можно выделить ряд элементов, которые, наряду с основными функциями - номинативной, различительной и под., могут обладать еще и побочными, например, экспрессивной. Эта функция

заключается в способности воздействовать на слушающего эмоционально, с целью придания высказыванию экспрессии, изобразительности, сообщения не только какого-либо факта, события, но и выражения к нему собственного отношения.

При построении основ стилистики в отечественном языкознании, выработке ее основных направлений и задач выдающийся русский лингвист В.В.Виноградов опирался не только на положения Ш.Балли и идеи представителей Пражского лингвистического кружка, но и на традиции российской лингвистической науки. Он писал, в частности, «что внутренняя дифференциация языковых стилей может и не опираться на различие функций языка (общение, сообщение и воздействие) или на выделение тех или иных разновидностей коммуникативной функции. Она может осуществляться на основе структурных или конструктивных противопоставлений и соотношений между частными системами выражения внутри единой структуры языка (такова, например, синонимия парадигматических форм, синонимия в кругу форм словосочетаний и предложений, синонимия слов и фраз и т.п.). Ведь в слове *функциональный* заключен двойной смысл. Он может указывать и на связь стилей с разными функциями языка, и на функциональное разграничение сфер употребления этих стилей» [Виноградов, 1981: 22].

Так, Л.В.Щерба высказывал идею о представлении языка в виде системы концентрических кругов – «основного и целого ряда дополнительных, каждый из них должен заключать в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок. Из всего сказанного ясно, что развитый литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимических средств выражения, так или иначе соотнесенных друг с другом» [Щерба, 1957: 121].

Однако в современной стилистике до настоящего времени царит терминологический хаос, так как четкая система критериев определения стиля отсутствует. Так в существующей учебно-научной литературе сложились две следующие классификации: высокий (книжный), нейтральный (средний) и сниженный (разговорный) – применительно к классификации и описанию стилистических средств; и официальный (официально-деловой), научный, публицистический и разговорный применительно к функционально-стилевой дифференциации текстов [Земская, 1973: 25]. Первые принято называть стилями языка, так как они характеризуют какие-либо языковые средства с точки зрения норм их употребления, вторые называют стилями речи, или функциональными стилями, так как они характеризуют высказывание в целом.

Совершенно очевидно, что перед нами две классификационные системы, имеющие различные основания и что термины «стиль речи» и

«функциональный стиль» трудно признать синонимичными, так как первый оперирует с уже готовым текстом на основе анализа его структуры, языковых особенностей, а второй предполагает объединение множества текстов в одну группу на основании общности функции. Предположим, что в основу выделения ФС были положены такие основные функции языка как общение, сообщение и воздействие. Но следует отметить, что данные понятия не являются взаимоисключающими, а наоборот, пересекающимися. Так, и сообщение и воздействие предполагают определенный уровень восприятия, определенную реакцию на высказывание, то есть общение; сообщение же не исключает воздействия на собеседника, слушающего, а общение даже его предполагает. Поэтому в основе такой классификации, очевидно, лежит признак преобладания какой-либо функции, а точнее, какая-либо основная, наиболее типизированная интенция, соотнесенная с какой-либо из этих функций.

Количество стилей, выделяемых различными исследователями, колеблется от 4 до 8. В.В.Виноградов, например, выделяет следующие стили: обиходно-бытовой, обиходно-деловой, официально-документальный, научный, публицистический и художественно-беллетристический [Виноградов, 1981: 29]. В современной лингвистике принято выделять пять основных ФС: научный, официально-деловой, публицистический, разговорный и художественный, которые могут подразделяться на подстили.

В нашу задачу, разумеется, не входит глубокое освещение данного вопроса. Мы ограничимся лишь ссылкой на то, что классификация ФС связано, прежде всего, ситуацией и сферой общения, то есть дифференциацией сфер коммуникативной деятельности.

Следует подчеркнуть, что с точки зрения коммуникативного намерения говорящего можно выделить тексты объективированного информативного характера, где функция сообщения превалирует над функцией воздействия, тексты субъективированного информативного характера, где функция воздействия превалирует над функцией сообщения, а также тексты, где обе функции находятся в равновесных отношениях. Примером первых являются тексты научного и официально-делового стилей, примером вторых – тексты художественной литературы, примером третьих – тексты разговорного стиля. Основанием для такой дифференциации является определенный регистр общения – максимальная объективация и максимальная субъективация высказывания как крайние полюсы этой шкалы. Очевидно, насколько отличается от принятых ФС стиль художественной литературы, который является не только максимально субъективированным, ориентированным на эмоциональное восприятие, оценку сказанного, но и использующим топики других стилей, которые в определенной позиции также ориентированы на воздействие.

Из сказанного следует, что научный и официально-деловой стили одинаково нацелены на максимально объективированное сообщение, различия же между ними заключаются, прежде всего, в целях общения, в

ситуации общения и в способе представления содержания. Так, официально-деловые тексты носят, прежде всего, декларативный характер, их цель – побуждение к каким-либо действиям, запрет каких-либо действий, служить основанием для каких-либо действий, фиксация какой-либо ситуации, которая может стимулировать или препятствовать какому-либо действию. Научные тексты создаются с целью описания предмета, явления, системы знаний; научный текст, следовательно, может явиться основанием для создания другого научного текста, стимулировать познавательную деятельность какого-либо субъекта. Научный текст, в общем и целом, представляет собой описание результата научного исследования с присущими ему особенностями, однако и сам научный текст может стать объектом научного исследования.

Специфическими чертами научного стиля принято считать подчеркнутую логичность и объективность изложения, отвлеченность, обобщенность, а также смысловую точность и безличность. Эти свойства объясняются ориентированностью научной речи на строго объективированное описание фактов действительности, стремление исчерпывающего изложения каких-либо понятий, систематизированное представление знаний. М.Н.Кожина считает, что важнейшим функциональным принципом научной речи является комплексная абстрагизация: «Это такое явление научной речи, когда целый ряд языковых средств каждого небольшого текста (например, в пределах предложения) – и лексических, и грамматических, и иных – "направлен" на выражение отвлеченности и обобщенности мысли» [Кожина, 1972: 173].

Такие качества научного стиля, как отвлеченность, обобщенность, безличность составляют абстрагированность текста и предопределены спецификой научной деятельности, предполагаемым общением абстрактного адресата и адресанта. Рациональная программа научного стиля речи, безусловно, преобладает над оценочной, в этом одна из основных причин стремления автора научного текста к самоустранению.

Основные черты и тенденции научного стиля по-разному проявляются на различных языковых уровнях, например, на лексическом – это использование терминов абстрактной лексики, употребление многозначных лексических единиц в семантически достаточном для правильного понимания окружении, отсутствие эмоционально-окрашенной лексики; на синтаксическом уровне – это использование полных конструкций и отсутствие эллиптических, наличие вводных конструкций, увеличение удельного веса сложных союзных предложений, широкое распространение неопределенно-личных, обобщенно-личных и страдательных конструкций; на морфолого-синтаксическом уровне – это отсутствие «конкретного временного плана», «много слов в форме единственного числа, но значение их – не указание на единичность предметов» [Кожина, 1972: 162]

Таким образом, современная классификация ФС основана на анализе и дифференциации сфер общения, выбор же стиля осуществляется говорящим

с позиции анализа предполагаемой ситуации общения и содержательного блока.

Понятие ФС до настоящего времени остается крайне диффузным понятием, что, по нашему мнению, не противоречит реальности, так как в реальном общении происходит постоянное смешение, наложение одного стиля на другой, особенно в устной речи, которая отличается нестрогой нормированностью, что, впрочем, также функционально обусловлено: устное высказывание одномоментно, к нему нельзя вернуться, его нельзя проанализировать еще раз. Следовательно, говорящий вынужден формулировать свою мысль более доходчиво, применять все средства воздействия на слушающего, не только вербальные, но и интонационные, паралингвистические, в отдельных случаях – экспрессивные. Письменный же текст не имеет таких возможностей, поэтому он чаще всего прибегает к графическим средствам воздействия, которые не менее важны, чем интонационные и паралингвистические; представим лишь на минуту научный или деловой текст неразделенным на абзацы, параграфы, главы, научную статью без соответствующих графических иллюстраций. Такие тексты были бы чрезвычайно сложны для восприятия, оставляли бы возможности для неточной их интерпретации, что противоречит основным целеустановкам текстов данной стилевой принадлежности.

Более глубокая и основательная функциональная дифференциация текстов достигается за счет выделения определенных подстилей и жанровых форм. До недавнего времени в лингвистике было несколько концепций для разделения научного текста на подстили. Одна из них основывалась на дифференциации научной сферы общения по областям научного знания, то есть выделялись научный лингвистический подстиль, научный медицинский подстиль, научный биологический подстиль и под. Более интересное решение было предложено Ю.В.Ванниковым, который на основании того, что понятие ФС есть производная от сферы общения, предложил выделить следующие функциональные подстили: собственно научный (с разновидностями: академический и учебный), технический, научно-публицистический и научно-информационный. Как утверждает исследователь, собственно научный, или академический подстиль отличается от технического подстиля не содержательно, но функционально. Если главной задачей научно-технических текстов является описание некоего фрагмента действительности, то главная задача собственно научного текста состоит обычно в формировании какой-нибудь концепции, в доказательстве тезиса, в систематизации теоретического знания [Ванников, 1979].

Полагаем, что обе точки зрения имеют право на существование, однако первая актуальна лишь при исследовании языка определенной сферы деятельности в прикладных целях – обучения, систематизации терминов, и в данном случае, скорее всего, речь должна идти о подъязыках (микроязыках) специальностей, характеризующихся минимальным набором лексико-грамматических средств, использующихся в узкой сфере деятельности;

вторая же должна применяться при изучении текстов, разработке их типологии и композиционных особенностей. Действительно, с точки зрения структурно-композиционного своеобразия, жанровых особенностей статья по лингвистике будет незначительно отличаться от научной статьи по химии или биологии, исключение составит лишь принятая в данных науках система символов, терминология, учебник по структурной лингвистике может быть даже более насыщен формулами, чем учебник по физике.

Таким образом, ФС подразделяются на подстили в зависимости от того, насколько узка область употребления последних в рамках определенной сферы общения. Подстили сохраняют основные черты научного стиля, но отличаются специфическими особенностями описания конкретной предметной области.

Мы считаем справедливым выделение в рамках научного стиля следующих подстилей – собственно научного, или академического; научно-учебного, научно-технического, научно-публицистического и научно-информационного. Заметим, что термин научно-технический следует понимать не дословно – относящийся к техническим наукам, а функционально – описывающий какой-либо фрагмент действительности, процедуру выведения знания, методику проведения эксперимента, опыта. Применительно к лингвистическому научному тексту следует отметить, что отдельные фрагменты научно-технического подстиля могут вкрапливаться в ткань и академического, и учебного подстилей, что свидетельствует о том, что границы между ними не являются резкими, непреодолимыми, а наоборот, находятся в постоянном движении, видоизменяются в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации.

Научно-публицистический подстиль является как бы пограничным и лежит на пересечении научной речи и публицистики. То же самое можно сказать и относительно научно-информационного подстиля, который, с одной стороны имеет много общего с научно-техническим подстилем, а с другой – с официально-деловым стилем. Данное явление легко объяснить и с точки зрения процесса порождения высказывания: прагматический и семантический операторы корректируют языковую ткань высказывания с момента оформления замысла текста до момента его продуцирования, учитывая особенности ситуации, изменения, происходящие в ней в том временном отрывке, когда происходит общение, а также и реакцию аудитории, адресата, уровень восприятия им информации, поэтому от доказательства какого-либо положения говорящий может переходить к описанию процедуры, или от описания каких-либо фрагментов действительности, к обобщению, концептуальному изложению. В этом аспекте рассмотрение понятия подстиля соприкасается с таким понятием как жанр, жанровая характеристика текста.

Лингвистический термин **жанр** чрезвычайно широко трактуется в современной науке. Понимание этого термина в принципе едино для стилистики, риторики, поэтики, герменевтики, теории текста,

документоведения. Г.Н.Поспелов определяет его как «явление не исторически конкретное, а типологическое» [Поспелов, 1981:233]. Конкретные жанровые формы позиционно обусловлены, их построение обычно определено способом воплощения вполне сложившегося содержания. Это означает, что существеннейшим признаком жанра является определенный тип отношения содержания к действительности, диктума и модуса, то есть модальность как отношение конкретного текста к действительности, заданное говорящим и воспринятое слушающим, модальность как категория, обеспечивающая внутреннее единство произведения словесности. М.М.Бахтин отмечал, что речевые жанры организуют речь почти так же, как ее организуют грамматические формы, если грамматика организует собственно номинативные элементы языковой системы, то жанр организует структуру высказывания содержательно [Бахтин, 1979]. Иначе говоря, выбор жанра осуществляется на основе сопряжения интенции, замысла и определенного понятия, целого комплекса понятий, в то время как выбор стиля и подстиля – на основе анализа интенции, условий и участников речевой ситуации, однако и стиль и жанр корректируются на всем протяжении организации высказывания с позиции сравнения ожидаемого, желаемого и реального воздействия на адресата.

Таким образом, стиль и подстиль высказывания наиболее тесно связаны с прагматикой речи, а жанр и композиционная форма, или тип текста, неразрывно объединены с когнитивной деятельностью человека. Жанр как одна из форм реализации ФС обуславливает специфические особенности типа текста. В научном стиле выделяют большое количество жанров: монография, диссертация, статья, учебник, рецензия, реферат, тезисы, лекции и другие. Возможно также и выделение своеобразных поджанров, так, например, отдельные разновидности статьи, которые, по нашему мнению, связаны с реализацией определенного подстиля.

Одной из важнейших характеристик текста, которая тесно связывается с категорией жанра, является модальность. Для текста научного стиля бесспорно более характерна объективная модальность, событийная или фактуальная, в зависимости от подстиля и жанровой формы текста. Различные виды субъективной модальности свойственны научным текстам в гораздо меньшей мере, однако ряд исследователей серьезно поднимают вопрос о присутствии данного типа модальности в отдельных единицах. Выражающий либо процесс, либо результат познавательной деятельности человека научный текст не может не быть неэмоциональным, так как процесс познания – процесс активный. Этот момент был отмечен М.Б.Воробьевой: «Субъективное отношение автора к излагаемому материалу (т.е. его оценка), или, как иначе говорят, "авторская модальность", есть свойство, органически присущее научному произведению как таковому» [Воробьева, 1985: 47]. Позднее в работах М.Н.Кожинной и И.С.Бедриной вопрос о субъективности научного текста был исследован в рамках функционально-семантической категории гипотетичности, которая, как полагают авторы, неразрывно

связана с синтаксической категорией модальности. Однако авторы проводят существенное различие между этими категориями: модальность, выделенная еще В.В.Виноградовым (1955, 1972), разрабатывается в современной лингвистике как категория синтаксическая, так как все ее формы выражаются именно на синтаксическом уровне языка. Гипотетичность же рассматривается как особая текстовая категория, свойственная, в первую очередь, научному стилю. Она, как считают указанные авторы, проявляется в особых текстовых фрагментах, формулирующих авторскую гипотезу. Она представляет собой весьма сложный объект, так как она основывается на понятии гипотезы, которая субъективна по своей природе, однако верификация гипотезы в научном тексте проводится строго научными методами и поэтому является объективной. Следовательно, в категории гипотетичности особым образом совмещается субъективная и объективная модальность, диктум и модус, которые по-разному проявляются в зависимости от жанра текста и его смысловой структуры.

Так, в жанре рецензии субъективная модальность преобладает над объективной, так как речевая целеустановка данного жанра заключается в оценке чего-либо, в полемических жанрах научного стиля также можно встретить некоторое количество оценочных форм, причем в них наблюдается наибольшее количество эксплицитно представленных средств выражения субъективной модальности – оценочные лексемы, экспрессивные средства языка, глаголы в ирреальном наклонении. В жанрах же академической монографии, учебной литературы, цель которых – представить знание в наиболее объективной форме, субъективная модальность имплицитна, так как изложение фактов в них максимально объективировано. Такое соотношение субъективного и объективного в различных научных жанрах зависит, прежде всего, от типа субъекта речи: если роли субъекта речи и говорящего совпадают в каких-либо жанрах, то в данных текстах допустимо определенное соотношение объективной и субъективной модальности, которое необычайно важно для адекватного восприятия содержания текста (статья, рецензия, диссертация), если же роль говорящего скрыта за обобщенным субъектом речи, то субъективность в таком высказывании практически отсутствует (монография, учебник, словарная статья).

Итак, функциональная интерпретация текста чрезвычайно важна для современной лингвистики. Такое понимание делает приоритетным коммуникативную детерминированность текста, как продукта реального коммуникативного акта, а такие экстралингвистические факторы, как наличие общей пресуппозиции, условия протекания, социально-культурные характеристики актантов, позиционно регулируют процесс коммуникации. Интенция автора в первую очередь определяет стиль и жанр текста, следовательно, и правила его функционально-семантической организации.

ГЛАВА 2. ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

2.1. Прагматические параметры научных текстов

Активно развивающаяся в последние десятилетия лингвистическая прагматика является синтетической дисциплиной, связывающей воедино такие понятия как стилистика, риторика и синтаксис. Цель этой науки – изучение воздействия внешних условий коммуникативного акта на структуру речевого произведения и этапы образования речи. В этом плане очень многое сближает лингвистическую прагматику и теорию текста, так как с точки зрения этой дисциплины именно текст является репрезентантом коммуникативного акта в целом, а его отдельные составляющие отражают в себе некоторые составляющие речевой ситуации. Изучая речевые произведения непосредственно в их употреблении, прагматика сближается с психологией, социологией, этнолингвистикой, культурологией. М.Ю.Лотман делает следующее замечание о прагматике языковых знаков: «Если семиотический механизм средствами языковой семантики кодирует в тексте сведения о внетекстовой действительности, то коммуникативный механизм связывает структуры языковой семантики с реальными условиями коммуникативного акта. Собственно говоря, только в результате этого соотнесения та или иная языковая последовательность может выступать в качестве высказывания (текста). Действием семиотического механизма обуславливается семиотическая структура текста, его внутренняя связность, действием коммуникативного механизма – его осмысленность» [Лотман, 1985: 6].

Прагматика направлена на выявление и углубленное изучение разнообразных элементов языка и речи, отражающих различные аспекты речевого акта. Наряду с собственно семантическим значением любое высказывание обладает прагматическим значением, или прагматической функцией. Р.С.Столнейкер по данному поводу пишет так: «Из трех традиционных разделов науки о знаках – синтаксиса, семантики и прагматики – последним, то есть прагматикой, до недавнего времени практически не занимались. Прагматика – это наука, изучающая язык в его отношении к тем, кто его использует» [НЗЛ: Вып. XVI. 1985: 419]. «Синтаксис изучает предложения, семантика изучает пропозиции. Прагматика занимается изучением речевых актов и тех контекстов, в которых они реализуются. Соответственно перед прагматикой встает два рода проблем: во-первых, определение интересных типов речевых актов и "продуктов" речи; во-вторых, описание признаков и свойств речевого контекста, влияющих на определение того, какая именно пропозиция выражается данным предложением... Утверждение, приказ, контрфактическое высказывание, требование, догадка и опровержение, просьба, выражение, предсказание, обещание, призыв, рассуждение,

объяснение, оскорбление, вывод, умозаключение, предположение, обобщение, ответ и обман – все это суть типы речевых актов. Задачей анализа является обнаружение необходимых и достаточных условий успешного (или, возможно, для некоторых типов нормального) осуществления речевого акта» (там же, с. 423). Такое широкое понимание учеными предмета и задач прагматической лингвистики не только сближает ее с такими разделами науки о языке как теория речевых актов, стилистика, лингвистика текста, но как бы ставит ее над ними, как ту дисциплину, которая, с одной стороны, призвана обобщить, суммировать основные положения одних, и, с другой стороны, создать необходимую базу для объяснения других, включить собственно лингвистические явления синтаксиса на различных языковых уровнях в общий контекст теории функционирования языка, или функциональной лингвистики.

Разработка типологии речевых актов и их продуктов – текстов, теснейшим образом связана с исследованием «условий речевого контекста», или параметров речевой ситуации. К последним традиционно относят речевое намерение говорящего; ожидания и интересы слушающего; знания и мнения говорящего и слушающего, то есть социальный и культурный опыт участников коммуникации; время и место коммуникативного акта, характер отношения к этим факторам участников, характер их взаимоотношений; то есть те параметры, которые называют «внешним контекстом высказывания». Данные величины в достаточной степени исчислены, типизированы, как в теории речевых актов, так и в типологии текстов, изучен и продолжает изучаться механизм их воздействия на лингвистическую ткань высказывания, на синтаксис и семантику текста. Однако до сих пор крайне мало говорится и пишется о другом рода факторах, столь же сильно оказывающих влияние на языковые характеристики текста, которые мы бы назвали «внутренним контекстом высказывания», или собственно контекстом. К ним относятся отношение данного коммуникативного акта к целому ряду других актов, осуществленных в этих, или сходных условиях, истинность/ложность выражаемых в высказывании понятий, отношение говорящего и слушающего к сообщаемому; в общем и целом, то, что принято относить к модальности высказывания и не рассматривать в исследованиях, посвященных изучению текста.

Это объясняется, как правило, тем, что бытует мнение о воздействии данных величин лишь на семантику и синтаксис составляющих текст предложений, но в таком случае это противоречит утверждению о том, что семантика во многом формирует структуру текста. Несмотря на огромное количество исследований в данной области, вопрос о границах синтаксиса и контекста до настоящего времени остается нерешенным, расплывчатым, исследователи часто уходят от его рассмотрения. Но все же приходится констатировать, что параметр пресуппозиции, частично выражаемый в отношении, оценке говорящего к предмету речи определяет не только семантику высказывания, что находит выражение в его синтаксисе, он

неразрывно связан с такими лингвистическими категориями, как стиль и жанр высказывания, а также с такими величинами, описывающими речевой акт, как коммуникативная интенция говорящего, замысел высказывания. Эта категория является некоторым образом краеугольной в определении и дифференциации ФС, так как язык художественной литературы предполагает условно допустимое отношение и автора и воспринимающего текст к предмету сообщения, явно и ярко выраженная оценка предмета сообщения является своеобразным признаком публицистики, намеренно скрытое отношение к сообщаемому, отождествление автора высказывания к субъекту речи выделяет из общего ряда публицистику и научный стиль.

В целом же внедрение категорий прагматики в лингвистику, а точнее – в функциональную стилистику, заставляет более серьезно отнестись к проблеме функциональной дифференциации текстов. Так, официально-деловой и научный стили обнаруживают столь много общих черт, разграничение которых чрезвычайно сложно.

К основным функциональным стилям русского языка, как уже было отмечено, относятся официально-деловой, научный и публицистический стили. Выделяемый вкупе с ними стиль художественной литературы является макростилем вследствие особой специфики:

- во-первых, он постоянно использует топики различных ФС, различные регистры речи;

- во-вторых, какую бы структуру не имела модальная рамка художественного произведения, от чьего бы лица не велось повествование, как бы не стремился автор отдалиться от собственного текста, адресат, в данном случае читатель, априори знаком субъектом речи, воспринимает его как образ автора.

ФС находятся в сложных взаимоотношениях, так книжные стили – научный, официально-деловой и публицистический, противопоставлены некнижным, разговорным. Получившаяся в результате данной классификации дихотомия – книжные и некнижные стили также весьма условна, так как к первым следует отнести группы разнородных текстов: с одной стороны – официально-деловые тексты и подавляющее большинство научных текстов уже при их порождении ориентированы на их прочтение, а не аудирование, с другой стороны – публицистические тексты в этом плане функционально разнородны: генетически вся публицистика восходит к публичному говорению и рассчитана на публичное аудирование; в настоящее время огромное количество публицистики создается с учетом того, что она будет прочитана, но при этом она продолжает как бы имитировать говорение, публичное выступление, то есть, приближается к разговорной. Таким образом, принимая во внимание критерий условий коммуникации, следует провести дифференциацию по-другому – к книжным, или письменным, отнести официально-деловые и научные тексты, к разговорным, или устным, область обиходно-бытового общения.

Стиль речи, как это не раз отмечалось в различных исследованиях, есть как бы приспособление содержательных и выразительных средств языка к нормам, правилам поведения в определенной сфере общения, условиям конкретной речевой ситуации. Так как последние находятся в постоянной динамике, то реакцией на их изменение будет и варьирование стилистических средств языка. Поэтому ряд жанров научного стиля, например, дискуссия, тексты научно-учебного подстиля, могут включать в себя отдельные топики разговорного стиля (может быть и художественного стиля), а в разговорный стиль могут вклиниваться элементы научного, или официально-делового стилей. Такое смешение, наложение стилей друг на друга составляют специфику стиля как манеры изложения данного конкретного текста в совокупности с его жанровыми характеристиками. Однако такое возможно лишь при условии, если отдельные элементы содержательной структуры и композиции данного высказывания определенным образом должны быть маркированы, значимы, соотносимы с прагматиконом языкового коллектива.

Механизм же данного смешения таков: помещенная в несвойственный ей контекст стилистически маркированная единица сигнализирует об изменении стилового регистра и таким образом информирует воспринимающего об изменениях в условиях коммуникации, если данное высказывание является устным, или об определенных изменениях в содержательной структуре, если оно является письменным. Так как каждый из функциональных стилей обладает своим особенным, специфическим способом представления содержания, манерой развертывания пропозиций, модальным регистром, то и средства этих стилей различны, следовательно, в них по-разному проявляются семантически значимые текстообразующие средства языка, в том числе и выразительные.

Но смешение стилей может носить и иной характер, примером чего может послужить статья Н.Д.Бурвиковой «Прокрустово ложе текста и метаморфозы дискурса», где автором сознательно нарушаются строгие каноны научного стиля метафоричностью изложения. Данная работа посвящена актуальной теме – соотношению текста и дискурса, тем не менее богатый иллюстративный материал (отрывки из прозаических и поэтических произведений, использование пословиц и поговорок и т.п.) и особый стиль изложения дают возможность автору «противопоставить текст дискурсу, как результат противостоит процессу» [Бурвикова, 2000: 32].

Официально-деловой стиль в системе оппозиций по признакам наличия-отсутствия выразительных средств и субъектных модусов является отрицательно маркированным. Как говорящий, так и реципиент официально-делового текста являются максимально типизированными, растворенными в коллективном носителе языка, владеющего нормами данной сферы общения. Поэтому использование различного рода субъективно-оценочных выразительных средств в нем практически не допускается. Для официально-делового стиля, какими бы жанрами он не был представлен, обязательно

однозначное соотношение плана выражения и плана содержания, отсутствие интерпретации в толковании составляющих его единиц, поэтому он довольно часто использует уже готовые формуляры и фразы, структуры построения текста, перформативную лексику. Отметим, однако, ряд случаев, когда элементы, составляющие речевую ткань официально-делового текста, употребляются в других стилях в каких-либо целях. В таких ситуациях происходит переосмысление данного выражения, которое в совершенно несвойственном ему контексте приобретает совершенно новое для него значение, так как частотные позиции его употребления, вербально-семантическая сеть коллективного носителя языка, позволяет увидеть «второй план» его значения. Все это свидетельствует об относительной устойчивости человеческого прагматикона, реальности его воздействия на семантику и синтаксис сообщения. Если же подобное употребление закрепляется в узусе, становится регулярным, то оно закрепляется за новыми контекстами и рождается новое соотношение – соотношение контекстов и соотношение значений в этих контекстах, тогда в системе дифференциации стилистических средств языка возникают совершенно новые отношения.

Научный стиль известен не только в большом количестве жанровых воплощений, но и в различных подстилях, среди которых обычно выделяют собственно научный, или академический, научно-учебный, научно-технический, научно-популярный. Научно-технический и академический подстили наиболее близки официально-деловому по прагматическим параметрам, адресат и адресант данных высказываний максимально объективированы, скрыты за типовой ролью участника типовой ситуации научной сферы общения. То же следует сказать и о других составляющих данной ситуации, прежде всего интенции и замысла высказывания. Однако в ряде жанров данных подстилей допустимо употребление выразительных средств, субъективация отдельных суждений, например, в рецензии, дискуссии, а также и в статье, представляющей собой доказательство чего-либо, вывод нового знания. Так, при описании какого-либо явления или последовательности событий субъект как бы отстраняется от происходящего, так как основная цель его высказывания – точно, достоверно информировать о чем-либо, но когда в тексте содержатся рассуждения, субъекту чрезвычайно трудно спрятаться за ролью безучастного наблюдателя, представляющего точку зрения целого коллектива.

Высказывание, смысловая структура которого отражает процесс познания чего-либо, не может не быть в определенной степени субъективированным, так как сам данный процесс является активным и личностным. Текст подобного содержания, если он адресован «равному» партнеру, ориентирован на полемику, доказательство, поэтому может содержать оценки, если же он адресован «неравному» партнеру (научно-учебный или научно-популярный подстили), то его цель – демонстрация доказательства, поэтому в нем также допустимы выразительные средства, содержащие оценку. К тому же при соответствующей ориентации на

адресата высказывания в научно-учебном и научно-популярном подстилях допустимо использование отдельных элементов структуры и семантических единиц разговорного стиля, так как одной из целей говорящего является еще и облегчение восприятия смыслового блока. Поэтому в ряде жанров научного стиля, в тех, модальную рамку которых составляет доминантная объективная модальность с сосуществующей в ней субъективной, чаще всего в частнооценочных суждениях, возможно употребление эмоционально и экспрессивно окрашенных средств языка. Употребление несвойственных для научного стиля единиц языка позволяет выделить, актуализировать наиболее важные, по мнению автора, смысловые блоки и суждения, подчеркнуть значимость данного компонента структуры высказывания, привлечь внимание реципиента, заострить его на данном содержательном отрывке и мотивировать его к такой оценке, к такому же восприятию, которое соответствует авторскому. В научно-учебном и научно-популярном подстилях употребление средств разговорной речи оправдывается совершенно другими целями, прежде всего – контактоустанавливающими: преследуются задачи привлечь, заинтересовать реципиента, во-первых, и сделать данное содержание доступным для него, во-вторых.

Таким образом, как мы видим, научный стиль речи далеко не однороден, различные его модификации порождаются не только «внешним контекстом», но и собственно контекстом высказывания. В доказательство можем привести тот факт, что ряд стилиобразующих средств научного стиля не являются специфическими, свойственными только ему. Как правило, они вполне допустимы и в публицистике, и в отдельных жанрах разговорной речи. Специфическими же для научного стиля, помимо своеобразного синтаксиса, являются термины, которыми изобилует каждый текст, а также специфическое функционирование многих грамматических категорий: категории числа, категории лица, категории времени и категории наклонения.

Основная функция **публицистики** – изложение определенного содержания путем сочетания сообщения и воздействия. В этом плане публицистика существенным образом противопоставляется другим книжным стилям, которые в качестве основного способа используют структурирование смысла. Публицистика, стремящаяся быть максимально доступной, понятной аудитории, использует средства непосредственного воздействия на реципиентов (экспрессивные средства). Она не избегает субъективизма в интерпретации содержательного материала, однако, в отличие от разговорного стиля, ее автор всегда стремится скрыться за маской обобщенного представителя какой-либо социальной, интеллектуальной, или другой группы людей, его отстранение определенным образом сбалансировано соотношением субъективного и объективного, оно воплощается в отстаивании какой-либо позиции, точки зрения, в популяризации именно данной интерпретации, хотя априори известно, что таковая не является единственной.

Несмотря на это в публицистических текстах функционируют в основном книжные стилеобразующие средства, которые могут одновременно выступать как в разговорной речи, так и высоком стиле, недопустимым является лишь использование просторечных стилистически окрашенных единиц, ибо при их использовании разрушается ткань стиля, серьезным образом нарушаются его прагматические параметры. Автор такого высказывания не достигает своей цели – интерпретации содержания с позиций какой-либо социально-культурной группы, предназначенной для представителей другой группы. Употребление просторечных стилистически окрашенных элементов ведет к тому, что общение перестает быть публичным по своей сути, оно как бы «переходит на личности», и это ведет трансформации стиля в просторечный, снижает регистр общения.

Серьезным образом на частотность преимущественного употребления книжных и разговорных единиц языка в публицистике влияет жанр текста, а также учет его адресата. В этом отношении публицистика является более сложной, полифоничной: объясняется это тем, что типичные ситуации официально-делового или научного общения более строго нормированы, адресат их высказываний типизирован и определен, известны его статус и основные социально-культурные характеристики. Публицистика же в отличие от них апеллирует ко всем носителям данного языка, которые либо не разделяют данную точку зрения, либо незнакомы с ними. Для достижения же максимального эффекта автор публицистического текста как бы сегментирует свою аудиторию, по-разному обращается к своим «противникам» и к тем, чье мнение в данном вопросе нейтрально или еще не сформировалось. Поэтому обращение к последним будет максимально экспрессивным, эмоциональным, обращение к тем, чья позиция нейтральна, будет сочетать в равной мере и эмоциональные средства выражения, и попытку объективного представления содержания, общение же с противниками будет максимально полемичным, в нем даже при структурировании смысла будут отчасти использованы выразительные средства. Данное положение можно легко проиллюстрировать на примерах газетной публицистики, где освещается избирательная кампания различных партий и блоков.

В настоящее время издается огромное число газет и журналов, каждый из них стремится приобрести свою аудиторию, закрепиться в ней, стать рупором данной социальной группы, поэтому фельетоны, обзорные статьи и даже чисто информационные материалы в таких московских газетах, как «Коммерсантъ», «МК» или «Общая газета», будут выглядеть по-разному, так как первая ориентирована на деловых людей, вторая – прежде всего на молодежную аудиторию, а последняя – на средний класс, на представителей интеллигенции. На материале изучения языка сегодняшних газет и журналов можно с успехом проводить не только социолингвистические исследования, но и изучение воздействия прагматических факторов на текст, так как в попытке установить контакт с читателем, издания пытаются говорить на его

языке и в этом часто переходят ту невидимую грань, когда публицистическое общение переходит в обыкновенную обывательскую болтовню. Poleмические и сатирические жанры публицистики являются максимально экспрессивными, используют весь спектр субъективных оценок, избегая лишь его крайних точек, которые, как известно, невозможно нейтрализовать, объективировать никакими другими средствами. Информационно-описательные жанры пользуются лишь средствами, принадлежащими к срединной части эмоционально-экспрессивной шкалы оценок, что, в общем и целом, соответствует типовым интенциям данного стиля.

Существование и дифференциация перечисленных ФС подтверждаются не только современной научной теорией, но что более ценно, реальной языковой практикой. Однако последовательный учет постулатов прагматики при решении этих вопросов предоставляет возможность еще раз по-новому взглянуть на эти проблемы, уточнить основные характеристики стилей, их сильные, дифференциальные и слабые признаки. Признание же существования ситуаций, в которых возможна нейтрализация и имитация стилей, подмена одного стиля другим, позволяет более точно определить основные вариантные разновидности стиля, в применении к нашему материалу – обосновать выделение подстилей научного стиля, дать характеристику жанрам, употребляемым в данном ФС, сопоставить их как внутри стиля, так и провести межстилевое сопоставление.

Таким образом, выделение ФС на основе типизации наиболее употребительных речевых ситуаций определенной сферы общения, безусловно, обоснованно, однако подобное определение ФС ставит его в сильную зависимость от определения понятия сфера общения, научное определение которому отсутствует. Именно вследствие этой причины их существование и может быть поставлено под сомнение. Ведь для констатации существования какого-либо ФС необходима реализация еще множества факторов, в том числе и собственно контекстуальных. Представим себе, что на языке какого-либо племени, проживающего в лесах Амазонки, создается первый юридический документ, или научный трактат. Само по себе появление такого текста не приведет к формированию научного, или официально-делового стиля, для этого потребуются выработка определенной традиции, сформированная стилистическая дифференциация языковых средств, длительная литературная обработка языка в письменных текстах. Без реализации этих условий функциональная дифференциация речи невозможна. Если провести сравнительный анализ какого-либо разрешительно-запретительного юридического текста и поучения, которое делает мать своему ребенку, то они будут совпадать по большинству параметров, различаясь лишь контекстуальными условиями, той речевой практикой, которая существует в данном языковом коллективе. От момента создания Кириллом и Мефодием первых переводов евангельских текстов на славянские языки и до появления определенной традиции, формирования особого книжно-литературного стиля должно было пройти несколько

столетий, в течение которых были сформированы и закреплены в сознании носителей языка внутренние и внешние контексты книжно-литературного канона.

В свете вышеизложенного научный стиль относится к системе книжных стилей, то есть ориентированных прежде всего на визуальное усвоение, чтение, он отличается от не книжных стилей следующими прагматическими характеристиками: типизированной отстраненностью субъекта и объекта речи, которые находятся в равных ролевых условиях; типизированными условиями общения, которые предполагают свободный обмен мнениями, вызванный потребностями развития научной мысли; относительно равными пресуппозициями участников, сформированные в результате неоднократного общения на данную тематику, знакомства с общим контекстом.

Семантические и синтаксические параметры научной речи обусловлены, прежде всего, особенностями сферы деятельности, которая порождает данный функциональный стиль речи, – это процесс продуцирования вывода нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, их связях и отношениях между собой, представленных в вербальной форме, а также доминирующими коммуникативными целеустановками участников коммуникативного акта, поэтому синтаксис научного высказывания во многом опирается на известные логические фигуры, с помощью которых достигается доказательство истинности/ложности того или иного положения. Семантика текста научного ФС в виду сказанного теснейшим образом переплетена с его синтаксисом и опирается на допущение предельной абстрактивизации и объективации предмета речи.

В последние десятилетия появилось значительное количество серьезных теоретико-лингвистических и прикладных исследований, посвященных описанию жанров, стилей речи и композиционных форм текста. На теоретических идеях этих работ строится сегодня во многом вся методика лингвистического анализа текстов различных жанров, а также методика обучения русскому языку. Накопившийся к настоящему времени материал позволяет выйти на качественно иной уровень описания текста. Такой подход к описанию текста раскрывает закономерности выбора говорящим определенного стиля, жанра и композиционной формы, позволяет не только изучить те факторы речевой ситуации, которые оказывают максимальное воздействие на логико-смысловое построение и структурно-синтаксическое выражение научной мысли, но и прогнозировать динамику развития текстов различных стилей и жанров.

Изучение текста на основе синтеза прагматического, логико-смыслового, коммуникативного и синтаксического методов его анализа направлено на определение критериев построения типологии текстов. Такие попытки были осуществлены в исследованиях И.Р.Гальперина, Г.А.Золотовой, Ю.В.Ванникова, В.В.Одинцова, М.Н.Кожинной,

Ю.А.Васильева и ряде других, плодотворно работающих в различных направлениях. В структуре и семантике текста реализуется множество прагматических и психолингвистических параметров – личность автора, его коммуникативная целеустановка, адресат, цель сообщения, сфера общения, которые актуализируются на первых двух этапах создания текста: замысла и логико-пропозиционального построения.

Вместе с тем, текст соотнесен со множеством собственно языковых, логических и семантических категорий, тесно связанных как с личностными качествами участников коммуникативного акта, уровнем их компетентности, так и объективно существующими закономерностями отражения объективного мира в тексте, который может быть охарактеризован в плане стилистической и жанровой организации, коммуникативной завершенности, денотативной соотнесенности. Психологические и прагматические факторы, оказывающие влияние на содержание и структуру текста, максимально реализуются в его жанровой и стилистической организации; когнитивные же категории, соответствующим образом «обработанные» на этапах порождения речи, отражаются в структуре текста; совмещение же этих внешних и внутренних для текста параметров происходит в функционально-семантическом типе речи (далее – ФСТР).

Дискретность (членимость) текста, прежде всего логико-смысловая, дала возможность не только различать макро- и микротексты, она заставила задуматься о существовании элементарных текстовых единиц. Первоначально вопрос о типологической инвариантной текстовой единице прозвучал в исследованиях М.М.Бахтина и В.В.Виноградова, именно они впервые ввели в научный обиход термины – *композиционная форма речи и композиционно-речевая форма (КРФ)*. Однако если М.М. Бахтин, говоря о композиционных формах речи, имел в виду жанровое единство текста, его коммуникативную целостность, то именно В.В.Виноградов впервые заговорил о “композиционных типах речи” как минимальных цельных текстовых структурах, составляющих ткань макротекста: «Лингвистическое изучение текста, с одной стороны, определяется как учение о коммуникативных типах речи..., об их лингвистических отличиях, о приемах построения различных композиционно-языковых форм, их семантике, с другой стороны, как учение о типах словесного оформления, замкнутых в себе произведений, как особого рода целостных структур» [Виноградов, 1980: 70]. Позднее в работах О.А.Нечаевой, Н.В.Бессмертной, Ю.В.Ванникова и других появился другой термин – функционально-смысловой тип речи (ФСТР), который, по мнению многих ученых, более точно передает содержание понятия типологической текстовой единицы. Оба термина используются в работах различных авторов наряду с синонимичными им понятиями тип текста (В.В.Одинцов: 1979, 1980), композиционная форма (О.И.Москальская: 1981), сверхфразовое единство (Н.Д.Зарубина: 1991); М.Н.Кожинной (1972, 1979, 1986 и др.), О.А.Нечаевой

(1974), М.П.Брандес (1971, 1978, 1980), Н.В.Бессмертной (1978), Ю.А.Васильева (1978, 1979), Ю.В.Ванникова (1984, 1985) и других.

Проблема функционально-смысловой и функционально-стилистической дифференциации текстов является чрезвычайно важной, требующей решения ряда частных вопросов, таких, например, как вопрос о специфике ФСТР в зависимости от функционального стиля (далее – ФС); об иерархии данных типов речи; об их парадигматике в рамках единого стиля и жанра. Специальные исследования, посвященные выделению специфичных для каждого стиля ФСТР дали интересные результаты. Так, дальнейшее изучение научного стиля речи (Т.Н.Мальчевская, Е.С.Троянская, Е.И.Мотина, О.Д.Митрофанова, Ю.В.Ванников и др.) расширили традиционный список типов речи следующими: доказательство/опровержение, объяснение, сообщение, определение, вывод, пояснение, сравнение и ряд других. Такое множество типов речи представляется следствием смешения признаков разных уровней, положенных в основу классификации.

Изучение ФСТР в логико-смысловом и коммуникативно-прагматическом аспектах внесло и вносит ряд интересных корректив в существующее представление о типологии текстовых единиц, позволяет представить микротексты как двуплановые единицы, представляющие коммуникативное и смысловое единство, объединяющиеся в наиболее крупную коммуникативную и когнитивную единицу языка и речи. Коммуникативно-семантический аспект изучения ФСТР отражает основные экстралингвистические факторы, влияющие на речепроизводство. В основу такой классификации кладутся прагматические параметры – личность и статус участников коммуникации, условия, в которых осуществляется общение, коммуникативные намерения говорящих; а также и семантические характеристики – денотат высказывания, логические свойства пропозиции.

В работах некоторых авторов (Ю.В.Ванникова 1984, 1985; Т.С.Кудрявцевой 1987; Н.Н.Бессмертной 1978 и других) была предпринята попытка развести термины *композиционно-речевая форма* и *функционально-смысловой тип речи*: под КРФ предлагалось понимать коммуникативно и композиционно целостную единицу, близкую к абзацу или сложному синтаксическому целому, а под ФСТР – типологическую единицу речи, характеризующуюся функциональной и семантической соотнесенностью с определенными логико-мыслительными и понятийными категориями. Однако апелляция к “внутренней форме” термина не оказывает, на наш взгляд, значительного воздействия на частотность его употребления; по нашим наблюдениям, использование и той и другой терминологической единицы одинаково закреплено в узусе, поэтому мы будем пользоваться в нашем исследовании термин – ФСТР, используя также и понятие композиционно-речевая форма тогда, когда речь идет о работах, использующих данный термин.

Так, при выделении описательных и аргументативных жанров в основу кладется способ познавательной деятельности человека, уровень

отражения действительности; при выделении описания, повествования и рассуждения исследователи опираются на признак «денотата речи», номинативную функцию текстовой единицы, а при выделении доказательства, опровержения, объяснения, вывода принимаются во внимание конкретные логические структуры каждого типа текста, способы вывода нового знания и их реализация в языковой форме. В качестве примера можно привести такие два ФСТР как описание и вывод, которые являются несоотносимыми, так как отношения между ними более сложные, многоступенчатые. Мы полагаем, что наиболее оптимальным для устной речи, обучения разговорной речи следует признать традиционное выделение трех основных типологических единиц – описания, повествования и рассуждения, так как именно они задаются на этапе формирования замысла текста, мотивированные коммуникативной интенцией и структурированием содержания с учетом условий коммуникации. Для научного стиля выделение лишь трех этих типов речи является недостаточно строгим и мотивированным, к выделению основных ФСТР здесь следует подходить более обоснованно, проводя последовательную дифференциацию на основании таких параметров, как способ познания и отражения действительности в речевых отрывках – описательные (эмпирические) и аргументативные (теоретические), денотативное содержание отрывка – субъектно-объектные отношения (описание), бытийные отношения (повествование), установление какой-либо логической связи между объектами (умозаключение), верификация какого-либо положения (доказательство) и др. Помимо этого, следует учитывать специфику прагматических характеристик стиля и возникающие в данном случае возможности наложения (пересечения) различных типов речи друг на друга, а также и ситуации, в которых возникает подобная «нейтрализация». Отдельные типы речи следует рассматривать как разновидности, позиционные варианты основных ФСТР, так как они формируются и задаются уже на следующем этапе порождения речи и связываются с развертыванием пропозиций.

Говорящий по-разному варьирует и интерпретирует элементы ситуации, формируя в сознании ее предметно-логическую модель, вследствие чего тексты на одну и ту же тему могут отличаться коммуникативной организацией и семантическим построением.

Изучение текста должно решаться как комплекс проблем, связанных с взаимодействием экстралингвистических, когнитивных, семантических и собственно языковых аспектов последнего.

В свете вышеизложенного и применительно к нашему исследованию, мы даем собственное определение понятия «текст»: *Текст – это формально зафиксированный собственно языковыми средствами и ситуативно обусловленный продукт речемыслительной деятельности, обладающий тематическим, коммуникативным и структурным единством.*

Названные характеристики текста выражаются, соответственно, различными логико-смысловыми, грамматическими и прагматическими категориями. Например, логико-смысловая категория учитывает количество смысловых блоков, характеризующихся единством темы, но выделяющихся своей автономностью в тексте. На этом основании в структуре текста мы различаем макро- и микротексты.

Таким образом, научный текст, как и любой другой, представляет собой сложное, иерархически организованное множество микротекстов, между которыми существует логическая и синтаксическая связь, организуемая различными текстообразующими средствами. Все они вместе определяют его **цельность** и **связность**, которые формируются с участием этих единиц (понятие *микротекст* был введен О.И.Москальской для разделения отдельных ЛСВ термина *текст*: текст = жанр – макротекст, текст = единица текстового уровня, обладающая признаками связности и цельности – микротекст).

2.2. Стилиевые характеристики научных текстов по лингвистике

От других ФС научный стиль речи отличается рядом важнейших параметров. Прежде всего, это условия общения. Во-первых, официально-деловой стиль и публицистика характеризуются неравными presupпозициями участников коммуникативного акта, социально обусловленными и социально выраженными ролями партнеров. Разговорный стиль и просторечие характеризуются отсутствием или незначительной типизацией ролей субъекта и объекта речи, неопределенностью условий общения. Во-вторых, сферы деятельности, представляемые книжными стилями, а также доминирующие в этих сферах мотивы общения существенным образом отличаются: публицистика в том или ином объеме навязывает оценку, сделанную субъектом речи объекту – *хороший/плохой*; деловой стиль побуждает к чему-либо в виде *следует/не следует*; не книжные стили характеризуются пестротой целеустановок, являются немаркированными по данному признаку. В-третьих, семантико-синтаксические особенности научного стиля заключаются в том, что в нем в развернутой форме представлено то содержание, которое в деловом стиле представлено в свернутой форме в виде основания, которое априори следует понимать как истинное, в этом и заключается одна из ролевых позиций участников общения, а в публицистике оно и вовсе игнорируется, так как *истинность/ложность* чего-либо напрямую связана с оценкой предмета, явления данной социальной группой в лице автора речи. Поэтому структура делового текста отличается предельной сжатостью, краткостью, перечислением оснований и следующего из них вывода, а структура публицистического текста вообще игнорирует логические формы, не берет их в рассмотрение.

Сказанное выше может быть проиллюстрировано в следующей таблице.

Таблица № 1. Прагматические условия реализации основных ФС русского языка.

Стиль	Условия общения		Коммуникативная целеустановка	Соотношение субъективных и объективных типов модальности
	Характер взаимоотношений участников коммуникативного акта	Роль статус участников общения (индивидуализация/типизация коммуникантов)		
Официально-деловой стиль	Неравный статус, предполагающий неравные пресуппозиции	Максимальная типизация коммуникантов, двучленная оппозиция	Информация с целью воздействия, побуждение	Объективная модальность императивного типа «необходимо», «должно»
Научный стиль	Равный статус, относительно равные пресуппозиции	Типизированные коммуниканты, многочленная оппозиция	Информация с целью убеждения	Сочетание объективной модальности типа «следует» и субъективной типа «возможно»
Публицистика	Доминирует неравный статус и неравные пресуппозиции	Нетипизированные коммуниканты	Информация с целью убеждения	Субъективная модальность декларативного типа

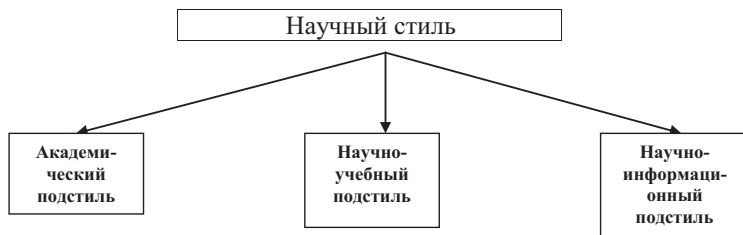
Разумеется, что представленные здесь характеристики относятся лишь к тем высказываниям, которые как бы представляют тот или иной стиль «в чистом виде». Сказанное выше имеет смысл лишь тогда, когда мы признаем огромное количество пограничных текстов, реализующих соответствующие подстили. С этих позиций собственно научными, как мы полагаем, следует считать академический и научно-технический подстили, хотя мы не видим существенной разницы между ними за исключением лишь той, что высказывания научно-технического характера в большей мере используют метаязык конкретной сферы знания, а также и символичный язык (математический, логический, физический, химический). Дифференциация академического и научно-технического подстилей приводит к ненужному разделению научной речи либо на речь гуманитариев и негуманитариев; либо на речь техников и экспериментаторов. Что касается первой дихотомии, то она абсолютно не имеет смысла, так как подобное разделение внутри стиля абсолютно нефункционально, так как обусловлено выбором темы, вторая же дихотомия находит выражение в различных (индуктивных и дедуктивных) способах получения научного знания, что на семантико-структурном уровне высказывания представлено в виде соответствующей композиционной формы речи. Поэтому мы полагаем, что основным представителем научного стиля является **академический подстиль**, включая в это понятие и научно-технический. Наряду с ним мы выделяем **научно-учебный подстиль** как пограничный с публицистикой, а также **научно-информационный** как пограничный с официально-деловым стилем. Научно-публицистический подстиль, если сравнивать его с научно-учебным, больше относится к публицистике, так как в нем не выдерживаются такие важнейшие параметры научного стиля, как относительное равенство участников коммуникативного

акта, условия коммуникации, внешний и внутренний контекст высказывания; в семантической структуре представлены субъективные оценки адресанта, следовательно – нарушено допущение об абстрактизации предмета речи; в синтаксической структуре нарушен, упрощен порядок представления пропозиции. Все эти факторы вместе формируют совершенно иную иллюкативную силу высказывания, иное восприятие текста.

Научно-учебный подстиль включает в себя все основные дифференциальные параметры научного стиля, однако, он, как и все пограничные подстили, возникающие при наложении, совмещении ряда характеристик разных стилей, полифункционален. То есть его основная направленность – не только установить истинность или ложность того или иного явления, события, но и оценить это новое знание как полезное, нужное, воздействовать на адресата всеми возможными для научного текста средствами. При этом, так как выдерживаются основные составляющие речевой ситуации, возникающей в научной сфере деятельности, за исключением лишь одной – равенство участников коммуникативного акта, их пресуппозиций, прагматические параметры научно-учебного и академического стилей в целом равны; различия проявляются лишь на семантико-синтаксическом уровне, прежде всего в синтаксической структуре высказывания, где преобладают более развернутые конструкции, обладающие меньшей смысловой нагруженностью.

Научно-информационный подстиль чрезвычайно близок к официально-деловому стилю, так как адресат такого высказывания менее определен, более абстрактен, он не обязательно является специалистом в данной области знания, намерение адресанта также некоторым образом трансформируется, помимо цели – доказать истинность или ложность чего-либо – он преследует еще одну, не менее важную цель – его высказывание должно соответствовать определенному формуляру и быть доступным адресату. Все это оказывает большое влияние на семантику и структуру текста, его содержание носит объективный характер, субъект речи стремится скрыться за обобщенным абстрактным говорящим, значительным образом становится абстрактным и предмет речи; употребляемые конструкции информационно емки, формулировки кратки, иллюстрации минимальны.

Дифференциация научного стиля по различным отраслям знания – естественнонаучная, гуманитарная и техническая разновидности – с точки зрения прагматики нецелесообразна, не имеет оснований. Поэтому в научном лингвистическом стиле мы также считаем необходимым выделить те же основные подстили – академический, учебно-научный, научно-информационный и представить это в виде следующей схемы:

Представленная дифференциация не является абсолютной. Мы можем отметить случаи, когда данные подстилки смешиваются, образуя своеобразные микроподстилки, например, учебный научно-информационный подстилка, представленный в некоторых изданиях справочного характера, в лексикографических изданиях. Тексты этого подстилка будут иметь несколько отличную структуру от собственно научно-информационных и научно-учебных.

Приведем ряд примеров:

*ФОНЕМА (от греч. *phōnēta* – звук, голос) – единица звукового строя языка, служащая для опознавания и различения значимых единиц – морфем, в состав которых она входит в качестве минимального сегментного компонента, а через них и для опознавания и различения слов. Фонема – инвариантная единица языка.*

Ф.- осн. незначимая единица языка, связанная со смысловым различием лишь косвенно. Выполняя перцептивную (опознават.) и сигнификативную (различит.), а иногда и делимитативную (разграничит.) функции в тексте. Ф. в системе языка находятся в отношениях оппозиции (противопоставления) друг с другом (см. Система языковая). Основанием оппозиций служат различительные признаки (РП), представляющие собой обобщение артикуляционных и/или акустич. свойств звуков, так что Ф. может операционально представляться как пучок РП – дифференциальных, формирующих оппозиции, в которые вступает данная Ф., и интегральных, не образующих оппозиций данной Ф. с другими (см. фонология) (Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990, с. 552–553).

Фонология – раздел языкознания, изучающий звуковые единицы языка – фонемы. Фонемы – это неделимые далее звуковые единицы языка, которые служат для построения словоформ и для различения их звуковых видов. Так, в словоформе мак можно выделить три звуковых единицы языка м/а/к, каждая из которых выполняет различительную функцию в языке. Это значит, что любая звуковая единица языка в данной словоформе может противопоставляться звуковым единицам языка в других словоформах. Звуковые виды данных словоформ будут отличаться друг от друга только тем, что в одной из них находится одна звуковая единица языка, а в другой – другая, ей противопоставленная. Таковы, например, следующие ряды словоформ, каждая из которых отличается от любой другой только одной звуковой единицей языка – фонемой: /м/а/к – /р/а/к – /т/а/к – /б/а/к – /в/а/к (аббрев.); м/а/к – м/о/к (от монуть) – м/у/к (от мука); ма/к/ – Ма/р/ (от Мара, собств.) – ма/м/ (от мама) – ма/л/... (Русская грамматика: т. 1. 1982, с. 69).

Уже было сказано, что звуки, которые позиционно чередуются, существуют в языке как тождество, как одна и та же единица. Говорящие

отождествляют, например, [з] в форме морозы и [с] в форме мороз – для них это один и тот же звук.

Может быть неразличие /з/ – /с/ в этих случаях происходит из-за "гинноза" орфографии? Нет, не орфография здесь является определяющей, а система языка.

Почему же в системе языка отождествляются, приравняются друг к другу позиционно чередующиеся звуки? Мы помним основной закон языковых систем: если единица Б всегда сопровождает А, то она не обладает в системе самостоятельностью, она только тень единицы А. Имя дело с языком как системой, мы обязаны освободиться, абстрагироваться от Б как от несамостоятельного элемента.

Этот закон мы применяли к звукам, к признакам звуков, к суперсегментным единицам. Теперь применим его к новой величине: чередованию звуков, к их замене (т.е. к определенной языковой операции) (Современный русский язык [Под ред. В.А.Белошапковой]. – М., 1981, с. 66).

Приведенные отрывки, соответственно, представляют научно-информационный, академический и научно-учебный подстили, они посвящены одной теме и наглядно иллюстрируют особенности этих подстилей. Налицо множество различий как в плане лексико-синтаксического развертывания высказывания, так и в плане структурной и коммуникативной его организации: по-разному осуществляется выбор основных композиционных форм речи, но также и по-разному происходит развертывание пропозиции в структуре одной и той же формы.

Различия между подстилями научного стиля наглядно представлены в следующей таблице № 2.

Таблица № 2. Основные подстили научного стиля.

Подстиль	Характеристика участников коммуникации	Коммуникативная целеустановка	Соотношение типов модальности
Академический	Равный статус, равные пресуппозиции	Сообщение, убеждение	Доминирует объективная модальность
Научно-учебный	Неравный статус, неравные пресуппозиции	Сообщение, убеждение, демонстрация, иллюстрация	Доминирует объективная модальность
Научно-информационный	Равный статус, неравные пресуппозиции	Сообщение, демонстрация	Только объективная модальность

2.3. Жанровые разновидности научных текстов по лингвистике

О том, что помимо стилевых характеристик текст характеризуется еще и жанровыми, уже говорилось в предыдущем параграфе. Однако мы считаем необходимым рассмотреть то, что представляет из себя **жанр** как единица прагматического уровня. Структурная и описательная лингвистика избегали этого понятия именно потому, что понятие жанра связывает высказывание с теми, кто использует его с целью информационного обмена, то есть с участниками коммуникативного акта, субъектом и предполагаемым, или вполне определенным адресатом. На наш взгляд, трактовка понятия жанр в современной лингвистике текста основывается на исследовании М.М.Бахтина «Проблема речевых жанров»: «По существу языковые, или функциональные, стили есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения. В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы; этим жанрам и соответствуют определенные стили. Определенная функция и определенные, специфические для каждой сферы условия речевого общения связаны с определенными жанрами, то есть относительно устойчивыми тематическими, композиционными и стилистическими типами высказываний. Стилль неразрывно связан с определенными тематическими единствами: с определенными типами построения целого, типами его завершения, типами отношения говорящего к другим участникам речевого общения (к слушателям или читателям, партнерам, чужой речи и т.п.). Стилль входит как элемент в жанровое единство высказывания» [Бахтин, 1979: 241–242]. Из приведенной цитаты следует, что ученый понимал стилль как совокупность специфических, свойственных только ему жанров; жанр – как устойчивый тип высказывания, соответствующий определенной типовой ситуации общения в одной из сфер деятельности.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что, во-первых, в выстроенной М.Бахтиным концепции понятия стилль – жанр – композиционная форма (в нашем понимании ФСТР) чрезвычайно близки друг другу и могут быть определены друг через друга; во-вторых, понятие речевого жанра чрезвычайно близко понятию композиционной речевой формы; в-третьих, выбор стилия, жанра и формы речи неразрывно связан с экстралингвистическими параметрами, выделяемыми современной прагмалингвистикой. Это свидетельствует о том, что известному ученому удалось в своем исследовании выйти на качественно иной уровень трактовки текста, обратив внимание на его изучение «с позиции говорящего». Однако в современных условиях нельзя опираться лишь на внешние факторы, воздействующие на закономерности выбора той или иной текстовой категории. Отметим, что подобная модель может осуществляться лишь тогда, когда формируется определенная парадигма (жанровая, композиционно-речевая), когда прагматические, семантические и синтаксические свойства какой-либо группы текстов начинают отождествляться, устойчивая связь

между ними институционализируется на основе повторяемости, когда формируется определенная «речевая норма» в сознании определенной группы лиц, общающихся в определенной сфере деятельности. Иными словами, речь в данном случае идет о степени влияния узуса, о формировании определенной традиции общения, нашедшей отражение в прагматиконе языковой личности.

Готовая информация о форме кристаллизуется в виде готовых схем, выбор которых осуществляется говорящим из имеющихся, и трансформируется под воздействием содержания в определенный жанр. Согласно концепции А.Вежбицкой жанр можно моделировать через цепь предложений, выражающих намерения говорящего:

Я хочу рассказать разные вещи о X.

Я знаю много о X.

Я считаю, что вы знаете, что я знаю много и под.

[Wierzbicka, 1969].

Таким образом, мы полагаем, что жанровая форма во многом определяет функциональный тип речи, участвующий в построении речи, однако эта связь чрезвычайно сложна и проявляется следующим образом: выбор жанровой формы и ФСТР текста осуществляется на основе общих экстралингвистических факторов под воздействием уже сформированных, готовых к употреблению схем, способных максимально реализовать все намерения говорящего. Жанровая схема представляет собой определенную совокупность прагматических, семантических и синтаксических особенностей, реализующихся на семиотическом уровне. Различным стилям соответствуют различный набор жанровых схем:

– в официально-деловом стиле это жесткая структура, практически не допускающая отклонений; неизменность структуры компенсируется огромным разнообразием схем, соответствующих конкретной интенции и ситуации общения;

– в научном стиле это ограниченный набор схем в сочетании с возможностью варьировать каждую из них в определенных пределах.

Промежуточной единицей между жанром и типовым микротекстом являются композиционные фрагменты, формирующие те или иные жанровые стереотипы.

Несомненно, что выбор жанра осуществляется говорящим, субъектом на основе оценки прагматических параметров общения. Механизм этого выбора нам представляется следующим: на этапе перехода от интенции к замыслу говорящий сопрягает пропозицию с намерением – *доказать, убедить, проиллюстрировать, продемонстрировать* и под. Далее, после выбора жанровой формы из предоставляемой стилем, или подстилем парадигмы, построение содержательного материала осуществляется по законам данного жанра. Таким образом, можно предположить, что **категория жанра является прагматической**, так как именно в жанровой форме отражаются такие важнейшие компоненты прагмалингвистики, как

содержание (фактуальный материал) и его интерпретация субъектом речи (событийный материал). Но неверно было бы представлять, что семантическая сторона высказывания не оказывает на нее воздействия. Сфера значения также определенным образом отражается в жанре не только в семантике функциональных блоков макротекста, но и в выборе их форм, в их комбинаторике и системной организации. Имеющийся в каждом подстиле набор жанровых форм предполагает значительную традицию их функционирования, следовательно, они закреплены в прагматиконе языковой личности, осуществляющей коммуникативные акты в данной сфере человеческой деятельности и в данной сфере общения. В виду этого каждому жанру свойственна определенная структура, формуляр, свойства которой заранее определены. Так структура деловых жанров является жесткой, и ее нарушение ведет к нарушению восприятия, к препятствиям в коммуникации; жанровые формы научного стиля менее строги, они допускают множество вариаций, обусловленных не только контекстуальными условиями, но и семантическими особенностями.

М.М.Бахтин связывал жанр с представлением о композиционной форме высказывания и представлял стиль как набор соответствующих ему жанровых форм (1979). Действительно, жанр представляет собой исторически сложившуюся форму представления материала и в научном стиле речи он чрезвычайно тесно связан с подстилем.

К основным жанрам академического подстиля следует отнести **монографию**. Монографический жанр в лингвистической научной речи является наиболее сложным, как в коммуникативном, так и в структурном плане. Эта сложность зависит, прежде всего, от содержательного плана монографического макротекста, который распадается на целый ряд тем и подтем. Монография – жанр многоплановый, структурно и содержательно сложный, так как рассчитана на визуальное усвоение, неоднократное прочтение, внимательное изучение отдельных разделов. Она адресована человеку, имеющему тот же уровень интеллектуального развития, те же интересы, что и у субъекта речи, т.е. участники коммуникативного акта обладают равными пресуппозициями. Небольшие различия, которые имеются у адресата и адресанта, заключаются в том, что последний, по его мнению, более глубоко разбирается в проблемах, которым посвящена монография. Основную интенцию данного макротекста можно представить следующим образом – *«убедить, доказать собеседнику, что представленное в тексте содержание является истинным»*, данная интенция порождает более мелкие, конкретные – *«проинформировать, что явление А имеет место»*, *«доказать, что А связано с В»*, *«проиллюстрировать эту связь»*, *«сообщить что В включает в себя С и Д»*, *«продемонстрировать объект Е»* и под.

Данный жанр существует в речевой практике научного стиля русского языка уже более двухсот лет, поэтому он полностью сформировался, имеет

специфические дифференциальные признаки, основными из которых являются:

- тема сообщения (она должна отражать большой содержательный материал, представлять рассмотрение одной из актуальных проблем лингвистики, отличаться содержательной сложностью и многоаспектностью);

- иллюкутивная сила (коммуникативная направленность);

- структура (она является сложной: состоит из введения, где изложены исходный материал, основные положения исследования, нескольких глав, или разделов, в которых последовательно рассматриваются все вопросы, имеющие отношение к проблеме, и заключения, обобщающего, формулирующего основные результаты исследования).

С точки зрения коммуникативной организации монографический жанр представляет собой сложный конгломерат макротекстов. Мы полагаем, что считать монографию одним макротекстом возможно лишь условно, основываясь на традициях жанра, и только с позиций культурологии, науковедения. В лингвистическом плане текст монографии остается комплексом текстов, так как трудно себе представить человека, создающего подобный текст в течение одного коммуникативного акта, одной речевой ситуации, и так же невозможно представить себе другого человека, который воспринимает (= читает) данный текст непрерывно, не отрываясь ни на минуту. Это, скорее всего, будет противоречить сложившимся нормам деятельности (в том числе и речевой) и психофизиологическим возможностям человека.

Монографический жанр предполагает множество однотипных коммуникативных актов, где каждый последующий совершается в контексте предыдущих и, соответственно, может рассматриваться, изучаться, восприниматься только на их фоне, в их окружении. В виду сказанного, в качестве текста, который может явиться объектом лингвистического анализа следует, на наш взгляд, рассматривать отдельные компоненты структуры монографии, обладающие всеми основными свойствами данного языковедческого понятия – связностью, цельностью, законченностью. Однако серьезное изучение, рассмотрение такого микротекста должно вестись с учетом того, что он является лишь компонентом, структурной и смысловой частью макротекста, организующего данный жанр.

Жанром, типологически родственным монографии, является **диссертация**, хотя последняя представляет из себя макротекст более жестких форм. Это объясняется тем, что интенциональные характеристики данного жанра более узки: если монография может быть охарактеризована с помощью различного рода коммуникативных намерений – *«проинформировать, убедить, доказать, описать, обобщить, дифференцировать, классифицировать»*, то в диссертации любая из этих интенций должна быть необходимо дополнена следующей – *«доказать, что это верно, истинно»*. Второе серьезное отличие диссертации заключено во

внешних контекстуальных условиях: первичная реализация и восприятие данного текста сопряжены с необходимым «протоколом», принятым в данной сфере деятельности. Данный макротекст должен быть необходимо дополнен, сопровождается целой группой вторичных текстов других жанровых и стилевых разновидностей – доклад (на обсуждении и церемонии защиты), научная полемика, автореферат, справки, тезисы. Третье отличие диссертации от монографии – форма существования: монография является печатным текстом, издаваемым для публичного прочтения; диссертация – рукописным текстом, создаваемым в целях установления авторских прав на какие-либо мысли, идеи, технологии, а также для публичного признания автора текста достойным научной степени. Следовательно, круг адресатов диссертации более узок, более ограничен, но более компетентен; многие из ее читателей отличаются более глубокими фоновыми знаниями, обладают большим авторитетом в данной области знания. В силу этого диссертация, являющаяся более сложной, чем монография в коммуникативном плане, отличается большей структурной жесткостью, композиционной четкостью. Важное место в смысловой организации диссертации занимает субъективная модальность типа «возможно», «следует», так как демонстрация степени личного участия автора в получении определенных выводов является одной из основных задач этого жанра. Следовательно, диссертация отличается более высокой степенью субъективной модальности, так как, в отличие от монографии, в ней, помимо объективации изложенного, не менее важна и субъективация, выражение авторской позиции. Монография и диссертация связаны между собой общностью семантико-структурных особенностей, однако первую следует признать первичной, так как именно ее формально-языковые характеристики более тесно связаны с научным стилем. Диссертация в этом плане – жанр вторичный по отношению к монографии, так как ее структуру, характер подачи содержания отличает высокая концептуальность, «полифоничность» изложения, высокая зависимость от внешнего контекста.

Диссертация как особый жанр порождает целый комплекс текстов различной жанровой принадлежности. Данные тексты по происхождению являются «вторичными», они содержательно неотделимы от основного текста; автор, создавая его с самого начала, с момента формирования замысла, знает, что он должен защищать каждое положение своей работы, каждое высказывание своего текста. При этом диссертационный жанр более сдержан в оценке других текстов, субъект речи необходимо присутствует в семантической ткани высказывания, а в монографии он может быть скрыт за суждениями общего типа; поэтому микротексты описательного плана уступают ведущую роль аргументативным текстам. Чередование текстов различных типов более «ритмично», и этот ритм задан самой «формулярной» структурой диссертации – введение – глава – глава – ... – заключение – библиография – приложение. Возможно, что через несколько десятилетий лингвистический диссертационный текст приблизится к

естественнонаучному и будет представлять научно-информационный подстиль, если принять во внимание основные тенденции в развитии структуры диссертации. Так, Введение постепенно становится идентичным документу информационного характера типа справки, Выводы к главам и Заключение все больше подходят на тезисы, Приложения строятся в таблицах и схемах.

Научная статья является основным и наиболее частотным жанром академического подстиля. Это самый свободный жанр, так как его параметризация не ограничивает субъекта речи ни в выборе и структурировании содержательного материала, ни в логической организации текста, ни в его коммуникативном развертывании, ни в выборе темы. Термин «научная статья» можно признать в научном стиле полным синонимом термина «свободный жанр», так как последовательное сопоставление данного жанра с другими жанрами этого ФС дает возможность увидеть, что свойственная научной статье высокая степень вариативности, палитра коммуникативных намерений полностью совпадает с палитрой всего функционального стиля. Единственное ограничение на семантику и структуру статьи накладывают условия коммуникации, отражающиеся в традиционном структурно-смысловом воплощении ее содержания: в данном случае условно допустима ситуация, в которой данный текст порождается в течение одного коммуникативного акта, хотя на практике, как мы знаем, подобное бывает редко. Но восприятие текста часто осуществляется именно во время протекания коммуникативного акта. Поэтому статья как макротекст более целостна, слитна, ее структурные части тесно связаны между собой, рассмотрение их вне окружения других частей просто невозможно. Но, с другой стороны, в ее частях намного меньше повторов, намного реже содержатся апелляции к последующим и предыдущим частям, так как в этом нет необходимости, как нет необходимости воссоставлять в памяти адресанта темы и содержание предшествовавших данному текстам для того, чтобы ввести какую-либо новую пропозицию.

В коммуникативном плане статья отличается от крупных жанров коммуникативной целостностью, так как в ней отчетливо выделяется одна основная интенция, в монографии же их выступает несколько. Поэтому в коммуникативном плане можно выделить две разновидности статьи – представляющие и доказывающие, по типам интенций, в свою очередь, их можно разделить на демонстрирующие и иллюстрирующие, с одной стороны, и устанавливающие, и оценивающие, с другой. С позиции логико-смысловой организации текста статьи нам представляется возможным разделить этот жанр на два основных подвида – **статья-исследование** и **статья-концепция**. Первая посвящена детальному анализу какой-либо частной проблемы, формулированию определенного вывода и оценки. С этой позиции она абсолютно рядоположена по основной коммуникативной целеустановке таким большим жанрам, как монография и диссертация. Основное же ее отличие – семантическое, она обладает меньшей

иллюктивной силой, но вместе с тем обладает относительной самостоятельностью в окружающем контексте, хотя и может быть включена в более крупный макротекст. Так, отдельные разделы коллективной монографии, посвященные какой-либо общей проблеме и затрагивающие отдельные ее аспекты, можно рассматривать в качестве самостоятельных статей исследовательского плана, условно абстрагируясь от общих контекстуальных условий.

Статья-концепция содержит интерпретацию, взгляд на какую-либо крупную, актуальную научную проблему, она посвящена установлению определенных связей между объектами науки и верификации этих связей, как бы содержит «мысли и комментарии по поводу...». Ее семантическая структура более сложна, так как в ней содержится масса апелляций и отсылок к другим текстам, и в этом отношении ее содержание обусловлено огромным количеством высказываний, ее адекватное восприятие возможно лишь при абсолютно равных пресуппозициях участников коммуникации. Статья-концепция не просто информативна, она содержит в себе элемент полемики, и не просто содержит, она побуждает к ней, стремится вызвать обратную реакцию. С этого угла рассмотрения она в значительной степени контекстуально обусловлена и представляет собой определенный элемент в бесконечной цепи высказываний. Именно такие статьи, как правило, вызывают научную полемику, порождают ситуации, которые в научной сфере представлены в научных конференциях, диспутах, круглых столах, журнальной полемике.

Можно отметить, что обе разновидности данного жанра несколько различаются и по интенциональным характеристикам: если статья-исследование стремится *убедить* и *доказать* путем описания и иллюстраций, продемонстрировав путь получения данного знания, то статья-концепция пытается *перубедить*, *указав на недостатки, неточности*, или *разубедить*, *продемонстрировав ложность, ошибочность имеющихся доказательств*. Статья-концепция всегда является реакцией на какой-либо другой или другие высказывания и одновременно стимулом к последующим высказываниям, поэтому она полифункциональна, так как содержит оценки и мнения и более субъективна по доминирующей модальности, так как субъект концептуального высказывания не только не стремится скрыть, «закодировать» свое авторство, но, наоборот, «выставляет его напоказ». Часто суждения, высказываемые в такой статье, опираются не на факты, а на мнения, что делает данную жанровую разновидность несколько самобытной, отличающейся от других научных жанров.

Еще одной особенностью статьи как особого жанра является доминанта в ее структуре не только особой интенции и модальности, но и доминанта в ее структуре особой типологической текстовой формы, так статья-исследование основывается на описательных текстах, а статья-концепция – на аргументативных.

Основными жанрами научно-учебного подстиля являются учебник, учебное пособие. Как уже было отмечено, жанры научно-учебного подстиля отличает большая градуированность целеустановок, приоритетность интенций, направленных на структуризацию содержания, его адаптацию, представление его в более доступном виде. Это обусловлено такой характеристикой учебной сферы деятельности, как неравный и в ролевом, и пресуппозициональном плане участников коммуникативного акта. В данном случае автор стремится воздействовать на реципиента допустимыми в научной сфере общения средствами – «убедить на основе иллюстрации, демонстрации и аргументации», при этом в учебных текстах отмечается и декларативность в представлении понятийного материала, составляющего аксиомы данной области знания.

Композиционное развертывание содержания в учебнике подчинено движению авторской мысли и решению основной цели, стоящей перед автором – *«научить, сделав содержательный материал максимально доступным для восприятия»*. Внешняя композиция учебника имеет классическую схему: введение и основную часть, которая членится на разделы, главы, параграфы, обобщающие выводы к главам, разделам. Структура каждого раздела, главы, параграфа учебника носит заданный характер и включает в себя следующие элементы:

- 1) квалификация, характеристика объекта, основанная на описании и дефиниции;
- 2) объяснение квалификации путем иллюстрации, демонстрации логического вывода знания, основанное на сообщении и рассуждении;
- 3) обобщение, выражающееся в формулировках, градуировании и оценках, представленное в доказательствах и сравнениях;
- 4) дирекция и коррекция материала, выражающаяся особыми элементами композиции, представленными в таблицах, схемах, иллюстрациях, вопросно-ответных заданиях;
- 5) комментирование содержательной части и способов получения представленных выводов, которые также содержатся в особых композиционных частях учебника, чаще всего выделенных шрифтом пояснениях.

Комбинаторика этих элементов определяется темой, денотатом которой выступает определенный объект – лингвистическое понятие, категория, явление, она различна в композиционных частях учебника.

Все три жанра, перечисленные выше, чрезвычайно сильно связаны между собой, так как имеют общие прагматические целеустановки. Общая цель научно-учебного текста, как и всего процесса обучения, «научить». Данная цель в модели учебной коммуникации является главным и определяющим фактором, детерминирующим в конечном итоге структуру и типологию учебника, учебного пособия в целом. Данная общая цель, стоящая перед автором высказывания, распадается на ряд более мелких интенций, целеустановок: передача, закрепление информации, побуждение к действию,

выражающемуся в понимании, усвоении и закреплении информации, облегчении восприятия. Общая цель реципиента – «*научиться*». Данная цель включает в себя такие намерения, как: *воспринять, понять, запомнить, редуцировать и интерпретировать информацию*, а также *воспроизводить ее с максимальной точностью*. Целеустановки автора и реципиента выступают в пределах учебного макротекста комплексно, в совокупности, однако в конкретной его части, возможно преобладание того или иного речевого намерения автора, учитывающего и целеустановки реципиента, которые представляют собой взаимосвязанное единство, например: «*передача информации*» рассчитана на ее восприятие; «*усвоение информации*» – на понимание; «*закрепление информации*» на запоминание и интерпретацию; «*побуждение к действию*» – на воспроизводство и использование информации в собственной деятельности.

Типовые интенции, формируемые сферой деятельности, характером учебного процесса, лежат в основе структуры и типологии научно-учебных текстов. Поэтому основные жанры данного подстиля различаются между собой лишь в незначительной степени, прежде всего они дифференцируются по количеству информации, контекстуальной обусловленности, структурной организации. Эти различия обусловлены сложившимся в речевой практике формуляром, который в своеобразной форме представляет специфику учебной практики в государстве. Так, учебник является книгой, помогающей адресату усвоить содержание определенного курса, определенной лингвистической дисциплины; учебное пособие помогает освоить какой-либо фрагмент данного курса, спецкурс, факультатив, – конкретный вопрос, проблему, представленную в программе курса. Поэтому мы полагаем, что учебник является основным жанром, представляющим научно-учебный подстиль. Сложившаяся композиция учебного пособия во многом напоминает композиционное построение учебника, так как первое во многом имитирует учебник, однако его факультативность, дополнительность по отношению к учебнику во многом определяют и его более свободное построение, большую частотность в его структуре комментариев, описаний, иллюстративного материала.

Наглядно основные различия между крупными жанрами научной лингвистической литературы можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица № 3. Макрожанры научной литературы

Жанр	Характеристика участников коммуникативного акта	Коммуникативная целеустановка	Композиционные особенности	Виды модальности
Монография	Равные пресуппозиции	Информационно-описательная в сочетании с демонстрационно-иллюстративной	Относительно свободная композиция, подчиняющаяся задачам описания	Сочетание объективной и субъективной модальности
Диссертация	Относительно равные	Доказательно-верифицирующая	Жесткая композиция, направленная на	Сочетание субъективной и

	пресуппозиции, более высокий статус адресата	в сочетании с иллюстративно-демонстрационной	доказательство личных заслуг адресанта в выработке нового знания	объективной модальности; объективизация субъективных гипотез автора.
Учебник	Неравные пресуппозиции, более высокий статус и пресуппозиция автора	Информационно-описательная в сочетании с адаптивно-корректирующей	Строгая композиция, направленная на адаптацию и коррекцию материала	Доминанта объективной модальности

Жанры научно-информационного подстиля более разнообразны, к ним следует отнести тезисы, аннотацию, реферат, автореферат, научную документацию (план, отчет, служебная записка, обоснование и др.), отзыв на что-либо, статью в лексикографическом издании энциклопедического характера и др. Основная цель текстов данного подстиля – «сообщение научной информации с максимальной точным объективным описанием имеющихся фактов и (что важнее) правовая, юридическая защита этой информации... Здесь обязательно наличествует стереотипность композиции, максимальная стандартизация языковых средств, обилие штампов и устойчивых оборотов, унификация синтаксических конструкций» [Митрофанова, 1976: 13]. На формирование и развитие данного подстиля огромное влияние оказывают однотипные тексты других областей знания. Это относится к научно-техническим и естественнонаучным текстам, которые в большей степени подверглись влиянию со стороны соответствующих жанров официально-делового стиля и практически превратились в тексты-документы. Жанры научно-информационного подстиля представляют активно развивающуюся в последнее время сферу научной информации, которая представлена в соответствующих изданиях. Многие из жанров научно-информационного подстиля с течением времени все более унифицируются и начинают представлять собой жесткий формуляр, в котором для свободного заполнения остаются лишь несколько переменных позиций. Примерами таковых могут послужить научный отчет, автореферат, научная справка.

Ряд информационных жанров – прежде всего мы имеем в виду здесь научную документацию – постепенно вышли «за границы» научного стиля, превратились в деловые. Поэтому наибольший интерес для нас представляют следующие жанры: тезисы, информационная статья в специальном издании, реферат, аннотация, рецензия. Из них два первых жанра мы бы назвали основными, а два последних дополнительными, так как при определенных условиях и аннотацию, и реферат можно рассматривать как отдельные разновидности информационной статьи. Интенциональная характеристика последней нам представляется следующей – *«дать полную и максимально объективную информацию в краткой форме»*.

Для информационной статьи мы выделяем следующие жанровые разновидности – **статья-обзор**, **статья-реферат** и **статья-аннотация**. По семантико-структурным характеристикам аннотацию следует

охарактеризовать как прямое, непосредственное описание пропозиции какого-либо высказывания. По своему содержанию она вторична, всегда находится в отношениях прямой зависимости к тексту другого жанра – монографии, статье, учебнику; ее цель – «объективно информировать о каком-либо другом тексте», поэтому и рассматривать ее необходимо только в соотношении с ним. Композиционно аннотация представляет собой небольшой микротекст, тип которого носит чаще всего описательный характер.

Статья-обзор и **статья-реферат** очень близки друг другу, они различаются лишь смысловой организацией, первая включает в себя информацию о группе текстов общей тематики, вторая – более развернутую информацию (по сравнению с аннотацией) об одном макротексте (монографии, диссертации, статье). Композиционная структура их одинакова: она содержит описание (либо повествование) и умозаключение обобщающего характера. Нередко обзор и реферат могут совпасть в рамках одной информационной статьи, совмещающей описание, повествование и умозаключение, чаще всего такого типа статьи употребляются в энциклопедических и научных словарях, изданиях справочного характера. Все эти жанры могут употребляться в качестве топиков в рамках макротекста академического жанра – монографии, статье.

По происхождению **тезисы** являются также вторичными, основывающимися на каком-либо устном или письменном тексте (статье, монографии, докладе и под.), содержащимися в свернутом виде основные пропозиции первичного текста. Композиционная форма тезисов такова – последовательное сочетание небольших микротекстов со сложной типологической организацией, так как даже описательные структуры содержат в себе элементы аргументативных текстов. Тезисы также могут выступать в качестве топика в разделе Выводов к монографии, диссертации, а также в качестве компонента автореферата.

Автореферат является особым жанром научно-информационного подстиля, по происхождению он также вторичен: создается на основе диссертации тем же субъектом речи. Структура его является жесткой, первая часть автореферата представляет собой аннотацию-формуляр с обозначенными заранее темами микротекстов, вторая его половина является собственно рефератом текста диссертации.

Особо следует отметить такой жанр информационного подстиля как **рецензия**. По композиционным особенностям данный жанр можно сблизить с информационной статьей, но по интенциональным характеристикам рецензия существенно отличается от других жанров, так как ее цель – «оценка значимости какого-либо текста или группы текстов». В рецензии доминирует субъективная модальность, которая скрывается за такими видами объективной модальности, как «верно – неверно». Е.С.Троянская (1985) отмечает чрезвычайно сложную семантическую структуру данного жанра, которую составляют текст и подтекст. В тексте содержание

выражается в соответствии с каноном жанра, сформировавшимся в результате установленного регламента общения в научной сфере; в подтексте содержание выражается на основании прагматической компетенции говорящего и воспринимающего, представляющих действительную сущность оценок, выраженных в тексте. Любое оценочное суждение рецензии чрезвычайно сдержанно по отношению к действительному отношению автора текста к сообщаемому. Оно выражается с помощью специальных речевых клише, сформировавшихся в ходе развития и совершенствования научной дискуссии. В реальной ситуации за каждым клише скрывается несколько иной, более категоричный смысл, который и заставляет нас признать безусловную доминанту субъективной модальности в данном тексте.

Таким образом, все жанры научно-информационного подстиля отличает еще и то, что генетически все они вторичны и восходят к какому-либо макротексту или целой группе макротекстов, изложение пропозиций которого/которых они собой представляют. Между собой эти жанры различаются по степени выраженности объективного и субъективного, диктума и модуса, изложению фактов и оценок.

Итак, различные подстили научного стиля (лингвистической тематики) включают в себя большое количество жанров: монографию, диссертацию, статью-исследование, статью-концепцию (академический подстиль); учебник, учебное пособие (научно-учебный подстиль); тезисы, автореферат, статью-обзор, статью-реферат, статью-аннотацию, информационную статью (научно-информационный подстиль). Все эти жанры имеют огромное число реализаций в русском языке и его истории, весьма частотны, поэтому обладают узнаваемой исторически сложившейся структурой, причем многие из них весьма жесткой. Не трудно заметить, что представленные жанры могут объединяться не только в рамках подстиля, но и помимо него, на основе структурно-смыслового критерия, например, монография весьма отчетливо соотносится с учебником, исследовательская и концептуальная статья с тезисами, докладом, лекцией, аннотация – с монографией и учебником, автореферат с диссертацией, статьи научно-информационного подстиля с целым рядом статей и монографий. На наш взгляд, это обусловлено тем, что жанры научно-учебного и научно-информационного подстилей суть стилевые вариации основных жанров академического подстиля, который, по нашему мнению, не только образует ядро в числе всех научных лингвистических текстов, но и является тем образцом, на который они ориентируются.

Помимо этого, мы полагаем, что именно академический подстиль вырабатывает и диктует нормы научного лингвистического стиля речи, в том числе и на уровне текстообразования и текстопостроения, формирует те устойчивые поведенческие типы, которые принято описывать как речевую ситуацию и создает тот набор прагматических критериев, которые с

незначительными вариациями образуют прагматикон языковой личности как норму коммуникативного поведения индивида.

Жанры академического подстиля являются первичными и существенным образом определяют структурно-семантическую организацию вторичных жанров учебного и информационного подстилей. Под вторичными жанрами следует понимать макротексты, максимально зависимые от внешнего и внутреннего контекста, созданные на основе одного или группы других конкретных текстов.

Классификация основных жанров научного подстиля представлена в следующей таблице.

Таблице № 4. Основные жанры научного подстиля

Основные оппозиции жанров	Способы их выражения		
	Прагматический	Коммуникативный	Структурный
Большие –малые, «монография-статья»	Рольевые и пресуппозиционные характеристики коммуникантов равны	Интенциональная сложность – доминанта одной интенции	Свободная/жесткая структура, свободное/обусловленное чередование различных микротекстов
Первичные – вторичные: монография – статья – учебник – рецензия; диссертация – автореферат; доклад – тезисы.	Неравенство рольевых и равенство пресуппозиционных характеристик	Для вторичных доминанта неосновных, адаптационно-оценочных интенций	Формулярная структура вторичных текстов, наличие специальных речевых и синтаксических клише.
Академические – учебные – информационные	Различные позиции коммуникантов	Различные доминирующие интенции	Различная структура текста.

2.4. Типология научных текстов по лингвистике

Сложность проблемы создания универсальной типологии текстов заключается в том, что текст – явление многоаспектное, в котором реализуется, с одной стороны, личность автора, его коммуникативная целеустановка, личность адресата, сфера общения, внешние и внутренние контекстуальные условия, с другой стороны – тема, денотативная отнесенность текста, его жанрово-стилистическая организация. Различные подходы к решению данной проблемы явились причиной существования множества разнообразных классификаций, как интралингвистических, в основу которых положены собственно языковые характеристики текста, так и экстралингвистических, учитывающих условия реальной коммуникации. Единственной типологией, которая практически не подвергается критике со стороны различных исследователей, представителей различных направлений лингвистики текста, является та, в основу которой положена форма существования текстов. Обычно выделяют устные и письменные тексты,

которые функционируют в одних и тех же сферах общения; а также монологи, диалоги и полилоги – по количеству участников коммуникативного акта. Однако и в эту типологию, как представляется, следует внести соответствующие коррективы. Мы полагаем, что следует различать письменные и записанные тексты, устные и произнесенные тексты. Между ними существуют коренные различия, так как письменный текст рассчитан на визуальное усвоение, чтение, а записанный текст может быть устным, то есть рассчитанным на слуховое восприятие. Таким образом, можно выделить письменные тексты, устные тексты и тексты-имитаторы, например, текст лекции, записанный на бумаге, является текстом-имитатором, так как его создатель рассчитывал на его устную реализацию и слуховое восприятие. Тексты-имитаторы с обратными свойствами встречаются крайне редко, только у человека, не знакомого с речевой практикой данной сферы деятельности, так как озвученный с трибуны письменный текст адекватно усвоить практически невозможно, его необходимо адаптировать для аудирования.

В нашем исследовании для обозначения типологической единицы текста, типового микротекста, с помощью которого возможно универсальное описание структуры макротекста мы будем применять термин – функционально-смысловой тип речи. Впервые данный термин был употреблен О.А.Нечаевой, которая в своей работе «Функционально-смысловые типы речи: описание, повествование, рассуждение» (1974) определила лингвистический статус основных частей монолога. Ею была установлена логико-смысловая основа каждого типа речи, выявлена их зависимость от характера и объекта речи, выделены их структурно-смысловые разновидности, языковая форма. Основным принципом, положенным в основу данной классификации, является соотнесение типов речи с формами мышления (эмпирического и теоретического). Этот же принцип кладется в основу классификаций Ю.А.Васильева, В.В.Одинцова, А.И.Островской, О.В.Протопоповой и других.

Существующие различия в выделении основных типов речи у различных исследователей объясняется отчасти тем, что ученые оперируют различным языковым материалом, строят свою классификацию на материале различных функциональных стилей, различных языков и т.п. Анализ целого ряда работ (М.Н.Кожина: 1972, 1986; Е.С.Троянская: 1978, 1982; О.Н.Гришина: 1985; В.В.Одинцов: 1982; Г.В.Бронская: 1985, Т.С.Кудрявцева: 1985; Н.Д.Бурвикова: 1981 и др.) показал, что проблема пересечения функционально-смыслового членения речи и функционально-стилистической дифференциации текстов является чрезвычайно важной, требующей решения таких частных вопросов, как вопрос о специфике определенного функционально-семантического типа речи в зависимости от ФС; об иерархии данных типов речи в различных стилистических системах и ряда других. Мы полагаем, что выделению универсальных типовых текстовых единиц должна предшествовать работа по описанию функционирования различных ФСТР на

материале каждого конкретного стиля. Только такое изучение даст нам реальную возможность разработки научно обоснованной типологии.

Специальные исследования различий в функционально-смысловой дифференциации типов микротекстов между стилями позволяет обнаружить совершенно особые и специфичные для каждого функционального стиля ФСТР, так как различия обнаруживаются даже в границах одного функционального стиля. Например, в научной речи гуманитарной отрасли знания, если ее сравнить с высказываниями естественной и научно-технической направленности, то выявляются существенные различия между текстами описательного типа. Это связано с тем, что в последних пропозиция представляет собой развернутое изложение, перечисление свойств реального объекта действительности, а в гуманитарных – ментального концепта, что не может не отразиться на семантико-структурных, следовательно, и типологических свойствах микротекста. Различными будут и соположения ФСТР в структуре одного макротекста, так как описание объекта в технических отраслях в первую очередь строится на представлении его конкретных функций в изучаемой системе, которые чаще всего являются вполне реальными действиями, вызывающими какие-либо изменения внутри системы, представление же ментального концепта строится, прежде всего, на последовательном перечислении его дифференциальных признаков, сравнении с другими концептами, следовательно, различными будут не только избранные ФСТР, но и порядок их следования.

В настоящее время в современной лингвистике наиболее распространенным является дифференциация текстов-описаний, текстов-повествований и текстов-рассуждений, то есть та, в основу которой положен признак денотата речи, номинативная функция высказывания. Однако данная классификация страдает целым рядом недостатков, главным из которых является, на наш взгляд, тот, что основной функцией любого текста является функция коммуникативная. Главной целью, которую преследует говорящий, является не называние определенного фрагмента действительности (реальной или ментальной), а сообщение об этом фрагменте. Говорящий испытывает потребность информировать о чем-либо как о свершившемся или несвершившемся факте, о своем отношении (оценке) данному факту, убедить реципиента в реальности/нереальности данного события. Иными словами, автор стремится рассказать либо о чем-либо, либо о своем отношении к этому предмету (явлению, событию), от собеседника он ожидает того, чтобы он усвоил данную информацию, то есть либо поверил ему, либо согласился с ним. Причем при формировании замысла говорящий также вынужден определиться с модусом высказывания, уточнить свою целеустановку, предварительно оценив адресата высказывания.

Первичной, на наш взгляд, должна явиться классификация по коммуникативному признаку, так как основной функцией текста является коммуникативная функция, то номинативная и когнитивная функции текста находятся в отношениях зависимости. Поэтому в качестве первоначальной

градации следует выделить, прежде всего, описательные и аргументативные типы текстов в соответствии с основными типами интенций – сообщающих, информирующих и убеждающих (доказывающих). В данном случае описательные тексты следует рассматривать как несущие информацию об отдельных сведениях какого-либо объекта, его свойствах, функциях, возможностях, т.е. характеризующиеся бытийной модальностью. Аргументативные же тексты следует рассматривать как фиксирующие эту же информацию с точки зрения истинности/ложности, т.е. характеризующиеся различными типами оценочной модальности или фактуальной модальностью.

Рассмотрим два отрывка:

(1) *В час жаркого весеннего заката на Патриарших прудах появилось двое граждан. Первый из них – приблизительно сорокалетний, одетый в серенькую летнюю пару, – был маленького роста, темноволос, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а аккуратно выбритое лицо его украшали сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе. Второй – плечистый, рыжеватый, вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке – был в ковбойке, жеваных белых брюках и черных тапочках.*

Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, редактор толстого художественного журнала и председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой Массолит, а молодой спутник его – поэт Иван Николаевич Поньрев, пишущий под псевдонимом Бездомный.

Попав в тень чуть зеленеющих лип, писатели первым делом бросились к пестро раскрашенной будочке с надписью "Пиво и воды".

(2) *Да, следует отметить первую странность этого страшного майского вечера. Не только у будочки, но и во всей аллее, параллельной Малой Бронной улице, не оказалось ни одного человека. В этот час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо, – никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея (М.Булгаков. Мастер и Маргарита. Соб. соч. в 5-ти тт., – М., 1990, т. 5, с. 7).*

Перед нами два следующих друг за другом фрагмента одного и того же макротекста, первый является описательным (в нем описывается ситуация и ее участники), второй – аргументативным (в нем дается характеристика ситуации и аргументы, подтверждающие версию автора).

Отметим, что деление текстов на описательные и аргументативные тоже относительно условно и при проведении четких границ между этими двумя группами текстов каждый раз следует обращаться к специфическим свойствам стиля, в границах которого существует тот или иной текст. Так, можно предположить, что официально-деловому стилю несвойственны

аргументативные тексты, а научному и публицистическому – описательные, потому что основной целью первого является сообщение в краткой, точной и ясной форме какой-либо информации, которая должна послужить руководством к действию, основной целью второго – формирование целостного объективного взгляда на какой-либо фрагмент действительности, третьего – утверждение какой-либо оценки на какое-либо явление, событие. На самом же деле это далеко не так: информационное сообщение состоит из микротекстов различной типологической организации, просто типы текстов обладают в достаточной степени гибкой структурой, которая позволяет им приспособиться к важнейшим коммуникативным целеустановкам стиля. Например, аргументативный текст официально-делового стиля будет содержать в себе большое количество свернутых пропозиций аргументативного плана, а описательный текст научного стиля будет строиться на основании учета логической последовательности, дифференциальной значимости отдельных явлений, образующих систему.

Классификация, основывающаяся на номинативной функции текста, или, как принято говорить в лингвистике текста, по типам денотативной соотнесенности, дифференцирует тексты по характеру денотата. Это может быть информация об объекте, находящемся в статическом состоянии (описание); информация об объекте, находящемся в динамическом состоянии (повествование); убеждение путем демонстрации процесса логического вывода нового знания (умозаключение); убеждение путем доказательства/опровержения истинности полученных выводов (доказательство). Отметим, что учет денотативной соотнесенности текста сопряжен в данном случае с основными формами и способами познавательной деятельности человека.

Классификация, основанная на видах познавательной деятельности чрезвычайно удобна для изучения глубинных структур ФСТР, его порождения, структуры пропозиции, так как она позволяет дифференцировать основные типологические типы текстов для каждого конкретного стиля. Основываясь на типовых моделях логических структур, она является наиболее дробной, и возможности, представляемые этой классификацией чрезвычайно широки: они предоставляют оптимальную возможность для выявления набора типов речи какого-либо ФС, его подстиля, жанра, дают возможность описать их «изнутри». На основании этого критерия можно выделить: описание, сравнение, дистрибуцию, умозаключение, энтимему, силлогизмы и другие типы речи. Однако мы полагаем, что подобного рода дифференциация должна проводиться для каждого ФС в отдельности не только из-за несовпадения набора интенций и частных целеустановок в каждом функциональном стиле, но и из-за различий способов познания материала, различного соотношения индуктивных и дедуктивных методов.

Мы полагаем, что полученный в результате такой дифференциации набор типовых микротекстов даст возможность более глубоко познать

особенности каждого стиля, составить более точное представление о содержательных и структурных особенностях стилей речи русского языка.

Перейдем к рассмотрению типологических единиц текста на материале научной лингвистической литературы. В рамках данного конгломерата текстов можно так же выделить описательные и **аргументативные** тексты. Основная цель первых – дать четкое определение явлениям, единицам номенклатуры лингвистики как системы научного знания путем перечисления их признаков, отличий от других единиц, указать на их функции в системе. Основная цель вторых – доказательство действительности существования ключевых понятий и категорий языковедческой науки, существующих между ними связей; демонстрация истинности основных методов получения знания.

Типологию описательных и аргументативных текстов схематично можно передать следующим образом:

Описательные тексты научной литературы по лингвистике характеризуются бытийной модальностью. Так, избранный автором текста стиль и жанр предполагает «неписаное» соглашение участников коммуникативного акта в том, что обсуждаемая тема, или предмет описания, действительно существуют. Данное соглашение уже само по себе исключает возможность существования в данной области текстов собственно повествовательных, цель которых – описание какого-либо события или явления.

Мы проанализировали достаточно большое количество лингвистических научных текстов и не нашли в них собственно повествовательных текстов, даже в работах, посвященных диахроническому описанию языка или его подсистем, мы не зафиксировали текстов-повествований, что объясняется тем, что по своим основным признакам повествование, в отличие от описания, представляет собой изложение фактов в актуализированной временной последовательности (предшествование, последование, одновременность). В научном стиле любые временные характеристики предложений как бы деактуализируются, интерпретируются как свойство объекта (например: *Имена существительные имеют категорию рода, числа и падежа; Аппарат работает в свободном режиме.*). Последовательность же действий или состояний подменяется их причинно-следственной связью. Фраза *Наступила весна, распустились цветы* для любого другого стиля имеет значение временной последовательности, для научного стиля более важны логические отношения: чтобы распустились цветы, необходимо наступление весны.

Рассмотрим несколько текстов, семантика которых близка к повествовательной:

1) *Норма литературного языка – понятие историческое. На каждом этапе исторического развития к языку предъявлялись новые требования. Так, например, еще в XI веке были созданы произведения, по которым развивались и другие писатели. "Слово о законе и благодати" митрополита*

Иллариона, замечательного стилиста и оратора, считалось непревзойденным шедевром художественного произведения. Он сам указывал, из чего он исходил в своих произведениях: "Не к неведущим бо пишем, но презлиха насыщимся сладости книжныя". Иные требования предъявлялись к деловой речи, где нормы употребления различных лексических единиц и грамматических форм были другие. Каждый вид письменных памятников имел особый слог. В "Слове о полку Игореве", в "Молении Даниила Заточника" совсем иной стиль, чем в деловых бумагах той поры. Значит, книжные люди древнерусской поры сознавали, что различные виды письменной речи требовали различных элементов языка. Совсем другие требования предъявлялись к литературному языку в XV-XVII вв. Однако определенной нормы до Ломоносова еще не сложилось, хотя она и намечалась. Общественные деятели, лучшие писатели и ученые искали более совершенных форм выражения своих мыслей. Большую роль в деле упорядочения языка сыграл А.С.Пушкин. Однако и Пушкин не смог установить абсолютной нормативности языка, так как норма как общенародный образец может быть реализована только в общем высоком состоянии культурного развития народа. Только с ростом грамотности и общей культуры народа становится очевидным, что выработка общих правил устной и письменной речи имеет огромное общественное значение. Твердые правила, ведущие к единообразию и устойчивости языка на длительном отрезке времени, необходимы. Поэтому и грамматика, и слова поддерживают требования нормативного употребления звуков, форм слов, предложений (Гвоздев: Современный русский литературный язык. Ч.1. – М., 1960, с. 7–8).

Если задуматься над содержанием данного текста, то следует признать, что он описывает процесс формирования литературной нормы языка. Однако, это не дает нам возможности признать его повествовательным, так как избранная автором форма, структура изложения более точно соответствуют авторской целеустановке проблемного изложения материала, представления его не столько в цепи следующих друг за другом шагов, сколько в логической последовательности: осознание потребности в языковой норме, дифференцированный подход к норме, норма и этапы формирования национального языка, условия реализации литературной нормы. Для достижения поставленных целей автор выбирает аргументативный тип построения текста: сначала он формулирует тезис: «Норма литературного языка – понятие историческое», затем приводит доказательства данного тезиса, одновременно углубляя заявленный тезис, однако в заключение сознательно избегает возможности сделать вывод, дополнив его тем, что «норма – не только историческое, но и социальное понятие», чтобы не слишком перегрузить текст, так как его адресат – студенты.

2) Происхождение сочетаний плавных с Ъ и Ь, которым в русском языке соответствуют сочетания типа ТОРТ обнаруживается в

результате сопоставления фактов славянских языков с данными других индоевропейских языков... Сопоставления указывают на то, что в праславянском языке в сочетаниях рассматриваемого типа редуцированный гласный произносился перед плавным (где сейчас в русском произносится [e] или [o], развившийся из этого редуцированного): *gьrdь, *vьrхь, *dьlgь, *vьlkь и т.д. Поскольку сочетания, оканчивающиеся плавным, противоречили принципу возрастающей звучности слога, если далее следовал согласный звук, то они в праславянском языке претерпели изменения: конечный в слог плавный стал слоговым, а предшествовавший ему редуцированный стал произноситься как неслоговой призвук, т.е. как звук менее звучный, чем последующий слоговой плавный: *gьr-dь > *gьr-dь, *vьr-хь > *vьr-хь и т.д. В дальнейшем неслоговые *ь и *ъ перед слоговыми плавными совсем перестали произноситься: [грдь], [длгь], [врхь], [влкь]; в древних славянских текстах это отражается в смешении букв Ъ и Ь после Р и Л: ГРЬДЬ или ГРЬДЬ, ВРЬХЬ или ВЬРХЬ, ДЛЬГЬ или ДЛЬГЬ, ВЛЬКЬ или ВЛЬКЬ (Хабургаев: Старославянский язык. – М., 1986, с. 100–101).

Темой данного текста является описание изменений сочетаний редуцированных звуков с плавными сонорными и образование плавных слоговых в старославянском языке. Однако автор опять выбирает проблемную форму изложения материала: вначале текста он формулирует причину свершившихся исторических изменений, а сам процесс изменения рассматривается в тексте как следствие из сформулированной причины, поэтому и сам текст имеет структуру текста рассуждения-повествования.

3) Преобразование "светских" стилей литературного языка не могло не отразиться на структуре самой церковнокнижной речи. Целый ряд жанров церковнославянского языка, например, жанр обличительной, проповеднической литературы, подвергается еще более глубоким воздействиям светско-деловых и публицистических стилей. Завершается процесс церковной "специализации" и богословской "профессионализации" "еллинско-словенских" стилей XVII в. Бывший "восточник», защитник "еллинизма" Ф.Поликарпов в 1723 г. 9 января писал в своем заявлении к Синоду: "Книга Григория Богослова Назианзена, с прочими, иже с ней, переведена необыкновенною славянизною, паче же реци еллинизмом, и затем о ней мнози недоумевают и отбегают. А можно оную вновь перевести удобнее, и неудобопроходные стези в пути гладки устроить". В системе церковнокнижного языка берут решительный перевес те семантические, синтаксические, а отчасти и лексико-фразеологические формы, которые принесены юго-западной "славянской" традицией... Но если отражения живых форм украинского языка постепенно ступшевывались, исчезали, то влияние юго-западной риторики долго, до второй половины XVIII в., сохраняло свою силу... (Виноградов: Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. – М., 1982, с. 86).

Представленный нами текст является повествовательным не только по выполняемой им номинативной функции – описание изменений в структуре

церковнокнижного языка XVIII в., но и отчасти по своим структурным особенностям. Очевидно, что перед нами та самая разновидность повествования, которая лишь и может быть представлена в научной лингвистической литературе – особого вида тип текста, в котором повествование нейтрализуется описанием процесса, смены состояний системы. Как отмечают исследователи типологии текстов, в основе структуры повествования лежит предикат, временная форма которого актуализирована, а сама категория времени является одним из основных связующих средств, объединяющих предложения в ФСТР, а затем в текст. В плане логическом предикат является одним из основных средств, характеризующих субъект, его состояние, в плане коммуникативном именно предикат образует рематический блок в структуре предложения. Описательный же текст значительно отличается по этим параметрам от повествовательного: безусловным центром описания является не столько сам предикат, сколько предикативный блок, именно он является рематической частью высказываний, образующих текст, а указания на элементы предикативного блока выполняют связующие функции, формируют линейную связность текста. В логическом плане наибольшее значение приобретают операции указания, идентификации, сравнения, сопоставления.

Как мы видим, повествование в научном лингвистическом тексте в чистом виде практически не существует, так как в нем невозможна простая констатация состояния субъекта или объекта в определенные промежутки времени без указания на причины и следствия, сравнения с другими состояниями. Поэтому любой повествовательный с точки зрения номинативной функции текст будет всегда трансформироваться либо в описательный текст, целью которого является воссоздание динамичной картины последовательной смены состояний, либо в цепь рассуждений, которые моделируют динамический процесс как причинно-следственное суждение. Это, как мы полагаем, одно из общих специфических свойств научного стиля вообще, так как даже беспристрастное изложение хода эксперимента обязательно предполагает объяснение сложившейся последовательности операций, избранных методов и приемов исследования. Третий текст с этой точки зрения, безусловно, является описанием, так как каждый предикат, вводимый как «новое» (= рема), обязательно поясняется, иллюстрируется, между ним и другими предикатами устанавливаются не столько временные, сколько причинно-следственные отношения, часто его значение дополняется, уточняется новым предикатом, в результате чего для понимания текста необходимо сравнение, сопоставление данных предикатов на основе актуализации всех членов предикативного блока.

Для того, чтобы проверить наше предположение, мы проанализировали несколько монографий по истории и пришли к выводу, что сформулированные выше положения относятся и к научным текстам по истории. В качестве примера приведем следующий отрывок:

4) *Внешнеполитические события 870 г. оказались весьма благоприятными для новой римской миссии Мефодия. В это время произошел разрыв между папой и болгарским князем Борисом, который резко повернул в сторону Византии. Боясь потерять свое влияние на славян Средней Европы, Адриан на этот раз безо всяких колебаний принял решение о возведении Мефодия в сан епископа. Его новая епархия включала на первых порах Паннонию. Мефодий вернулся в столицу княжества Блатноград уже паннонским архиепископом и, облеченный высокой церковной властью, приступил со свойственной ему энергией к обучению молодых местных славян в специальных школах славянскому письму, богословию, технике изготовления рукописей, церковной службе на славянском языке. Деятельность Мефодия и его помощников далеко выходила за рамки культа. Паннония становилась важнейшим центром книжной культуры. Именно здесь создаются новые переводы на славянский язык не только церковных текстов, но и административно-юридических. После Великой Моравии в Паннонии возник второй центр славянской письменности, который, однако, просуществовал сравнительно недолго...* (Бернштейн: Константин Философ и Мефодий. – М., 1984, с. 107–108).

На первый взгляд, повествовательный характер данного текста не вызывает сомнений, однако повествовательная часть служит лишь экспозицией для последующих выводов. Элементы повествования в данном тексте следует рассматривать лишь как посылки в цепи рассуждения автора, элементы умозаключения. К тому же между предикатами устанавливается не только временная, но и логико-смысловая связь, которая, на наш взгляд, является доминирующей. Таким образом, мы полагаем, что повествование как особый тип текста не свойственно научному тексту; данный тип текста в научном стиле трансформируется в один из видов описания, реже – рассуждения. Или, иными словами из описательных текстов в научной лингвистической литературе представлены лишь различного вида описания.

Среди описаний следует выделить, на наш взгляд, описание-определение, цель которого – детализация признаков объекта, описание-дефиницию, в котором перечисляются лишь дифференциальные признаки и свойства объекта, а также описание-сравнение, в котором проводится вычленение объекта из целого ряда подобных или отождествление объекта с подобными ему. Отметим, что лишь два первых подтипа можно признать собственно описательными, так как в них тема, интенция участников соответствуют его содержательной структуре; последний, третий, подтип является более сложным по своим основным характеристикам, так как в нем соединяются свойства описательных и аргументативных структур.

Рассмотрим два текста.

5) *Сравнительно недавно лингвисты открыли, что современный русский литературный язык состоит из двух систем, каждая из которых глубоко своеобразна и во многом не похожа на другую. Каждая из этих систем едина, целостна, самодостаточна, объединена своими законами.*

Эти две системы – кодифицированный литературный язык (сокращенно – КЛЯ) и разговорный язык (РЯ). До сих пор у нас речь шла о КЛЯ. Этому языку учат в школах, на нем ведут передачу по радио; область КЛЯ – вся наша печать. Но, кроме КЛЯ, есть и разговорный язык. Он – некодифицированный. Для него нет словарей, справочников, учебников. Он усваивается только путем непосредственного общения между культурными людьми, ведь РЯ – одна из двух систем, составляющих литературный (то есть культурный) язык, поэтому его носители – те же лица, которые владеют КЛЯ (Современный русский язык [Под ред. В.А.Белашаповой]. – М., 1981, с. 27).

б) Современный русский литературный язык представляет собой сложную систему, части которой находятся в отношениях постоянной и необходимой взаимосвязанности: один участок этой системы не существует без другого. Такковы звуковая организация языка, его лексика и его грамматика. Каждая из этих систем имеет собственное строение и свое членение, т.е. свои внутренние подсистемы. Грамматический строй (грамматика языка) представляет собой единство нескольких систем, каждая из которых объединяет в себе грамматические средства, близкие по характеру формальной организации и отвлеченных значений, по функциям в языке, а также по характеру отношений как друг к другу, так и к единицам других подсистем грамматики. Такими частными системами внутри грамматики являются словообразование, морфология и синтаксис (Русская грамматика. Т. 1. – М., 1982, с. 12).

Оба представленных здесь текста являются описаниями в чистом виде, описаниями-определениями: в них вводится определенное понятие и раскрывается его содержание путем последовательного указания на его функции, основные признаки и признаки признака. Основные различия между представленными текстами являются, прежде всего, различиями жанрово-стилистическими: первый представляет собой фрагмент научно-учебного подстиля (жанр – учебник), второй – фрагмент академического подстиля (жанр – монография). Структурные, смысловые и коммуникативные отличия представленных текстов объясняются, в первую очередь, учетом уровня компетентности адресата, а также и мотивациями участников коммуникации. Следовательно, мы можем предположить, что дифференциальные признаки текста-описания могут быть различными в зависимости от подстиля и жанра текста.

Рассмотрим еще один текст:

7) Диссимилятивное аканье представлено в современных южнорусских говорах несколькими разновидностями, различающимися между собой разными позициями диссимиляции, а также качеством гласного, выступающего на месте а в 1-м предударном слоге. Это может быть ы-образный, ь-образный или э-образный гласный (иногда и лабиализованные оттенки этих гласных). По данным ДАРЯ, диссимилятивное аканье разных

типов распространено преимущественно на юго-западных территориях южнорусского наречия.

Аудитивный анализ магнитофонных записей спонтанной диалектной речи показал, что в говорах южнорусского наречия существует и имеет широкое распространение еще один тип диссимилятивного аканья, при котором наблюдается, главным образом, не качественная, а количественная диссимиляция, основным условием которой оказывается соблюдение следующего правила: перед *a* ударным произносится *a* сокращенное, а перед гласным верхнего подъема – *a* продленное, т.е. *вада* – *вады* (Касаткина: О южнорусском диссимилятивном аканье // Филологический сборник. – М., 1985, с. 220).

В данном случае перед нами два различных типа описания – описание-дефиниция и описание-сообщение. Причем, если первый абзац воспринимается нами относительно независимо от контекста, то второй, по нашему мнению, немислим без предыдущего, является позиционно зависимым от него. Иными словами, следует предположить, что в парадигме текстов-описаний различных видов существуют относительно свободные, позиционно не обусловленные, и, наоборот, позиционно обусловленные тексты, структура которых зависит от жанра макротекста и окружения. Помимо этого, отметим и тот факт, что выбранные нами тексты являются фрагментом статьи-исследования, и что жанр в данном случае накладывает серьезные ограничения на смысловую и структурную организацию текста. Так, в первом случае перед нами дефиниция, указывающая лишь на те дифференциальные признаки объекта, которые важны, релевантны лишь в данном контексте, онтологические характеристики явления заведомо опущены, так как предполагается, что они известны адресату. Такого рода описание-дефиниция просто невозможно в тексте монографического жанра, или в учебнике, так как, как уже было отмечено, что жанр статьи является контекстуально обусловленным: написание и восприятие ее немисливо вне контекста целого ряда статей на данную тему.

Рассмотрим тексты, представляющие собой различные разновидности описания.

8) **МОРФОЛОГИЯ** (От греч. *morphe* – форма и *logos* – слово, учение).

1) Система механизмов языка, обеспечивающая построение и понимание его словоформ; 2) раздел грамматики, изучающий закономерности функционирования и развития этой системы. Объем понятия "Морфология" трактуется в различных концепциях по-разному. Согласно одной из наиболее распространенных точек зрения, *М.* изучает структуру значимых единиц языка, по протяженности не превышающих синтагматич. слова (или словоформы). Максимальная единицы *М.* – словоформа – является вместе с тем минимальной единицей синтаксиса (Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990, с. 313).

Перед нами строгая «классическая» дефиниция научного понятия, взятая из издания научно-информационного подстиля. Цель данного текста

дать наиболее общее, глобальное представление об объекте; представить его основные составляющие, основные дифференциальные признаки.

9) Существует также расширительное понимание *М.* как "науки о формах" (в соответствии с внутренней формой и этимологией самого термина "*М.*"). Понятие формы при этом охватывает любые (а не только внутрисловные) средства выражения, рассматриваемые в их формальном (внешнем) аспекте (Г.Пауль, Г.Суит, А.Нурен, В.Матезиус, отчасти О.Есперсен), распространяясь даже на служебные слова, порядок слов, интонацию (Ж.Вандриес, Хоккет, Харрис). Ряд авторов считают возможным в этом случае говорить о "нефлективной" ("аналитической", "внешней", "синтаксической") *М.* (В.М.Жирмунский, С.Д.Кацнельсон, М.И.Стеблин-Каменский).

При таком понимании *М.* к ней относятся, в частности, т.наз. аналитические формы, комплексы типа нем. глаголов с отделяемыми приставками или рус. сочетаний "ни для кого", "ни с чем", "друг за другом". Т.е., в этом случае сфера *М.* расширяется за счет сужения области синтаксиса.

Различают общую (теоретич.) *М.* и частные *М.* отд. языков. В задачи общей *М.* обычно включается инвентаризация морфологич. способов, применяемых в языках мира, и морфологич. значений, ими выражаемых, а также типов формально-смысловых отношений между знаками. Явления ассиметрии морфологич. знака, а также функциональное расслоение знаков на корневые и служебные делает целесообразным самостоят. изучение относительно автономных односторонних компонентов формы ("формативов", "субморфов") или значения ("сем"). Значения, выражаемые служебными элементами, делятся, во-первых, на семантические ("номинативные") и синтаксические ("реляционные") и, во-вторых, на словообразовательные ("классификационные", "деривационные", "дериватемы") и словоизменительные ("грамматич.", "флективные", «граммемы»). Второе различие делит *М.* ("*М.* в широком смысле") на две осн. области – словообразование ("лексич.*М.*") и словоизменение ("*парадигматику*", "грамматич. *М.*"). Иногда, однако, под собственно *М.* понимается только словоизменение (образование форм слова), т.е. способность лексемы выступать в разл. грамматич. формах, составляющих ее парадигму. Как правило, у любой лексемы выделяется постоянная часть – основа – и переменная часть – набор флексий данной лексемы (Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990, с. 313).

В данном тексте первый абзац является описанием-сообщением, в нем содержатся дополнительные или поясняющие сведения, расширяющие наше представление об объекте. Отметим, что подобного рода описание невозможно в рамках одного макротекста, если ему не предшествует описание-определение или описание-дефиниция. Структура такого текста обычно содержит в себе элементы размышления, которые в виде обобщения, или вывода содержатся в финальной части макротекста и служат одним из

средств межтекстовой связи, как бы объясняющими смысл данного ФСТР в данной позиции.

Второй фрагмент является описанием-определением, включающим в себя элементы сравнения, так как структура текста отвечает в данном случае цели говорящего – вычленению составляющих понятия, демонстрации различных вариаций объекта и проведению последовательной дифференциации между ними. Такая структура особенно сложна, так как в ней эксплицитно не выражены признаки аргументативных текстов, но имплицитно они, все же, присутствуют, так как любая дифференциация или идентификация предполагает поиски общего основания для сравнения и вывод, который должен быть обоснован как верный.

10) *М. как раздел описательной грамматики возникает одновременно с рождением античной языковедческой традиции – складываются противопоставления исходной формы слова (в античной языковедч. традиции – "субстанции") и его парадигмы ("акциденций"), аналогии и аномалии; создается и надолго закрепляется традиционная номенклатура частей речи и грамматических категорий. В эпоху Возрождения начинает вырабатываться система понятий, относящихся к структуре слова ("корень», «аффикс», «суффикс» в др.-евр. грамматике И.Рейхлина, 1506). Термин «М.», создание которого связывают с именем И.В.Гете, употреблялся первоначально применительно к разделу биологии, изучающему "формы" живых организмов. В 19 в. он получает развитие и в лингвистике, находившейся тогда под сильным влиянием эволюционной биологии (ранее в этом значении употреблялся термин "этимология"). Возникновение сравнительно-исторического языкознания и науч. этимологии, тщательная обработка огромного языкового материала у младограмматиков подготовили почву для теоретич. осмысления осн. понятий М. в структурной лингвистике 20 в. (Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990, с. 313).*

Данный текст представляет собой синтетический сплав – описание + повествование, так как сведения, содержащиеся в нем, излагаются в определенной временной последовательности, которая ретроспективно актуализирована, хотя в нем и не реализуются традиционные для русского языка грамматические видовременные формы, выражающие хронологические и таксические значения. Перед нами обычная для лингвистического текста разновидность повествования, которая амальгамирована с описанием, так как последовательность событий здесь заменена описанием смены статических состояний, положений, ситуаций.

Таким образом, в числе описательных текстов для научной лингвистической литературы можно выделить следующие типологические разновидности.

1. Собственно описательные тексты инвариантной структуры.

– **Описание-определение**, в нем в логической последовательности излагаются все свойства и качества объекта с отдельным указанием на те из

них, которые являются для него дифференциальными, то есть, могут служить основанием для его идентификации, позволяют сделать определенные выводы об онтологических свойствах объекта; и с перечислением не основных, которые, однако, могут выдвинуться в ряд главных, значимых при изменении контекста или ракурса изучения объекта.

– **Описание-дефиниция**, представляет собой сжатое перечисление основных свойств, признаков, функций объекта, на основании которых можно сделать вывод о природе объекта, его функциях и месте в системе однородных объектов.

2. Собственно описательные, позиционно обусловленные, или контекстуально зависимые, тексты.

– **Описание-сообщение**, представляет те признаки объекта, которые актуальны и важны при рассмотрении лишь в определенном контексте. По сути, данный подтип описания является лишь фрагментом описания-дефиниции, либо описания-определения. В задачу данного текста не входит целостное рассмотрение объекта, а лишь углубленное описание одного из его свойств или качеств. Поэтому мы считаем такой текст позиционно обусловленным, так как в больших жанрах ему обязательно предшествует либо определение, либо дефиниция. В малых же жанрах он может выступать и самостоятельно, например, в статье, однако он всегда соотнесен с «внутренним контекстом», с каким-то макротекстом, знание которого обязательно для восприятия описания-сообщения.

– **Описание-пояснение** – также позиционно обусловленный тип текста, его цель – обратить внимание, сделать акцент на каком-либо фрагменте объекта, указать на какие-либо его малозначимые части, которые, в свою очередь, позволяют сделать определенные выводы о природе объекта, углубиться в его структуру. Благодаря этим своим качествам, описание-пояснение чаще всего используется для перехода, смены темы, изменения ракурса рассмотрения, т.е. служит средством межтекстовой связи, объединяет отдельные микротексты в общий макротекст. Позиционная обусловленность данного текста проявляется еще и в том, что, повторяя структуру описания-определения, он либо в качестве интродукции занимает место введения, и тогда он предшествует описанию-дефиниции, или описанию-определению, либо следует за ними, осуществляя переход к новой подтеме.

3. Описательные тексты смешанной структуры. К ним мы относим прежде всего те тексты, в структуре и содержании которых амальгамированы признаки других типов текстов.

– **Описание с элементами повествования (описание-повествование)** представляет собой наиболее часто встречающийся в лингвистической научной литературе тип текста-повествования, в котором задача автора – описать хронологию событий – трансформируется, «стилизуется» соответственно требованиям научного академического подстиля в описание последовательности смены статических состояний с указанием на свойства и

качества объекта в различные временные периоды. Мы рассматриваем данную разновидность как текст с описательной доминантой, потому что в лингвистической и методической литературе уже сложилось определенное представление о «повествовании» как о речевой форме, в котором актуализированы видно-временные значения предикатов как свойство морфологического уровня языка, а в нашем случае эти значения передаются лексическими и словообразовательными средствами и нейтрализуются статичностью описания.

– **Описание с элементами рассуждения (описание-рассуждение)** представляет собой либо описание-определение, либо описание-дефиницию характерна эксплицитно выраженная логическая связь элементов текста, указание на взаимоотношение элементов объекта, иерархию его системных связей, которая подводит воспринимающего текст к определенным выводам.

– **Описание-сравнение** представляет собой синтез описательного текста с доказательством, так как его целью является либо дифференциация, либо идентификация различных объектов действительности. Достижение же поставленной цели практически невозможно без описания, то есть указания на свойства, качества, функции объекта, и без логического вывода.

Таким образом, все тексты описательной структуры представляют собой различные вариации описания-определения: описание-дефиниция по сути является свернутым определением, описание-сообщение и описание-пояснение – фрагментами определения; а описание-повествование, описание-рассуждение и описание-сравнение – полифункциональными описаниями, цель которых – дать логически обоснованное, «истинное» определение объекту путем изучения его состояния, свойства и качества.

В коммуникативном плане отличие **аргументативных текстов** от описательных кроется в различных намерениях говорящих: в описательных текстах говорящий стремится сообщить слушающему какие-либо сведения об объекте, а в аргументативных – свое мнение, свои мысли по поводу объекта, в них говорящий старается максимально обосновать свои знания об этом объекте. Подобная коммуникативная установка порождает и соответствующие структурные различия текстов: тексты описательные, или характеризующие, строятся на основе особым образом организованных темарематических цепочек, перенесения логического ударения на предикативную часть предложения; тексты аргументативные представляют собой особым образом организованные структуры, объединяющиеся, прежде всего, на основе логической причинно-следственной или условно-допустимой связи, при которых возможно вынесение в рематическую часть всего предложения в целом, практически обязательна эксплицитность логических отношений между частями текста.

Естественно предположить, что парадигма аргументативных текстов будет некоторым образом соответствовать парадигме описательных текстов. Рассмотрим отдельные их разновидности.

11) Выбранные для слухового анализа говоры характеризуются неодинаковыми лингвогеографическими характеристиками: говор из Рязанской обл., согласно карте ДАРЯ, расположен на территории, свободной от диссимлятивного аканья; говор из Тульской обл. также не имеет близости островков, где отмечены "единичные случаи" диссимлятивного аканья, но при этом на территории Тульской обл. такие островки встречаются. Говор из Тамбовской области расположен поблизости от одного из таких островков. Согласно диалектному членению К.Ф.Захаровой и В.Г.Орловой три обследованных говора относятся к двум группам южнорусского наречия: Восточной (Рязанская и Тамбовская области) и Тульской (Тульская область) (Касаткина: О южнорусском диссимлятивном аканье // Филологический сборник. – М., 1995, с. 222).

Приведенный выше текст представляет собой наиболее распространенную аргументативную структуру: тезис – доказательство; его цель – доказать, что утверждение автора является истинным, верным, для чего используется классическая структура логического умозаключения – **А, В, С** являются **Д**. **А** является **Д**, **В** является **Д**, **С** является **Д**. Следовательно – **А, В, С** являются **Д**. Однако в практике научного лингвистического текста зачастую встречаются единицы более сложные как по внутритекстовой архитектонике, так и по заключенным в них логическим построениям.

12) Для того, чтобы в речи обнаружился, "объявился" РЯ (разговорный язык), нужны определенные условия. Основное – неофициальные отношения между говорящими. Всякое разграничение в языке имеет смысл, наделено значением. Значимо и разграничения КЛЯ-РЯ. На РЯ говорят в тех случаях, когда нужно показать, что отношения между говорящими дружеские, приятельские, добрососедские, отношения хороших знакомых или не знакомых, но расположенных друг к другу людей. Таким образом, РЯ говорит о самом говорящем и о его собеседнике (собеседниках), об их взаимоотношениях.

Возможен такой случай: два друга работают в учреждении или на одном заводе; когда они выступают в официальной роли (начальник-подчиненный, руководитель-исполнитель), то пользуются преимущественно КЛЯ, а когда встречаются в гостях или во время работы, но в связи с делом, которое не подчеркивает их официальные отношения, то говорят на РЯ. Что касается КЛЯ, то это вовсе не языковая система, предназначенная для официальных отношений. Она нейтральна: годится для всяких отношений. Человек, который владеет только КЛЯ (но не РЯ), не будет испытывать неудобства от сознания, что в таком случае он говорит не так, как надо, что его речь противоречит нормам языкового поведения. На КЛЯ можно говорить всегда. Но при этом речь будет обеднена. Тот смысл, который во всем строе несет РЯ: мы связаны не только официально, наше общение – не сфера холодно-деловых отношений – этот смысл кажется непередаваемым; конечно, можно время от времени вставлять фразы: Мы друзья, я к вам (к тебе) отношусь как к приятелю – но эти вставки не

заменяет неофициальной дружеской окраски всей речи. (Современный русский язык [Под ред. Белошапковой]. – М., 1981, с. 27).

Второй отрывок, в отличие от первого, не имеет столь прозрачной структуры. В данном случае говорящий выбирает композиционную форму рассуждения для того, чтобы более доступно изложить материал. Предикат данного текста является описательным, характеризующим, его в общих чертах можно представить следующим образом: разговорный язык является частью кодифицированного литературного языка и сфера его использования ограничена условиями общения, предполагающими неофициальные отношения между участниками речевой ситуации, сфера же использования кодифицированного литературного языка ничем не ограничена. Говорящий же, выбрав проблемный характер изложения, перестраивает его структуру следующим образом: *всякое разграничение в языке имеет смысл, поэтому и деление КЛЯ-РЯ наделено особым смыслом – использование РЯ информирует об отношениях между говорящими, например... Хотя использование РЯ обусловлено ситуационно, использование КЛЯ ничем не ограничено*. Мы полагаем, что перед нами текст-рассуждение, так как связь между различными частями данного микротекста безусловно логическая. В основе аргументативных текстов всегда лежит не характеризующее суждение, а один из видов умозаключения – развернутое умозаключение или силлогизм.

Как отмечает Ц.Д.Хведелидзе: «Коммуникативно организующим центром «рассуждения» выступает тема (тезис), к которой стремятся рематические элементы» (1989, с. 181). Наши наблюдения также показывают, что тезис, или тема, действительно является тем стержнем, на котором «держится» весь текст. В данном случае тезис и относится к тематической части, а его доказательства – к рематической. Из этого следует, что сама структура текста является как бы центростремительной, это несколько не сказывается на иллокутивной силе тезисной части, так как именно она объединяет воедино, наполняет смыслом все компоненты рематической части текста.

13) *Традиционное членение грамматики на М. (грамматику слова) и синтаксис (грамматику словосочетания, предложения), в целесообразности которого сомневались Ф. де Соссюр, Л.Ельмслев, З.З.Харрис, Ч.Ф.Хоккет, не обладает абсолютной и универсальной значимостью. (<Тезис) (1) Важнее всего оно для языков с четкой структурной противопоставленностью слова и морфемы (см. Синтетизм) и (2) по мере нарастания аналитизма теряет свою ценность. (3) Поэтому в описаниях языков с бедной М. (англ., совр. кит., индонез., мн. тибетско-бирманские языки и др.) М. как раздел грамматики отходит на задний план, (4) а для аморфных ("корневых") языков (др.- кит., совр. тайские, вьетнам., йоруба, пиджин - англиш) значимость М. практически сводится к нулю (если не считать сложения, трактуемого либо как словосложение, либо как морфемосложение). (5) Кроме того, для ряда агглютинативных языков (япон., дравидийские,*

марийский) трудно отличать аффиксы от служебных слов: одни и те же единицы квалифицируются то как "неотделимые частицы», то как подвижные" ("мобильные") аффиксы. (б) Линейная расстановка таких служебных морфем более адекватно описывается методами синтаксиса, чем традиционными методами М. (Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990, с. 313).

Данный текст является текстом-доказательством, в котором доказываемый тезис «деление грамматики на морфологию и синтаксис не является универсальным»; для доказательства тезиса автор приводит различные аргументы, как простые, так и сложные (последние два предложения), однако отношения между тезисной и доказательной частями являются для нас новыми, неожиданными. Их можно зафиксировать следующей схемой: Тезис <Доказательство (Довод 1.> Довод 2.> Довод 3.> Довод 4.> Довод 5.) Каждый из доводов углубляет предыдущий, а вместе с тем первый довод становится более весомым, а доказательство – более обоснованным.

14) Языковеды, как и физики нашего столетия, вправе сказать: "Мы вошли в науку на плечах наших великих предшественников". Среди этих предшественников и учителей одно из самых крупных имен – имя В.В.Виноградова. // Для исследования языкового строя его грамматическое учение особенно животворно. // В.В.Виноградов был универсальным филологом, автором фундаментальных трудов и по грамматике, и по лексикологии, и по лексикографии, по истории русского языка, по истории литературного языка, по языку художественной литературы, по текстологии, стилистике и поэтике. // Можно полагать, что именно объем его знаний языком и литературой, многогранность его филологических интересов, великодушное знание русского языка всех времен и всех сфер его функционирования, та научная высота, с которой его мысль охватывала русский язык в действии, в движении, и обусловили силу его грамматических идей, верность их сути языка. // Уникальность личности В.В.Виноградова, огромность его познаний, феноменальность памяти и работоспособности – это неповторимо. Но уроки общения с ним его учеников и его труды остаются научным завещанием следующим поколениям филологов и компасом в пути (Золотова: О новой русской грамматике // Филологический сборник. – М., 1985, с. 164).

Перед нами текст-рассуждение, знаком "/" в нем помечены те места, в которых между различными частями текста устанавливается логическая связь причины или следствия. Как видим, структура рассуждения не так стройна, как структура доказательства; в рассуждении автор более свободен: двигаясь от одного предикативного блока к другому, он может делать это последовательно, а может немного отвлечься, увлекшись примерами, иллюстрациями. В рассуждении мы можем отметить отсутствие единого тезиса, его варьирование, свободное движение от тезиса к доказательству, от доказательства, превращенного автором в тезис, к новому доказательству.

15) *Отождествление морфемы. Алломорфы.* В одну морфему объединяются морфы, которые характеризуются следующими двумя признаками: 1) имеют тождественное значение; 2) их формальное различие обусловлено грамматической (морфонологической) позицией в слове: положением до или после определенного класса единиц. Следовательно, они не могут занимать одну и ту же позицию в слове. Такое распределение по позициям называется дополнительным распределением, или дополнительной дистрибуцией. Например, заднеязычные фонемы корня не могут сочетаться с суффиксом прилагательных -н-, в этой позиции они чередуются с соответствующими шипящими: г/ж, к/ч, х/ш. Поэтому в словах творог – творожный, песок – песочный, пух – пушной морфами одной морфемы являются твороги творож-, песок- и песоч-, пух- и пуш-, так как наличие шипящих ж, ч, ш в составе этих морфов обусловлено позицией этих морфов в слове – положением перед суффиксом прилагательных -н-. Суффиксальный морф -ц- выступает перед флексиями, начинающимися гласными фонемами, а морф -ец – перед нулевой флексией: саратов-ц-а, саратов-ц-у, саратов-ц-ем, саратов-ц-ы, саратов-ц-ев и т.д., но саратов-ец... Такие тождественные по значению морфы, формальное различие между которыми объясняется только их позицией в слове, являются по отношению друг к другу алломорфами. Алломорфы одной морфемы могут выступать в разных словоформах одного слова (например, -ец, -ц: ленинград-ец, ленинград-ц-а) и в разных лексемах (например, книг-, книж-: книга, книжный...) (Современный русский язык [Под ред. Белошапковой]. – М., 1981, с. 140).

Данный текст является текстом-рассуждением, он состоит из трех минирассуждений, где первое является наиболее общим по значению и как бы выполняет роль тезиса по отношению к двум другим, а второе и третье – более частными суждениями, которые сами по себе являются доказательствами тезиса и одновременно выводами, следствиями из него. Как видим, тексты-рассуждения значительно отличаются от текстов-доказательств тем, что имеют нестрогую структуру, вариативные формы построения.

16) *Если некоторое значение (грамматическое или словообразовательное) обычно выражается в системе языка аффиксом (флексией, суффиксом) или входит в ряд противопоставленных друг другу грамматических значений, выражаемых аффиксами, то при отсутствии такого аффикса и каких-либо иных формальных средств отмечается значимое отсутствие аффикса, т.е. данное значение выражено нулевым аффиксальным морфом.* Существуют нулевые флексийные и нулевые интерфиксальные морфы (Русская грамматика. Т. 1. – М., 1982, с. 130).

В данном случае представлен текст-рассуждение, организованный на основе условной, а не причинно-следственной связи. Такие тексты, как правило, являются более компактными, имеют четкую структуру, чем сближаются с текстами-доказательствами.

17) Ниже, в разделах "Словообразование" и "Морфология", рассматриваются алломорфы аффиксальных морфем, выступающие в разнокорневых словах, и все варианты аффиксальных морфем. Выбор алломорфов корневых морфем, а также аффиксальных морфем, выступающих в разных формах одного слова и в однокорневых словах, определяется морфонологическими явлениями, характерными для функционирования тех или иных аффиксов (чередование, усечение и наращение основ) (Русская грамматика. Т. 1. – М., 1982, с. 206).

Перед нами минитекст-рассуждение. Безусловно, что такие тексты являются контекстуально обусловленными, так как в компактной форме повторяют сказанное, содержат в себе как бы вывод к предыдущему.

Итак, тексты аргументативного плана представляют собой также открытое множество различных типологических единиц. Эти различия зависят от многих факторов: коммуникативно-смысловой и структурной организации, позиции в тексте, жанрово-стилистических особенностей текста. Мы предлагаем выделять, как и среди текстов описательного плана, также три группы текстов: тексты инвариантной структуры на основе коммуникативных (интенционных) и смысловых отличий; тексты вариативной структуры, обусловленные позицией в тексте, характером смысловой, а также и структурной организации; тексты полифункциональные, реализующие несколько коммуникативных намерений при сохранении аргументативной интенциональной и смысловой доминанты.

1. Аргументативные тексты инвариантной структуры.

– **Текст-рассуждение.** Основная цель данного текста – попытаться привлечь слушающего к процессу мышления, сделать его «соучастником» процесса получения нового знания. Поскольку добиться поставленной задачи можно разными способами, то следует отметить, что тексты-рассуждения чрезвычайно разнообразны: они могут различаться как по типу логических отношений между частями текста (причина, следствие, условие, уступка), так и по количеству частей, связанных между собой различными логическими отношениями.

– **Текст-доказательство.** Основная цель данного типа текста – убедить слушающего в правильности тезиса, поэтому, можно сказать, что тезис в данной форме играет ключевую роль, как в коммуникативном, так и структурном, организующем плане. Отличается более строгой логической структурой, состоящей из тезиса, одного или нескольких доводов и вывода.

2. Аргументативные тексты вариативной структуры, употребление которых позиционно или структурно обусловлено.

– **Рассуждение-умозаключение** – простое рассуждение, состоящее из одной посылки и вывода, организованного на основе причинно-следственной связи.

– **Рассуждение-условие** – простое рассуждение структуры *Если..., то....*

– **Рассуждение-уступка** – простое рассуждение структуры *Хотя..., но...*

– **Вывод** – разновидность доказательства, в сжатой форме повторяющая посылки, делающее возможным определенный вывод.

Все перечисленные подтипы объединяет то, что они просты по структуре, состоят, как правило, из одного-двух предложений, являющихся сложными синтаксическими структурами, включающими в себя множество предикативных блоков. Их употребление обусловлено не только позицией в данном тексте, преимущественно начальной – для трех первых, преимущественно финальной – для последнего, но и жанром макротекста, например, тезисы, проблемная статья, учебник чрезвычайно часто используют данные речевые формы.

3. Полифункциональные аргументативные тексты. В их коммуникативной организации нейтрализуются типологически различные установки.

– **Рассуждение-сообщение** – разновидность аргументативного текста максимально свободной структуры, в нем автор, установив в качестве доминантного аргументативный регистр, свободно переходит от логической связи к собственно характеризующим суждениям.

Таким образом, мы полагаем, что типология научного лингвистического текста должна строиться на основе следующей классификации. В качестве основного дифференциального признака выступает тип коммуникативной установки автора: охарактеризовать, дать информацию (описательный текст); рассуждение, иллюстрация (аргументативный текст). Дальнейшая классификация должна проводиться с учетом более глубокой конкретизации целеустановки, которая влечет за собой изменения в логико-смысловом и собственно архитектурном построении текста с учетом позиции макротекста в макротексте, а также жанровых характеристик макротекста, его парадигматических и коммуникативных свойств. На основании учета указанных характеристик следует признать существование текстов позиционно обусловленных и текстов инвариантной структуры, а также текстов с амальгамированной целеустановкой, в логико-смысловой и структурной организации которых нейтрализуются признаки различных текстов.

ВЫВОДЫ

1. Так как основными свойствами научного лингвистического текста, как и любого другого, являются цельность, проявляющаяся, прежде всего, в единстве коммуникативной целеустановки и замысла, и связность, то любое изучение и описание единиц данного уровня должно строиться с учетом его коммуникативных характеристик. Важнейшими коммуникативными характеристиками любого текста являются стилевая и жанровая принадлежность, указывающие на особенности протекания акта общения, на

его внешние и внутренние характеристики. Поэтому при построении типологии текстов какой-либо области следует исследовать и возможность воздействия стиливых и жанровых форм на тип текста.

2. Для научной лингвистической литературы, как и для научного стиля речи вообще, считаем необходимым выделить следующие подстили: академический подстиль, составляющий ядро стиля; научно-учебный подстиль, отличающийся таким вариативным компонентом, как «неравный статус участников речевой ситуации»; научно-информационный подстиль, характеризующий несколько иные условия общения, их формальный, протокольный характер. Данные подстили мы выделяем на основе функциональных признаков, так как понятие стиля есть понятие, прежде всего, функциональное.

3. К числу основных жанров научной лингвистической литературы следует отнести монографию, статью-концепцию и статью-исследование. Данные жанры представляют собой эталоны соответственно макро- и микрожанров академического подстиля. Основные жанры других подстилей: учебник, учебное пособие, информативная статья, тезисы, аннотация, реферат представляют собой либо подстилевые вариации основных жанров, либо являются вторичными, созданными на основе статьи и монографии. К макрожанрам (монография, диссертация, учебник) мы относим, прежде всего, те конгломераты текстов, которые, прежде всего, связаны друг с другом, чем с внешним («текстуальным») контекстом. К микрожанрам (статья, тезисы, реферат) мы относим те тексты, создание которых невозможно без знания и постоянных ссылок на внешний контекст (=другие тексты), восприятие которых значительно затрудняется без тех же знаний.

4. Общая типология текстов должна строиться не только с учетом жанрово-стилистических особенностей текста, но и отдельных особенностей области и сферы их функционирования. Иными словами, мы полагаем, что разработка такой типологии невозможна без большого количества различных исследований по данной тематике, сделанных на материале различных текстов, художественных, публицистических, научных и т.п. Мы полагаем, что классификация текстов должна быть многоуровневой, так как даже незначительное изменение коммуникативной целеустановки влечет за собой определенные изменения в логико-смысловой и собственно структурной частях текста. Помимо этого, на характеристики текста могут воздействовать подстиль и жанр макротекста, его общая целеустановка, позиция в тексте относительно тактики говорящего в разворачивании общей темы, позиция в тексте относительно соседних речевых отрывков, а также и наличие основных и неосновных факультативных целеустановок.

5. В соответствии с перечисленными факторами мы предлагаем выделять две группы текстов:

– описательные (по типу коммуникативной установки – сообщение, информация; по типу логических отношений – характеризующие; по типу модальности – фактуальные);

– аргументативные (по типу коммуникативной целеустановки – воздействие, демонстрация или доказательство истинности, верности; по типу логических отношений – оценочные и релятивные; по типу модальности – объективно модальные).

Дальнейшая дифференциация микротекстов строится на основе комплексного учета перечисленных выше признаков. Среди описательных текстов можно выделить описание-определение как основной вид текста; описание-дефиницию, отличающуюся особой четкой структурой; описание-сообщение, описание-повествование, описание-сравнение и др. Среди аргументативных текстов следует выделить текст-рассуждение как основной вид текста с его многочисленными вариациями, а также текст-доказательство, отличающееся особой структурой. Помимо указанных можно отметить и другие варианты рассуждений и доказательств.

FOR AUTHOR USE ONLY

ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ТЕКСТА ПО ЛИНГВИСТИКЕ

3.1. Внутренняя структура текстов-описаний

Для того чтобы сделать определенные выводы о построении научных текстов-описаний, следует последовательно рассмотреть различные варианты таковых с позиции их актуально-коммуникативной, логико-смысловой и структурно-семантической организации.

3.1.1. Актуально-коммуникативная организация текстов-описаний

Мы уже подчеркивали, что для данной типологической единицы наиболее характерна простая тема-рематическая цепочка, представляющая собой последовательное продвижение от ранее известного к новому, либо цепочка с входящими в основную тему подтемами. Как уже отмечалось во множестве исследований, посвященных актуальному членению, одним из важнейших средств актуального членения в русском синтаксисе является порядок слов, который может быть изменен, то есть, противопоставлен ожидаемому для определения наиболее важного в коммуникативном отношении фрагмента на конечную позицию, выигрышную в смысловом отношении. Помимо порядка слов актуальному членению могут служить особые слова, частицы, выделяющие определенную синтагму, а также и сам тип предложения, его структура. Например:

Аффиксы делятся // на словоизменятельные и словообразовательные по выражаемому им значению. // По выражаемому им значению аффиксы делятся // на словоизменятельные и словообразовательные. В данном случае порядок слов выделяет несколько разные в смысловом отношении куски текста. После флексии // могут находиться только аффиксы, называемые постфиксами. Нахождение постфикса после флексии // является его отличительным свойством. Считают, что // постфиксы находятся после флексии. Постфиксы // – это аффиксы, занимающие позицию после флексии.

Представленные предложения наглядно показывают, каким образом структура предложения может оказывать воздействие на актуальное членение его смысловых частей. Так, например, формулировка темы во втором предложении возможна только в том случае, если данная тема есть производная от одной из предыдущих рем, или если ниже она будет представлена в виде подтем. В третьем предложении тема является информативно пустой, что дает возможность актуализировать внимание на всем куске в целом.

Можно сказать, что актуальное членение микротекста тесно связано с его смысловой организацией, структурным построением и синтаксическим оформлением. Рассмотрим несколько текстов.

1) *Аффикс* (от лат. *affixus* – прикрепленный) – морфема, несущая в слове дополнительное, служебное значение – словообразовательное или грамматическое – и противопоставленная корню. Виды *А.* различаются по их месту в слове. Для рус. языка характерны следующие *А.*: окончание, приставка, суффикс, постфикс, интерфикс. Окончание, или флексия, – как правило, конечная морфема словоформы; взаимозамена флексий в формах одного слова приводит к изменению грамматических значений рода, числа, надежда, лица. После флексии могут находиться только *А.*, называемые постфиксами, напр. глагольный постфикс *-ся*. *А.*, находящиеся в составе простой основы перед корнем, называются приставками или префиксами, а стоящие между корнем и флексией суффиксами. Напр., в слове устарелый – стар – корень, у – префикс, *-е* и *-л* – суффиксы. *А.*, служащие для соединения двух простых основ в составе сложной основы, называются соединительными или интерфиксами. Например, в слове лесостепь – интерфикс *-о-*. Кроме указанных видов *А.*, характерных для совр. рус. языка, в различных языках мира встречаются и другие виды *А.*, как, напр., инфикс – *А.*, вставляемый внутрь корня (ср. лат. *vicī* – "победил" и *vincō* – побеждаю", где *-n-* – инфикс настоящего времени; тот же инфикс – в праславянском языке: **sed* – корень прошедшего времени глагола **sedti* – "сесть" и **send-* – корень настоящего времени, откуда в совр. рус. языке *сесть*, *сел*, *но сяду*); конфикс, или циркумфикс, – *А.*, "опоясывающий" корень, т.е. состоящий из двух частей, находящихся перед корнем и после него, и несущий единое нерасчлененное значение (нем. *ge-...t* в *getacht* – "сделанный" – причастий от глагола *machen* – "делать"). По выражаемому значению *А.* делятся на словоизменительные и словообразовательные. Словоизменительные *А.* присущи отдельным словоформам, а не словам в целом и выражают грамматические значения при словоизменении. Словообразовательные аффиксы присущи словам в целом (во всех их формах) и выражают словообразовательные значения. В русском языке флексии в отдельных словоформах несут словоизменительные значения, однако, система флексий, характеризующая слово в целом, может быть и словообразовательным средством, суффиксы – преим. словообразовательные, постфиксы могут быть как словообразовательным, так и словоизменительным средством, префиксы и интерфиксы – только словообразовательные. В совокупности с корнями словообразовательные *А.* выражают лексическое значение слов (Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979, с. 26).

2) *Опрощением* называется процесс, когда сложное по составу слово становится более простым; например, когда вместо выделявшихся раньше приставки и корня или корня и суффикса образуется один корень или один суффикс на месте двух суффиксов. Опрощение осуществляется, когда

нарушается одно из условий выделения морфем: а) происходит обособление в значении; б) происходит обособление в звуковой стороне; в) исчезают из языка другие слова, в которых находилась данная морфема. Эти условия могут действовать и совместно (Гвоздев: Современный русский литературный язык. Ч. 1. – М., 1958, с. 123–124).

3) Проблема происхождения номинативных форм с окончанием *-А* типа *леса, мастера* и подобных принадлежит к числу наиболее сложных и оживленно обсуждаемых проблем. Отмеченные впервые в «Российской грамматике» М.В.Ломоносова, эти формы рассматриваются во всех последующих грамматических трудах, которые, между прочим, свидетельствуют о все более решительном проникновении указанных образований в литературный язык. Отдельные случаи употребления форм на *-А* наблюдаются в памятниках начиная с XV века. Однако лишь XVIII век может рассматриваться как период заметной активизации этих форм, позволяющий обнаружить, при обращении к литературно-письменным источникам, значительно большее количество необходимых для исследования фактов. Вместе с тем, сохранение целого ряда архаических явлений в литературном языке XVIII века, как будет показано ниже, дает достаточно полное представление о характере системных отношений, способствующих возникновению рассматриваемых образований. Приступая к изучению последних, необходимо принять во внимание исключительную сложность и противоречивость тех отношений, которые существовали между живым просторечием и различными типами литературно-нормированной речи. Формы на *-А*, как сравнительно поздние новообразования, проникали в литературный язык в качестве синонимов по отношению к формам с окончанием на *-Ы(-И)*, которые, соответствуя давней традиции, уступали им далеко не всегда. Литературный язык XVIII века, показывая которого для нас особенно важны, дает, как увидим, немало свидетельств сосуществования разнофлективных образований, в ряде случаев, отличающихся сферой употребления и наличием определенных стилистических оттенков. При этом соотношение некоторых форм было, по-видимому, настолько неясным, что оказывалась вполне естественной известная непоследовательность в интерпретации соответствующих фактов, находящих отражение в писательской практике (Марков: Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. – М., 1974, с. 116–117).

4) Соссюровской концепции языкового знака как двусторонней единицы, характеризуемой означающим и означаемым (Соссюр, 1960), противостоит знаковая теория Ч.Морриса (Моррис, 1947), которая первоначально сложилась в семиотике, а в недавнее время, в существенно пересмотренном виде, была перенесена в лингвистику (Мельчук, 1968). В рамках этой теории языковой знак характеризуется не только именем (означающим) и семантикой (означаемым), но еще двумя параметрами –

синтактикой и прагматикой (Ср. Вейнрейх, 1966). Понятие имени мы будем считать достаточно очевидным и поэтому оставим его без пояснений.

Под семантикой в большинстве случаев понимаются сведения о классе внеязыковых ситуаций, инвариантных относительно некоторых свойств участников и связывающих их отношений. Под синтактикой знака понимается информация о правилах соединения данного знака с другими знаками в тексте. Под прагматикой знака понимается информация, фиксирующая отношение говорящего или адресата сообщения к ситуации, о которой идет речь.

Рассмотрим семантику, синтактику и прагматику знака подробнее, но только в том объеме, который необходим для экспликации понятия лексического значения. Семантика языкового знака отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т.п. Простейший пример расхождения между наивными и научными представлениями дал еще Л.В.Щерба, полагавший, что специальные термины имеют разные значения в общелитературном и специальном языках. "Прямая (линия) определяется в геометрии как кратчайшее расстояние между двумя точками. Но в литературном языке это, очевидно, не так. Я думаю, что прямой мы называем в быту линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)" (Щерба 1940: 68). Отделяя "обывательские понятия" от научных, Л.В.Щерба там же говорит, что не надо "навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые - главное и решающее - не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения". Впоследствии Р.Халлиг и В.Вартбург, разрабатывая систему и классификацию понятий о мире, которое характерно для среднего интеллигентного носителя языка и основано на донаучных общих понятиях, представляемых в его распоряжение языком" (Халлиг и Вартбург 1952: XIV). Это представление о мире они называли "наивным реализмом". Те же идеи легли в основу рассмотренных нами в первой главе лексикографических опытов ряда московских лингвистов (Машинный перевод 1964, в особенности Щеглов 1964; см. также Бирвиш 1967, А.Богуславский 1970, Вежбицка 1969, Филмор 1969 и многие другие современные работы) (Апресян: Лексическая семантика: Синонимические средства языка. - М., 1995, с. 56-57).

5) Ассоциативно-вербальная сеть (АВС). Это устанавливаемая экспериментально сеть связей лексических единиц, которая трактуется традиционно как один из способов организации словарного состава языка, характеризующий национально-культурной спецификой. Опять-таки при традиционном подходе АВС внеположена, как правило, носителю языка и рассматривается как принадлежность, как имманентное свойство самой лексики. Вторая ее особенность, прослеживаемая практически во всех использующих это понятие работах, заключается в том, что сеть выступает в них как держатель и поставщик исключительно смысловой (семантической) информации.

Там же, где речь заходит о синтаксисе и грамматическом оформлении высказывания при речепорождении, это понятие либо вообще не используется, и исследователь опирается на представления о поэтапном, поуровневом приведении высказывания к выражению, к поверхностному уровню на основе "внутреннего программирования", либо остается только семантически упорядоченным хранилищем лексем, выбор которых говорящим при построении высказывания осуществляется опять-таки лишь по смысловым характеристикам и связям..

В отличие от указанных позиций я рассматриваю АВС, во-первых, как принадлежность "естественного говорящего", усредненного индивида или совокупного носителя языка, и готов отождествить ее устройством со структурой так называемой семантической памяти человека; во-вторых, исхожу из посылки, что так понимаемая АВС заключается в себе не только лексику с ее семантически обусловленными связями, но и синкретически запечатленную в лексических элементах грамматику, "разлитую", распределенную (диссипированную) между узлами сети и существующую в "лексикализованном", готовом к "употреблению" виде, в совокупности отражая весь набор грамматических форм и категориальных значений, свойственных русскому языку (Караулов: 1990, с. 122–144).

Рассмотрим микротекст под номером 5, который представляет собой описание-сравнение. Он состоит из двух собственно определений и наглядно демонстрирует последовательную тема-рематическую цепь: АВС (Т1) – способ организации словарного состава (Р1), АВС как Р1 (Т2) – свойство лексической системы (Р2), АВС как Р2 (Т3) – держатель и поставщик только смысловой информации (Р3) и т.д. Второй абзац этого текста коммуникативно связан с первым, так как его «рематические части» Р1, Р2, Р3 последовательно опровергают «рематические части» первого абзаца. Таким образом, мы имеем дело с текстом-сравнением, состоящим из двух описаний-определений: первое воспроизводит общепринятое представление об объекте (в данном случае – ассоциативно-вербальной сети языка), второе корректирует данное определение с позиции автора текста, последовательно переходя от одного компонента определения (свойства объекта) к другому.

С этих позиций третий текст значительным образом отличается от пятого текста, что связано, по-видимому, с тем, что он представляет собой не определение объекта, а описание целого явления, представляемого как процесс (процесс распространения окончания им. мн. -А). Более сложной представляется и его коммуникативная организация: Распространение подобных окончаний (Т1) – Чрезвычайно сложная проблема (Р1). Окончания -А (Т2) – впервые отмечены в грамматике М.В.Ломоносова (Р2.1), рассматриваются во всех последующих работах (Р2.2), что свидетельствует об их продуктивности (Р 2.3). Единичные факты распространения этих окончаний (Т3) – 15 век (Р 3). Активизация этих форм (Т4) происходит лишь в 18 в. (Р4). Сохранение архаических явлений в

этот период (Т5) становится одним из стимулов данной инновации в системе флексий (Р5). При их изучении (Т5) следует принимать во внимание сложность и противоречивость архаических явлений и новообразований, противопоставлявших просторечие и формы нормированной речи (Р5). Формы на -А (Т6) первоначально выступали как синонимичные формами на -Ы/-И (Р6). Литературный язык (Т7) дает множество фактов такой вариативности (Р7), (Р7=Т8) которая связана с прагматическими факторами, но трудно объяснима (Р8).

Представленный текст дает нам более четкую и ясную последовательно организованную тема-рематическую цепь, которая в ряде случаев имеет отдельные «разветвления» на подтемы и «подремы», или, говоря иными словами, рематическая часть нередко членится на составляющие, что представляется для говорящего коммуникативно значимым. Отличия, наблюдаемые в коммуникативной структуре третьего и пятого текстов, связаны, на наш взгляд, прежде всего с их типологическими особенностями: первый формирует два представления об одном и том же объекте, второй характеризует определенный языковой факт как процесс и как проблему. Вместе с тем, у данных текстов в плане их коммуникативной организации следует отметить и более серьезные различия, обусловленные в первую очередь прагматическими факторами, их жанрово-стилистической принадлежностью, отличающей их от подобных текстов в разговорной речи или публицистике. Это, во-первых, крайне нечеткое представление темы, за исключением начальной, при разворачивании цепи; во-вторых, достаточно четкое, иногда даже излишне формализованное представление рематической части. Под нечеткостью темы понимаем ее частую несоразмерность по отношению к реме, проявляющуюся либо в явной смысловой и вербальной избыточности, либо в недостаточности. Например, в третьем тексте тема явно избыточна по отношению к реме, так как содержит массу дополнительных сведений (историю употребления форм на -А). В пятом же тексте рематическая часть избыточна по отношению к теме, так как о реме сообщаются все новые и новые сведения. Отметим, что в разговорной речи или публицистике тематическая часть зачастую может быть даже опущена, так как она либо уже была сформулирована в предыдущей рематической части, либо само вербальное изложение содержит множество эллипсисов, что в принципе недопустимо в научном тексте.

Нечеткость в изложении последующих тематических частей текста в научной речи компенсируется подробным изложением начальных и конечных тем, структурной четкостью предшествующей рематической части и отличается коммуникативной значимостью. Именно благодаря этому и создается тот эффект «поступательности», эффект «потока» коммуникативно важной информации, который ритмично воспринимается слушающим. Его схематично можно представить в виде волнообразной линии с «подъемами», соответствующими рематическим частям высказывания, и «провалами» на

месте отдельных тематических частей, дефектность которых полностью компенсируется другими частями. Сравним со следующим текстом:

б) *Начало осени 91-го. В Москве // еще не разобрали арматурно-бетонные завалы после гжачепистского перфоманса, столь оригинально открывшего новый концертный сезон.-- Корявое краснокожее чучело // в агонии доплясывало лебединое па, упрямо сжимая в разбитых параличом культяпках потрепанный флажок с леденящей аббревиатурой "СССР".-- Танковая броня // еще дымилась запахом ельцинских ботинок.-- Над Белым домом // уже взвился бело-сине-красный, тот самый, что завещал нам Великий Петр (Первый), но в магазинах по-прежнему не было ни черта.-- (Т?) Казалось, // надвигался полный коллапс и на зиму не включают батареи. -- О капитализме // мечтали, но совсем не догадывались, что он вот-вот нагрнет. Шоу только начиналось...* (МК-бульвар: 1998, с. 20)

В данном случае перед нами текст-описание. Тематические части этого текста крайне важны, так как именно переход от одной темы к другой обеспечивает качество (= широту, охват) описания, однако последние две тематические части можно назвать «дефектными», так как «ритм» изложения, деление на тему и ремю уже достаточно прочно задан в начальной части текста. Причем каждая новая тема абсолютно не связана с предыдущей ремой, что создает эффект фрагментарного описания, соответствующего целеустановкам автора. Сразу же скажем, что для научной речи подобный механизм описания просто невозможен.

Четвертый текст является схожим по манере изложения с предыдущим разговорным текстом, в нем движение мысли осуществляется также с помощью перехода от старой темы-ремы к новым: *Сосюрдовской (=традиционной) концепции // противостоит теория Морриса (=новая) (T1-P1). Согласно этой теории // знак характеризует еще и синтактикой и прагматикой (T2-P2). Понятие имени // мы считаем очевидным. (T3-P3). Под семантикой // следует понимать ... (T4-P4). ... (T5-P5) ... (T6-P6). (...-P7). Семантика языкового знака // отражает наивные понятия о вещах и предметах. (T8-P8). Это утверждал еще Л.В.Щерба // он говорил о разных значениях специальных терминов в специальном и общелитературном языке (T9-P9). (T9.1. -P9.1; T9.2 -P9.2; T9.3 -P9.3 - приведенная автором цитата). Л.В.Щерба говорит // языку не должно навязывать не свойственные ему понятия (T10-P10). Р.Халлиг и В.Вартбург // стремились также отразить некое инвариантное ненаучное понятие о мире (T11-P11). Те же идеи // легли в основу работ многих лингвистов (T12-P12).*

Данный текст имеет структуру текста-описания. В нем осуществляется последовательный переход от предыдущей ремы к последующей теме, что обуславливает логичность, полноту, «фундаментальность», серьезность изложения. Но в ряде случаев соотношение тема-рематических частей между собой, например, (T-P8) – (T-P12), заставляют нас задуматься о типологических свойствах данного текста, так как начальное высказывание (8) носит общий констатирующий характер,

все последующие – иллюстративный. Об этом «сигнализирует» и изменившееся соотношение между тематической и рематической частями: структурно простая тема и осложненная свернутыми пропозициями рема заменяется на структурно сложную тему и простую рему. Поэтому мы полагаем, что если первые два абзаца данного текста и являются описаниями, то последний абзац представляет собой текст смешанной структуры, в котором амальгамированы элементы описания-повествования и рассуждения, к которым говорящий приходит намеренно, стремясь к проблемно-доказательному характеру изложения материала.

Первый и второй тексты являются образцами более сложной тема-рематической организации, в основе которых лежит не цепочка, а пучок: тематическая последовательность с константной темой и тематическая последовательность с производными темами. Например, второй текст представляет собой тематическую последовательность с константной темой: *Опущением называется процесс, // когда ... P1 – сложное слово становится простым -- Опущение осуществляется, // когда ... P2 – нарушается одно из условий выделения морфем: а) P2.1 б) P2.2 в) P2.3 P2.4 – Эти условия могут действовать и совместно.*

Первый текст представляет собой такую организацию, в котором можно отметить константную гипертему и производные подтемы с соответствующими им ремами: *Аффикс // морфема. (Т-Р1) Виды аффиксов // различаются по месту в слове (Т-Р2). Для русского языка // характерны (Т-Р3.1; Р3.2; Р3.3. и под. Далее Т3.1; Т3.2 и под. В данном случае можно констатировать тот факт, что коммуникативная организация текста тесно связана с его типологической структурой. Если третий, четвертый и пятый тексты представляют собой различные подвиды описания – описание процесса, описание-определение понятия, описание явления и были взяты из собственно научной литературы (монография, статья), то первый и второй тексты представляют собой определения и взяты из научно-учебной и научно-информационной литературы, следовательно, они несколько отличаются от предыдущих по авторским целеустановкам. Их задача – представить адресату определенную целостную точку на объект описания от лица анонимного автора (группы авторов) и представить данное воззрение на объект как в высшей степени объективное, целостное, всеохватывающее. Очевидно, что этим задачам как нельзя лучше соответствует подобная композиция с константной или сквозной темой и подтемами, если объект описания представляет собой довольно объемное понятие.*

В целом коммуникативную организацию научных текстов-описаний характеризует симметричность в тема-рематическом членении текста. Это означает, что позиции темы и ремы в цепи предложений текста являются симметричными. Это служит не только однообразной ритмической организации текста (паузы и повышение тона в наиболее актуальной в коммуникативном плане части ремы), но и обеспечению смысловой целостности текста. При таком оформлении смена ритма, выражающаяся в

дефектной или осложненной формулировке темы, осложненной формулировке ремы, позволяют сконцентрировать внимание адресата на наиболее значимых компонентах текста, содержащих те элементы смысла, к которым перейдет автор в последующем.

3.1.2. Логико-смысловая организация текстов-описаний

Как уже было отмечено, логико-смысловая организация текстов-описаний тесно сопряжена с коммуникативной организацией научного текста. Последняя здесь служит для актуализации наиболее значимой с точки зрения автора части высказывания. Традиционно при рассмотрении смысловой организации высказывания большое внимание уделяется его иллокутивной силе, а также тем способам, с помощью которых она достигается. Рассмотрим для сравнения второй текст, являющийся частью научно-учебного макротекста, и шестой текст, представляющий собой фрагмент публицистики. Для последнего характерно соотношение эксплицитной и имплицитной информации, причем вторая явно перевешивает первую в количестве иллокутивной силы, что достигается за счет высокой «метафоричности» изложения материала, насыщенности ассоциациями, апелляциям к пресуппозициональным знаниям адресата. Имплицитное содержание научного текста минимально, оно заключается в особой объективной модальности изложения, предполагающей утверждение аксиоматичности сказанного. Однако при анализе логико-смысловой, пропозициональной организации обоих текстов следует отметить большую насыщенность научного текста. В публицистике и разговорной речи соотношение пропозиций и предикатов имеет коэффициент от 1 до 2, то есть на одну предикативную единицу в целом приходится 1 или 2 пропозиции:

Танковая броня еще дымилась запахом ельцинских ботинок (1). Над Белым домом уже взвился бело-сине-красный (1), тот самый, что завещал нам Великий Петр (Первый) (1), но в магазинах по-прежнему не было ни черта (1) (1,5).

Опрощением называется процесс (1), когда сложное по составу слово становится более простым (1); например, когда вместо выделявшихся раньше приставки и корня или корня и суффикса образуется один корень или один суффикс на месте двух суффиксов (1) (1,5). Опрощение осуществляется, когда нарушается одно из условий выделения морфем (1): а) происходит обособление в значении (1); б) происходит обособление в звуковой стороне (1); в) исчезают из языка другие слова (1), в которых находилась данная морфема (1) (1,25). Эти условия могут действовать и совместно. Иными словами, в научном тексте коэффициент соотношения пропозиций и предикатов всегда выше единицы, научную речь отличает линейная смысловая сложность, а разговорную речь и публицистику – парадигматическая.

Отмеченная смысловая сложность достигается за счет свертывания большого количества логических предикатов в различные синтаксические конструкции:

а) конструкции с причастиями (причастными оборотами): *Аффикс – морфема (1), несущая в слове дополнительное, служебное значение (2) – словообразовательное или грамматическое (3) – и противопоставленная корню (4)*;

б) уточняющие, поясняющие определительные конструкции: *Аффиксoid – компонент сложного или сложносокращенного слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу-суффиксу (для последних компонентов сложений) или префиксу (для первых компонентов)*;

в) деепричастные конструкции: *Впоследствии Р.Халлиг и В.Вартбург, разрабатывая систему и классификацию понятий для идеологического словаря (1), поставили своей целью отразить в ней то представление о мире (2), которое характерно для среднего интеллигентного носителя языка... (3)*;

г) трансформации предиката в номинативную единицу: *Простейший пример расхождения между наивными и научными представлениями дал еще Л.В.Щерба... Зд.: 1 – Наивные и научные представления расходятся; 2 – Примеры этого явления приводит еще Л.В.Щерба.*

Типичным примером сокращенной, свернутой транспозиции для разговорного или публицистического текста является характеризующая: *Красивое платье – Платье (есть) красивое*; в научном тексте примеры подобного рода практически отсутствуют, так как атрибутивные конструкции в научном тексте чаще всего являются составными наименованиями: *языковой знак, двусторонняя единица, знаковая теория, лексическое значение, наивное понятие.*

В основе логико-смысловой организации описательного текста всегда лежит описание объекта (процесса, концепта, языкового явления) через раскрытие его характерных признаков, которые:

а) отличают его от других объектов;

б) характеризуют его место в системе;

в) выявляют его функции.

Например, первый текст представляет собой описание аффикса как элемента словообразовательной структуры слова. Его описание проводится путем указания на родовую принадлежность (*морфема*), функции (*словообразовательное или грамматическое значение*), отличия от других единиц того же уровня (*противопоставленность корню*), перечисления видовых разновидностей (*по характеру занимаемой в слове позиции и по значению*).

Наибольшее внимание уделяется в данном тексте перечислению видовых разновидностей, которое, в свою очередь, помогает воспринимающему текст составить полное представление о сущности объекта. Перед нами «классическое», идеальное описание, которое дает полную характеристику объекта. Его отличительная особенность – статичность, полное отсутствие предикации, включающей в себя процессуальные характеристики во всех их разновидностях: видо-временные характеристики, способы осуществления процесса. Глагольные предикаты выражены следующими единицами: различаются, *характеризуются, находятся, делятся, выражают*.

Второй текст представляет собой описание явления – «опрошение», которое характеризуется как процесс. Для его идентификации указывается состояние объекта до начала действия процесса и после («сложное по составу слово становится более простым»), приводятся конкретные примеры действия данного объекта. Далее приводятся условия, которые стимулируют данный процесс (семантическое, звуковое, семантико-звуковое обособление морфемы). Для данного текста можно также отметить полную статичность, отсутствие предикатов, актуализирующих собственно процессуальные значения, глаголы выполняют здесь функцию простой связки между двумя статичными именными блоками, их функция – идентифицирующая, поясняющая, вводящая именные блоки с характеризующим или условно-временным значением.

Третий текст представляет собой пример описания условий возникновения явления, процесса проникновения его в систему, то есть по характеру основного значения здесь следовало бы ожидать текст-повествование. Однако процесс возникновения трансформируется согласно намерению автора в проблему становления, которая характеризуется как сложный лингвистический объект. Автор указывает на время становления этой проблемы и указывает на невозможность ее разрешения без рассмотрения целого комплекса аналогичных проблем. Таким образом, описание процесса превращается в описание системных связей явления, без рассмотрения которых невозможна его характеристика. Автор не столько дает описание или определение явления, или процесса, сколько подменяет его описанием более сложного объекта, одним из элементов которого является тот, который в данном случае принят к рассмотрению. Перед нами довольно редкий, оригинально выбранный способ описания, при котором указывается лишь на местонахождение лингвистического объекта в комплексе однородных явлений. Такое описание следует признать фрагментарным, так как оно не только не идентифицирует свой предмет, но даже наоборот, стремится ввести его в класс однородных, всего лишь указывая на его родовую принадлежность. Именно это и заставляет нас признать данный текст описательным, статичным, несмотря на присутствие в нем полнозначных глагольных предикатов, актуализирующих определенные видо-временные значения: проникли, *уступали*; но все же большинство

глагольных предикатов семантически дефектны и служат более для связи смысловых блоков, чем для процессуальной характеристики явления. Сравним данный текст с другим, родственным по содержанию:

7) *Преобразование "светских" стилей литературного языка не могло не отразиться на структуре самой церковнокнижной речи. Целый ряд жанров церковнославянского языка, например, жанр обличительной, проповеднической литературы, подвергается еще более глубоким воздействиям светско-деловых и публицистических стилей. Завершается процесс церковной "специализации" и богословской "профессионализации" «еллинско-словенских» стилей XVII в. Бывший "восточник", защитник "еллинизма" Ф.Поликарпов в 1723 г. 9 января писал в своем заявлении к Синоду: "Книга Григория Богослова Низианзена, с прочими, иже с ней, переведена необыкновенною славяниною, паче же роци эллинизмом, и затем о ней мной недоумевают и отбегают. А можно оную вновь перевести удобнее, и неудобопроходные стези в пути гладки устроить". В системе церковнокнижного языка берут решительный перевес те семантические, синтаксические, а отчасти и лексико-фразеологические формы, которые принесены юго-западной "славенской" традицией... Но если отражения живых форм украинского языка постепенно стушевывались, исчезали, то влияние юго-западной риторики долго, до второй половины XVIII в., сохраняло свою силу...* (Виноградов: Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. – М., 1982, с. 86).

Представленный нами текст является повествовательным не только по выполняемой им номинативной функции – описание изменений в структуре церковнокнижного языка XVIII века, но и отчасти по своим структурным особенностям. Очевидно, что перед нами та самая разновидность повествования, которая может быть представлена в научной лингвистической литературе – особая вида тип текста, в котором повествование нейтрализуется описанием процесса, смены состояний системы. Как отмечают исследователи типологии текстов, в основе структуры повествования лежит предикат, временная форма которого актуализирована, а сама категория времени является одним из основных связующих средств, объединяющих предложения в ФСТР, а затем в текст. В плане логическом предикат является одним из основных средств, характеризующих субъект, его состояние, в плане коммуникативном именно предикат образует рематический блок в структуре предложения. Описательный же текст значительно отличается по этим параметрам от повествовательного: безусловным центром описания является не столько сам предикат, сколько предикативный блок, именно он является рематической частью высказываний, образующих текст, а указания на элементы предикативного блока выполняют связующие функции, формируют линейную связность текста. В логическом плане наибольшее значение приобретают операции указания, идентификации, сравнения, сопоставления. В данном случае мы видим присутствие как повествовательных, так и описательных элементов:

не могла не отразиться на ..., подвергается воздействию ..., берут решительный перевес ... и процесс завершается, ступеньки вытаскиваются, исчезают, сохраняют силу. Взаимопроникновения описательных и повествовательных элементов в данном случае налицо.

Рассмотрим логическую структуру пятого текста, который представляет собой описание-определение ассоциативно-вербальной сети как целостного концепта. В данном тексте мы имеем дело не с целостным или фрагментарным описанием, а с новой его разновидностью – описанием путем указания на ситуативно значимые, в данном случае дифференцирующие объект признаки. Первоначально дается наиболее общее идентифицирующее определение объекта – «способ организации словарного состава языка, характеризуемый национально-культурной спецификой». Далее даются ее дифференциальные признаки – а) имманентность; б) смысловая (семантическая) ограниченность. И, наконец, автор указывает на один из произвольно выбранных свойств объекта, актуальный для данного описания – несвязанность с грамматикой и синтаксисом. В следующем абзаце автор как бы опровергает все сказанное, делая логический акцент на собственной трактовке данного понятия. Данный текст, безусловно, является определением, так как в нем практически отсутствуют глагольные предикаты, а все высказывания являются идентифицирующими. Для достижения своей цели автор сворачивает любые пропозиции, раскрытие которых требует полноценного глагольного предиката: *так понимаемая ABC включает в себе не только лексику с ее семантически обусловленными связями, но и синкретически запечатленную в лексических элементах грамматику, "разлитую", распределенную (диссипированную) между узлами сети и существующую в "лексикализованном", готовом к "употреблению" виде, в совокупности отражая весь набор грамматических форм и категориальных значений, свойственных русскому языку.* Единственные полнозначные, актуализированные в тексте глагольно-процессуальные предикаты выполняют совершенно другую функцию – оценочную: *там же, где речь заходит ..., понятие не используется..., я рассматриваю..., исхожу из посылки ...* Именно эти формы организуют данное описание-определение как описание-сравнение.

Четвертый текст представляет нам сразу несколько разновидностей описания: первый абзац – фрагментарное описание, выявляющее основные характеристики объекта, в данном случае языкового знака, причем данное описание дается «через рассмотрение объекта» как элемента двух концепций – традиционной сосюрговской, и новой, семиотической. Второй абзац представляет собой идеальное описание совокупности концептов, которые рассматриваются как неотъемлемые свойства одного понятия. Текст содержит несколько однопорядковых, сходных по структуре идентифицирующих суждений. Таким образом, оба абзаца представляют собой единый текст-описание, в котором а) выделяются неотъемлемые характеристики объекта, определяющие его существование; б)

последовательно определяются эти свойства, в результате чего достигается основная цель говорящего – описание путем определения составляющих. Следующий абзац представляет собой фрагмент, цель которого – определение «семантики» языкового знака. Причем для достижения цели автор использует новый способ описания – приводит несколько совпадающих суждений, принадлежащих различным авторам, мы назовем данный способ иллюстративным.

Вообще следует сказать, что данный способ занимает важное место как в научных текстах-описаниях, так и текстах-рассуждениях. Цитации, сноски, примеры – необходимый элемент научного текста, поэтому мы считаем, что необходимо определить, какое место с позиции смысловой организации они занимают в тексте. На наш взгляд, данные фрагменты научного текста есть неотъемлемое свойство текста-рассуждения, так как они чаще всего либо выполняют в тексте функцию аргументов, либо функцию основания сравнения. Присутствие же примеров и цитат в описательных текстах сближает их с текстами-рассуждениями, так как между суждением автора и цитатой, примером устанавливается внутренняя связь причинно-следственного характера.

Данный текст представляет нам несколько точек зрения на объект, совпадающих с точкой зрения автора. Намерение автора данного текста – дать убедительное истолкование понятию, и именно на основании целеустановки мы и относим данный текст к описательным, отмечая в нем явные вкрапления структуры текста-рассуждения. Однако цитация или приводимые примеры могут носить и уточняющий, идентифицирующий характер, и тогда подобная функция не находится в противоречии с описательной структурой текста. Мы полагаем, что в таком случае следует рассматривать такой иллюстративный фрагмент в качестве трансформированного предиката.

Цитация в рамках научного текста выполняет еще одну чрезвычайно важную прагматическую функцию: она включает текст в общий контекст научных лингвистических текстов данной тематики. Эта функция цитаты является общей, глобальной, характеризующей ее как определенное явление. Главная логико-смысловая особенность цитаты заключается в том, что она является топиком, смысловым фрагментом, который организует и логико-смысловую и коммуникативно-прагматический фон текста. В этом плане значимость цитат и сносок чрезвычайно велика.

Во-первых, как уже говорилось, они, отсылая воспринимающего текст к другому, или совокупности других текстов, восстанавливают общие фоновые знания пишущего и читающего, уточняют основные моменты presupпозиции коммуникантов.

Во-вторых, цитаты и сноски в тексте выполняют вполне определенные аксиологические функции, так как включение данного текста в общую текстотеку, посвященную данной тематике, обязательно указывает на теоретическую значимость конкретного текста, его место в системе текстов.

Помимо этого, цитаты и сноски определенным образом характеризуют и самого автора текста, они имплицитно несут информацию воспринимающему о научных взглядах и пристрастиях пишущего, характеризуют его как представителя вполне определенной научной школы. Зачастую они как бы реализуют и определенную самоцель автора: явно являясь излишними в смысловой структуре текста, они демонстрируют его эрудированность, обоснованность представленных в его работе выводов.

В-третьих, создающий текст индивидуум употребляет в структуре собственного высказывания цитаты и сноски также и в целях экономии, так как отсылки к другим текстам дают ему возможность сконцентрироваться на главной идее, более эффективно достичь поставленной цели.

Отметим, что в этом плане функции цитат и сносок в научном тексте существенно отличаются от их функций в других стилях. Так, в публицистике и художественном тексте основная роль топикив контактоустанавливающая. Автор стремится использовать те фрагменты, которые должны быть знакомы «его читателю», человеку, который способен полностью понять и оценить его произведение. В данном случае пишущий ищет «своего читателя», способного понять, почувствовать второй план, подтекст, который не характерен для научного стиля. В деловом же стиле цитаты и сноски просто отправляют читателя к другому тексту.

Помимо указанных, цитаты могут выполнять и частные функции в научных текстах различных жанров. Так, в монографических исследованиях большое количество цитат и текстов не только формируют общий научный фон конкретного исследования и оценивают его с точки зрения научной значимости, но и дают возможность автору делать общие выводы, не привлекая целиком весь материал. В научной статье полемического характера цитата отсылает говорящего к одному или группе текстов, которые могут выступать как материалом исследования, так и основанием для сравнения. Важно и место цитаты в общей структуре макротекста: так, например, цитата в начале текста, прежде всего, формирует фон высказывания, цитата в середине текста и в его заключительной части чаще всего объективно оценивает, подтверждает значимость одного из положений текста, или всех его положений в совокупности.

3.1.3. Структурно-синтаксические особенности текстов-описаний

Как уже было отмечено, актуально-коммуникативная и логико-смысловая организация текста являются неразрывно связанными и находят свое выражение в синтаксической структуре текста, в формальных способах связи его частей. Например, первый текст, представляет собой описание, характеризующее предмет в его функциях и разновидностях. Поэтому все единицы данного текста – предложения являются характеризующими

суждениями, их синтаксическая структура соответствует их логической структуре. В целом в данном тексте можно выделить три типа предложений:

– идентифицирующие (*Аффикс – морфема ...; Окончание – конечная морфема словоформы...*);

– характеризующие (*Виды аффиксов различаются по их месту в слове; Словообразовательные аффиксы присущи словам в целом (во всех их формах) и выражают словообразовательные значения...*);

– бытийные (*Для русского языка характерны следующие виды аффиксов: окончание, приставка, суффикс, постфикс, интерфикс; ...В различных языках мира встречаются и другие виды аффиксов ...*).

Все три группы предложений чрезвычайно характерны для описания, так как глагольный предикат в них выполняет либо связочные функции, либо является семантически дефектным, неполнозначным, а основную смысловую нагрузку несет на себе предложно-падежное или беспредложное субстантивное дополнение.

Безличные и неопределенно-личные предложения (их мы отнесли в разряд бытийных) характеризуются неполнозначным предикатом, чаще всего занимающим позицию темы и семантически значимыми дополнениями, которые актуализируются в рематической части. Глагольные предложения, действительно характеризующие объект, в подобных текстах чрезвычайно редки, главной чертой таких глаголов является их обязательная валентность, предсказующий характер синтаксической связи (*встречают(ся) ... где именно?; различают(ся) где? Среди кого? чего?; находятся где?; делятся ... на что? на сколько?; выражают что? и под.*). Помимо этого, практически все предложения данного текста осложнены причастными оборотами, которые, как и сама предикативная структура предложения в целом, являясь свернутыми характеризующими или идентифицирующими суждениями (*Аффиксы, находящиеся в составе простой основы перед корнем, называются приставками и префиксами, а стоящие между корнем и флексией, суффиксами. Ср.: Префикс - это аффикс. Префикс находится перед корнем. Суффикс - это аффикс. Аффикс стоит между корнем и флексией*).

К основным средствам синтаксической связи в данном тексте следует отнести лексические повторы (слово аффикс повторяется почти в каждом предложении), семантические повторы (употребление гиперонимов и гипонимов, а также и синонимов, где это возможно – аффикс, морфема, приставка, префикс, окончание, флексия). К синтаксическим средствам связи можно отнести определенный синтаксический ритм, который выражается в чередовании предложений с глагольными и именными предикатами и синтаксических повторах в параллельных определительных оборотах с причастиями и отглагольными прилагательными.

Второй текст является более сложным по синтаксической структуре, что вероятнее всего связано с тем, что в нем описывается процесс, и что сам текст является собственно научным. С точки зрения синтаксической

организации текст состоит из двух сложных предложений, которые характеризуют условия, при наличии которых осуществляется данный процесс. Главные предложения в данном случае являются либо идентифицирующими (*Опрощением называется процесс...*), либо процессуально-характеризующими (*Опрощение осуществляется...*), вторая часть обоих сложных предложений является придаточным условия с временным оттенком. Данная синтаксическая структура не является характерной для строгого описания-определения, она является более характерной для описания-пояснения. Это вызвано, на наш взгляд, способом изложения, который выбрал автор для достижения своей цели – описание с помощью демонстрации, иллюстрации результатов действия процесса.

Третий текст представляет собой соединение еще более разнообразных синтаксических структур. Наиболее частотными в данном тексте являются предложения с глагольным предикатом, однако, глагол в этих предложениях является либо семантически дефектным, требующим именного дополнения (*принадлежит к числу..., рассматривается где-л..., наблюдаются где-л. ...*), либо является глагольной перифразой (*дает представление, принять во внимание, дает немало свидетельств...*). Помимо этих предложений, которые в основной своей массе следует признать качественно или локально-характеризующими (но не процессуально), в тексте можно отметить ряд своеобразных синтаксических конструкций: *Однако лишь XVIII век может рассматриваться как период заметной активизации этих форм...* Данное предложение, по своей структуре глагольное, процессуальное, по сути является идентифицирующим: *XVIII век – период активизации форм на -А...* *Формы на -А проникали в литературный язык в качестве синонимов к формам с окончанием на -Ы(-И) – единственное процессуальное предложение, актуализирующее семантические категории темпоральности и способа осуществления действия, сближающее данный текст с повествовательными.*

Большое количество синтаксических структур данного текста осложнено свернутыми определяющими конструкциями (определятельными и уточняющими). Внутренняя синтаксическая связь между единицами текста осуществляется чередованием предложений со сходной синтаксической структурой, которое может быть прервано новой синтаксической схемой (например, в начале абзаца: *Приступая к изучению последних, необходимо принять во внимание ...*) и лексико-семантическими повторами.

В четвертом тексте, который является описанием-сообщением, практически все синтаксические единицы являются характеризующими по семантике, имеют глагольную предикатную структуру со связывающим семантически дефектным глаголом (*характеризуется, понимаются, отражает...*). Однако в данном тексте описанию подвергается некий ментальный концепт – внутреннее содержание языкового знака, поэтому автор достаточно часто прибегает к употреблению действительных глагольных конструкций, чтобы подчеркнуть активное познавательное начало,

сознательную авторскую концепцию, серьезное осмысление проблемы (*Понятие имени будем считать достаточно очевидным..., Рассмотрим синтактику и прагматику знака подробнее...; Л.В.Щерба, полагавший...; Р.Халлиг и В.Вартбург, разрабатывая..., поставили целью ...*). Помимо этого, в тексте использованы «инверсионные» синтаксические структуры, которые актуализируют определенные фрагменты предмета, например, *Семантика – это сведения о классе внеязыковых ситуаций; Сведения о классе языковых ситуаций называют семантикой знака; Под семантикой понимаются сведения о классе внеязыковых ситуаций* и под. Таким образом, благодаря употреблению инверсионных конструкций автору удается выделить целый фрагмент текста, содержащий важную в смысловом отношении информацию – комплекс определений основных составляющих языкового знака. Наряду с синтаксическими структурами в данном тексте активно используются лексико-семантические средства внутритекстовой связи предложений.

Пятый текст, являющийся описанием на базе сравнения, также использует в основном только непроцессуально характеризующие суждения (качественные, локальные, способа и образа действия), а также и идентифицирующие суждения, устанавливающие тождество или различие двух объектов. Отметим, что синтаксические структуры, использованные автором, многообразны и разноплановы, например, *вторая ее особенность ... заключается в том, что сеть выступает в них как держатель и поставщик исключительно смысловой информации. Сравним: Вторая ее особенность заключается в наполненности исключительно смысловой информацией.* В данном случае автор использует сложную синтаксическую конструкцию с двумя предикативными блоками, первый из которых (*заключается в чем-либо*) – семантически дефектный глагол, используемый в качественно характеризующих суждениях, а также для введения зависимого предиката (*в том, что...*), который в образной процессуальной форме характеризует объект.

Но в данном случае в качестве зависимого предиката используется глагол действенной семантики с дефектным значением (*выступает как... = 'является в данной ситуации тождественным'*). Таким образом, одной из важнейших особенностей синтаксического построения текстов-определений является преимущественное использование характеризующих суждений, в которых процессуальная семантика либо отсутствует вообще, либо нейтрализуется употреблением связочных предикатов с дефектной глагольной семантикой. В ряде случаев процессуальный предикат трансформируется в определительно-уточняющее дополнение. Это различного рода определительные обороты с зависимым предикатом, придаточные определительные, со свернутым предикатом, причастные и деепричастные обороты и пассивные конструкции.

Другой важной особенностью научных описаний является высокая насыщенность описанными выше определительно-уточняющими конструкциями. Практически каждое предложение в таком тексте имеет в среднем два определяющих или определительных оборота. Особо следует

остановиться на внутритекстовой связи научных текстов-описаний, которая осуществляется не только лексико-семантическими, но и интонационно-ритмическими средствами. Последние выражаются в особом порядке следования семантически- и/или структурно однотипных предложений с варьируемыми предикативными блоками (адъективными, перформативными). Сложившийся в начальной части текста ритм может сознательно нарушаться автором текста, что осуществляется, прежде всего, путем использования инверсионных конструкций, нарушающих привычный порядок актуализации значимых частей предложения. Таким образом, говорящий стремится выделить, подчеркнуть смысловую значимость какого-либо предложения. Отметим, что такое возможно только потому, что ритмическая и структурно-синтаксическая последовательность текста-описания является его неотъемлемым свойством, она ожидается, прогнозируется и говорящим, и воспринимающим текст.

3.2. Внутренняя структура текстов-рассуждений

Научные тексты-рассуждения противопоставлены текстам-описаниям, как в плане его прагматической организации, так и с позиции его внутренней структуры. Это, прежде всего, выражается в том, что текст-рассуждение основан на аксиологической семантике, его основная цель – продемонстрировать процесс умозаключения, доказать его истинность, то есть объективную ценность. Логико-смысловая организация рассуждающего текста всегда организована на основе противопоставления и/или сопоставления, в нем всегда выделяются две части – **тезисная** и **аргументативная**. Смысловым центром текста-рассуждения всегда является тема, или сформулированный тезис, ценность (истинность) которого стремится доказать автор.

Синтаксическая структура, формулирующая данный тезис всегда является независимой, целостной, автосемантической. Вокруг данной синтаксической структуры собираются рематические элементы, организующие рематическую часть. Подобная минимальная двухчленная структура может быть расширена за счет увеличения аргументативной части, «смягчения» начального тезисного предложения путем его вторичной формулировки в виде вывода.

В основе организации рассуждающих типов речи всегда лежит причинно-следственная часть, связывающая тезисную и аргументативную часть в единое целое. Подобная синтаксическая связь может быть выражена и материально (формально), и имплицитно, то есть вообще не выражена; может быть представлена на различных уровнях синтаксической организации (простое или сложное предложение), и на текстовом уровне.

3.2.1. Актуально-коммуникативная организация текстов-рассуждений

Актуально-коммуникативная организация текстов-рассуждений является весьма своеобразной, так как говорящий всегда нацелен на активное восприятие слушающим смысла текста. Цель говорящего как участника коммуникативного акта – убедить адресата в истинности суждения, продемонстрировав не только последовательность аргументации, но и научную ценность (=истинность) самих аргументов. В этом плане адресат как обязательный компонент коммуникации – лицо крайне важное, во многом определяющее и форму высказывания, и его структурно-композиционные особенности. Здесь влияние прагматики на организацию текста-рассуждения очевидно. Так, например, для научно-учебного подстиля наиболее характерны развернутые умозаключения пространной структуры. Для научно-информационного же подстиля крайне важна структура аргументативной части, которая должна быть последовательной (с равнозначными уравновешенными частями). Но при этом формальное выражение причинно-следственной связи тезисной и аргументативных частей необязательно.

Рассмотрим несколько текстов-рассуждений.

1) *Противопоставление "Активный словарь – пассивный словарь" имеет, однако, условный характер. Воспроизводство в речи не может быть сведено к лексическим процессам, следовательно, ни синонимический, ни идеологический, ни сочетаемостный словарь в отдельности, ни все они вместе не могут обеспечить непосредственное воспроизводство в речи, а могут лишь служить справочниками. С другой стороны, и слушание, и чтение предполагают активное участие слушающего (читающего) в процессе общения. Вместе с тем словарь пассивного типа, напр. толковый алфавитный словарь, содержит сведения о слове, которые в целом обеспечивают возможность правильного использования его в речи, что придает такому словарю активный характер (Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979, с. 15).*

2) *Итак, наблюдения над употреблением простых претеритов в старейших древнерусских памятниках в связи с позднейшими традициями не дают оснований предполагать более или менее длительное их сохранение в древнерусских говорах. Ни аориста, ни имперфекта как глагольных форм со своими специализированными временными значениями в живой речи восточных славян к XII в. уже не было. Значение аориста в не книжных текстах XII в. постоянно выражается формой на -л от основ совершенного и (реже) несовершенного вида (последнее характерно для диалога); а сами формы аориста в этих текстах свидетельствуют лишь о знакомстве с ними грамотных людей, но ни в одном известном случае не употреблены собственно с аористным значением (которое для них продолжало оставаться характерным в книжно-литературном языке вплоть до нового*

времени). Имперфект же как временная форма не имеет на восточнославянской почве никаких традиций, но достаточно рано проявляется его функциональная соотнесенность со специализированной по своему грамматическому значению и явно новой в плане истории славянской глагольной системы формой на -ыва-л/-ива-л. И если в существовании аориста как временной формы живой древнерусской системы (до XII в.?) сомневаться все же не приходится (он оставил по себе память в виде чу!, бы и, возможно, других форм), то принадлежность имперфекта как глагольной формы системе восточнославянских диалектов хоты бы и допустимого времени не может быть доказана. Критический анализ употребления глагольных форм в нелитературных текстах убеждает в том, что не позднее XII в. в языковом сознании их создателей частные значения прошедшего времени связывались с функциями образований на -л от основ разных видов, которые, утратив вспомогательный глагол (в 1-2-м л. еще не использовавшийся как показатель лица, а не времени), уже не соотносились с настоящим (моментом речи), получив тем самым возможность выражать различные значения (Горшкова, Хабургаев: Историческая грамматика русского языка. – М., 1981, с. 335–336).

3) Грамматические категории обычно классифицируют по двум основаниям: по количеству членов, образующих категорию, и по характеру отношений между этими членами. Грамматическая категория не может иметь менее двух членов. Если бы существовала одна форма с каким-либо значением, то это значение не могло бы быть грамматическим, поскольку оно было бы лишено, во-первых, соотношений конкретного и общего, а во-вторых, регулярности. Те категории, которые состоят из двух членов, называются бинарными. Однако существуют грамматические категории с большим числом членов. Трехчленной, например, является грамматическая категория времени. Еще большее количество членов содержит грамматическая категория надежда (Современный русский язык [Под ред. Белошапковой]. – М., 1981, с. 247).

4) Главная трудность, с которой сталкивается впервые обращающийся к материалу ассоциативных словарей исследователь, заключается в ощущении зыбкости, непостоянства, ненадежности результатов ассоциативных экспериментов, кажущейся произвольности и субъективности связей в ассоциативной статье, которое еще усиливается, благодаря принятому порядку расположения реакций – по частоте убывания. Думается, понятие ABC должно ослабить – хотя бы на первых порах – это, в общем-то, ложное, ощущение. Дело в том, что к сети нельзя подходить с ожиданием увидеть в ней статическое, раз и навсегда закрепленное состояние. Она не предназначена для пассивного статичного хранения лексики и грамматики, но одновременно в ней не обнаружившишь и динамических процессов. Основной закон ее бытования – это колебание, варьирование, осцилляция связей и форм вокруг относительно устойчивых узлов. И это варьирование многопланово - оно реализуется в социуме, от

индивида к индивиду, оно реализуется в каждом индивиду, будучи обусловленным как его эволюцией, так и повседневной сменой его психических состояний. И все это отражается на статике реакций. Но что же тогда устойчиво? - спросите вы. Устойчивы типы реакций, устойчивы ассоциативные пары, которые представляют собой мгновенный слепок минимального активированного стимулом участка АВС. Эту устойчивость можно показать, сопоставив содержание одной и той же ассоциативной статьи в разных, относящихся к разному времени по проведению эксперимента словарях (Караулов: 1990, с. 123–124).

5) Поверхностно-семантический язык отличается от глубинно-семантического и своим словарем, и своим синтаксисом. Поскольку поверхностно-семантический язык предназначен для экспликации национальной семантики, основная часть его словаря должна нормироваться из наименее идиоматичных, достаточно простых, но не обязательно элементарных слов того же естественного языка, отобранных таким образом, чтобы внутри поверхностно-семантического языка они не имели синонимов и использовались каждое ровно в одном значении. Таким образом, словарь поверхностно-семантического языка представляет собой продукт радикального упрощения (сокращения не меньше чем на два порядка) и стандартизации (снятие синонимии, полисемии и омонимии) словаря соответствующего естественного языка (Апресян: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995, с. 22-23).

Рассмотрим последовательно тема-рематическую организацию представленных текстов. Так, в первом тексте с позиции актуального членения мы можем выделить две самостоятельные части с абсолютно автономными темами: *Противопоставление «Активный – пассивный словарь» (Т1) имеет условный характер (Р1). Производство в речи (Т2) не сводится к лексическим процессам (Р2). Слушание и чтение (Т3) предполагают активное участие говорящего (Р3). Словарь пассивного типа (Т4) обладает рядом свойств, придающих ему активный характер (Р4).* В данном случае мы имеем дело с практически автономными, независимыми тема-рематическими объединениями, которые нельзя охарактеризовать ни как тема-рематические цепочки, ни как цепочки со сквозной темой и подтемами. Безусловно, что представленные предложения связаны между собой, но эта связь представлена некоей общей гипертемой, не выраженной в данном случае формально. Данную гипертему можно проследить лишь в устанавливаемой между синтаксическими единицами этого микротекста причинно-следственной логической связи, а также в конструкции *...с другой стороны ...*, которая осуществляет переход от одной темы к другой.

Тема-рематическая организация второго текста представляется более логичной и стройной, так как ее в целом можно охарактеризовать как цепь со сквозной темой и подтемами. Сквозная тема, или гипертема, объединяющая данный текст в единое целое представлена в первом предложении: *Наблюдение над употреблением простых претеритов (Т1) не позволяют*

предположить их длительное сохранение в древнерусском языке (1P). Все следующие пары представляют собой производные от данной: (1T1) Аорист и имперфект (1P1) не существовали в живой речи славян в 12 в. (1T1.1) Значение аориста в не книжных текстах (1P1.1) выражается формой на -л. (1T1.2) Имперфект (1P1.2) не имеет на восточнославянской почве никаких традиций и 1P1.3) (1T2) И если существование аориста (1P2) не вызывает сомнений), (1T3) то существование имперфекта (1P3) представляется весьма сомнительным. Наконец, последний синтаксический блок данного текста является связанным с его первой частью тематически, он как бы замыкает данный микротекст в цельную композицию: (2T) Критический анализ глагольных форм убеждает в том, (2P 1) что частные значения прошедшего времени связывались с глагольными образованиями от различных видов (2P 2) и не соотносились с моментом речи.

Таким образом, мы видим, что текст-рассуждение может представлять собой весьма сложное тема-рематическое образование, в составе которого можно выделить и гипертему, объединяющую все тематические части текста в единое целое, и сквозную тему с несколькими рематическими частями, последовательно развивающимися, характеризующими тему. Однако и в данном тексте мы практически не встречаем тема-рематических объединений с последовательной связью, когда предыдущая рема превращается в тему последующего предложения и так далее, когда заявленная в начале текста тема последовательно развивается от высказывания к высказыванию, образуя характерный тип и темп речи. Наоборот, представленная в текстах-рассуждениях организация создает особый, «рваный» темп повествования, заставляющий обоих участников коммуникативного акта сделать большую паузу перед каждой сменой темы, а затем ускорить темп при переходе от одной подтемы к другой.

Третий текст имеет четкую тема-рематическую организацию, которая может быть описана как структура с гипертемой: Грамматические категории // классифицируют по двум основаниям ...; и двумя входящими в нее (и заявленными в гиперреме) подтемами, одна из которых развивается в последовательную тема-рематическую цепь.

Четвертый текст повторяет в основном уже выявленный тип актуального членения, однако, гипертема в данном случае выражена в рематической части начального фрагмента текста: Главная трудность...(1T) – ощущение зыбкости, непостоянства, ненадежности результатов ассоциативных экспериментов (1P1); произвольность и субъективность связей в ассоциативном слове (1P2). Хотя следующее предложение и связано с начальным следственной связью, но в структуре текста оно примыкает к нему, поэтому автор, прибегая к инверсии, выстраивает его параллельно предыдущему, сделав рематической частью высказывания весь его значимый в смысловом, следовательно, и в коммуникативном отношении блок: Думается, что (2T)// понятие ABC должно ослабить это ложное ощущение (2P). Именно в этом предложении содержится то важное в

смысловом и коммуникативном плане оценочное суждение, которое автор старается обосновать в следующей части текста. *ABC (T1=2P) // не предназначена на пассивного хранения лексики (P1); в ней не обнаружись и динамических процессов (P2). Основной закон ее существования (T2=2P) // – колебание, варьирование... (P2). Это варьирование (T3=P2) // многопланово (P3); оно реализуется и в социуме (P3.1), и в индивиде (P3.2). И все это (T4=P3.1+P3.2) // отражается в статике реакций (P4). Но что же тогда устойчиво? (P5) – спросите вы (T5). Устойчивы (T6=P5) // типы реакций (P6.1), ассоциативные пары,... (P6.2). Эта устойчивость (T6) доказуема, существует (= ее можно показать при сопоставлении одной статьи в разных ассоциативных словарях) (P6.3).* Как видим, вторая часть данного текста не менее сложна: в виде последовательных тема-рематических цепочек выявляются два основных свойства ABC (гипертемы данного текста), которые становятся его подтемами; раскрытие этих свойств предлагается в виде цепочек с константной темой и новыми ремами. Иными словами, в данном тексте представлены все основные виды тема-рематической организации текстов, неизменным остается один момент – наличие гипертемы, заявленной в начальной части текста и объединяющей в единое целое все высказывания микротекста.

Пятый текст представляет собой более простую в плане коммуникативной организации единицу. Начальное высказывание [*Поверхностно-семантический язык (ГП) // отличается от глубинно-семантического и словарем, и синтаксисом (ГР)*] выступает как основное связующее звено дальнейших, относительно самостоятельных по своей структуре высказываний-аргументов [*Поверхностно-семантический язык (ГП=T1) предназначен для экспликации национальной семантики (P1); Основная его часть (T2) должна формироваться из ... слов языка (P2), *которые (умолчание T3=P2 по причине ее предшествования) должны быть отобраны (P3); (*отобраны так T4=P3), чтобы не имели синонимов и не были полисемичными (P4). Словарь поверхностно-семантического языка (ГП=T5) представляет собой продукт радикального упрощения (P5.1) и стандартизации (P5.2) словаря естественного языка*]. Итак, в этом тексте гипертема выступает в неизменном состоянии, а также и в виде вариантов, то есть в данном случае она является «сквозной», организующей все высказывания в целом.

Рассмотрев несколько текстов-рассуждений, можно прийти к следующему заключению относительно коммуникативной организации аргументативных текстов:

- коммуникативная организация текстов-рассуждений коренным образом отличается от коммуникативной организации текстов-описаний;
- в основе текстов-описаний всегда лежит последовательная тема-рематическая цепочка, которая может внутри себя содержать и объединения со сквозной темой, и цепочки с подтемами;

- коммуникативным центром текста-рассуждения всегда является тема-тезис, или гипертема, которая может выступать в качестве единственной в целом тексте (например, пятый текст), дробиться на подтемы (в этом случае связь между отдельными высказываниями чаще всего формально не выражена) и трансформироваться в гиперрему, образующей несколько основных подтем.

Безусловна связь коммуникативной организации аргументативного текста с его типологическими особенностями. Так, текст-рассуждение имеет более свободное построение в отличие от доказательства, ведь его цель – сделать воспринимающего соучастником процесса умозаключения. В данном случае дифференциация доводов на главные и сопутствующие не столь актуальна, как не актуальна и их последовательность, так как говорящий может дополнять один довод другим, а затем переходить к следующему. Поэтому для текстов-рассуждений свойственна и более свободная коммуникативная организация, членение гипертемы на подтемы, последовательная при развитии одной из подтем, пучок рем, определяющих одну тему. В зависимости от разновидностей рассуждения (простое умозаключение, сложное умозаключение, рассуждение-условие, рассуждение-уступка) можно отметить и отдельные свойственные им особенности. Для различного вида умозаключений более частотны трансформации гипертемы, или гиперремы в подтемы, которые определяются в основной части текста. Для рассуждения с условной или уступительной связью более характерно объединение нескольких рем вокруг одной темы. Тексты-доказательства имеют более жесткую структуру, безусловным центром которой является тезис, сформулированный в гипертеме, или определяющей ее гиперреме. Ц.Д.Хведелидзе, исследовавший коммуникативную организацию текстов-рассуждений на материале английской художественной прозы, пришел к тем же выводам: «Тема – основа рассуждения, его главная мысль, а рема включает добавочную информацию о реме» (Хведелидзе: 1990, с. 181). Выделенные лингвистом шесть основных тема-рематических моделей соответственно характеру темы можно, в конечном счете, подразделить на две большие группы:

– с общей темой, имеющие различные рематические части (дискретная тема и соответствующие ей ремы; дискретная и суммирующая рема; одна или несколько рематических групп);

– с гипертемой, распадающаяся на подтемы (с рематическими группами, рематическими группами и суммирующей ремой, с тематизированной ремой).

Результаты данного исследования подтверждают типологическую самостоятельность текстов-рассуждений, их самобытность и вариативность в рамках представленного типа речи.

3.2.2. Логико-смысловая организация текстов-рассуждений

Основной чертой логико-смысловой организации текстов-рассуждений является его иерархическая организация, выражающаяся в членении содержания на тезис и аргумент (аргументы). Подобная смысловая структура, как видим, подтверждается и в коммуникативном членении значимых единиц текста. Основными логико-смысловыми подвидами данной типологической группы являются рассуждение, в основе которого всегда лежит умозаключение или цепь связанных друг с другом умозаключений, и доказательство, опирающееся на различные логические фигуры силлогизмов.

Наиболее простым видом рассуждения является умозаключение, где связь между тезисом и аргументом (аргументами) определяется как общее и частное. Более редкими для научной и научно-учебной литературы, в силу большей логической сложности, являются фигуры категорического силлогизма, где тезис разбивается на общий и частный, что ведет к соответствующему дроблению аргумента. Наиболее сложным и редким следует признать рассуждение-умозаключение, выступающее в форме условно-категорического силлогизма, где связь между тезисом и аргументом двусторонняя, отношения следствия и отношения условия. Логико-смысловая структура текстов-рассуждений наиболее полно была описана Е.И.Мотиной (1983). Однако ее исследование было проведено на материале научно-учебных текстов естественнонаучного профиля, что существенным образом ограничивает сделанные ей выводы, к тому же научный лингвистический текст значительно отличается от научно-технического, так как последний более формализован, основан на описании формул и конкретных процессов.

В логико-прагматическом аспекте данный тип речи нацелен на активное восприятие, представлен убедительностью изложения, авторскими оценками, субъективной модальностью, за которой в данном случае скрывается авторская модальность: рассуждающий текст активно воздействует на адресата. Структурный аспект его изучения предполагает последовательный разбор данной иерархической организации предикатов и пропозиций в направлении от общего к частному, от анализа тезиса и его составляющих к анализу аргументативной части. Основной задачей данного анализа нам представляется раскрытие смысловой структуры рассуждения и доказательства как единого целого, определение отношений зависимости и соподчинения (синсемантической) между составляющими текста.

Анализ характера связи между основными частями текста показал наибольшую частотность имплицативных отношений на разных уровнях текстовой организации (от смысловой до синтаксической), которые в большинстве случаев выражаются либо отношениями следствия, либо отношениями причины, реже – отношениями условия. Антиимпликация, выраженная отношениями уступки, отрицательного следствия, встречается крайне редко, что связано, на наш взгляд, позиционно-ситуативной

ограниченностью данной логической структуры, невозможностью ее использования в большинстве случаев получения вывода или доказательства его истинности.

Итак, как видим, аргументативные тексты имеют в своей основе двухчастную структуру, которая состоит из тезисной и аргументативной части, либо из аргументативной части и вывода, иногда данная структура представляет собой единство трех частей: тезиса – аргумента (аргументов) – вывода.

Так, первое предложение первого текста формулирует тезис. Второе предложение по сути своей представляет сложный аргумент, который сам в свою очередь членился на аргументативную часть и вывод: *Поскольку воспроизводство в речи не может быть сведено к одному единственному (лексическому, семантическому, сочетаемостному (синтаксическому) процессу, то ...* (далее следует вывод). Следующий аргумент представляет собой констатирующее суждение характеризующего типа: тезис (*слушание и чтение предполагают активное участие говорящего в коммуникативном акте*), но при этом между предыдущим и последующим аргументами устанавливается логическая имплицативная связь (*с одной стороны ... с другой стороны*). И, наконец, последний аргумент также строится в виде умозаключения: аргумент – вывод. Таким образом, данный текст, который по структуре является доказательством: тезис – аргумент 1, аргумент 2, аргумент 3. Однако 1 и 3 аргументы представляют собой умозаключения, построенные на отношениях следствия, к тому же 1 и 2 аргументы вступают между собой в сложные отношения, в основе которых лежит логическая операция сравнения (противопоставления). В данном случае мы можем отметить, что аргументы текста-рассуждения могут сами являться сложными логическими построениями, а также вступать в логические отношения друг с другом.

Тезисная часть второго текста является двухчастной, она состоит из двух аргументов: 1) *Наблюдение над функционированием простых претеритов не дает оснований предполагать их длительное сохранение в русских говорах;* 2) *Ни аориста, ни перфекта в живой речи восточных славян в 12 в. уже не было.* Отношения между этими двумя частями строятся как энтимема: умозаключение с пропущенными посылками: **А** является **В** (**Х** является **А**, **У** является **А** – пропущенная часть), следовательно, **Х** и **У** являются **В**. Подобная структура, как уже отмечалось, чрезвычайно характерна для научного текста, так как он адресован слушающему, имеющему тот же объем знаний, либо говорящий, который имеет достаточно полное представление об уровне знаний слушающего, может позволить пропустить аргументативную часть. Обе части тезиса данного текста связаны друг с другом отношениями: общее – частное, тезис – вывод, вступают друг с другом в отношения следования. Аргументативная часть данного текста построена из простых и сложных аргументов. Так, аргумент 1 – *Значение аориста выражается формой на -л, а формы аориста не*

употребляются в собственно аористном значении... – является простым, хотя и имеет двухчастную структуру. Аргумент 2 имеет построение, сходное с построением предыдущего аргумента. Аргумент 3 более сложен по построению: во-первых, он строится на основе условной связи, противопоставляющей место аориста и имперфекта в системе времен древнерусского глагола, во-вторых, он тематически связан не только с тезисной частью текста, но и с двумя предстоящими аргументами, эта связь носит дополняющий, уточняющий, следовательно, необязательный характер. Следующая часть данного текста представляет собой вывод, который в более полном, развернутом виде повторяет все сформулированное в тезисной части, используя еще аргументативные суждения. В коммуникативном плане выводная часть текста чрезвычайно интересна, так как именно в ней наиболее полно представлено соотношение гипертемы и подтем. В плане же логического построения тезисная часть данного текста является развернутым констатирующим суждением. Следовательно, данный текст по своей структуре является доказательством полной, то есть трехчастной, структуры, включающей в себя тезис, аргументы и вывод.

Третий текст, также, как и два предыдущие, является аргументативным, но его структура все же имеет некоторые отличия. Это проявляется в том, что тезисной части (*Грамматическая категория не может иметь менее двух членов...*) предшествует более пространное введение, или вводная часть, которая как бы объясняет необходимость доказательства (или рассмотрения данного тезиса). Аргументативная часть данного микротекста организована как условное умозаключение. Последующие предложения данного текста более соотносятся не с тезисом, а с введением, поэтому в данном случае мы имеем дело с микрорассуждением, или рассуждением-условием, которое является элементом построения более сложного текста.

Прозрачную структуру доказательства имеет и пятый текст, состоящий из тезиса (*Поверхностно-семантический язык отличается от глубинно семантического ...*); аргумента, изложенного в виде умозаключения, основанного на причинной связи, которая является формально выраженной и в синтаксической структуре – сложноподчиненное предложения причины, и на лексическом уровне и вывода, который трансформирует тезис в более конкретное суждение, уточняющее, дополняющее, распространяющее выраженное в тезисной части.

Таким образом, структура текстов-доказательств имеет яркую, свойственную только им структуру. Она состоит из тезиса, которому может предшествовать введение, формулирующее тезис в более общем виде, или включающее тезис в общий контекст макротекста, и осуществляющего таким образом функцию межтекстовой связи. Тезис может быть выражен как простым суждением, так и несколькими, связанными друг с другом имплицативной, причинно-следственной связью. Вторая часть доказательства состоит из аргумента или нескольких аргументов, которые

могут быть выражены простыми суждениями и относиться только к тезису, могут вступать друг с другом в отношения следствия, условия, противопоставления, также и сам аргумент может быть выражен целостным умозаключением, основанным на логических отношениях причины, условия, уступки. Вывод является необязательной частью доказательства, чаще всего по структурным особенностям он схож с тезисом, соотносится с ним, но вывод обязательно связан отношениями следствия с аргументативной частью доказательства, поэтому он всегда шире, конкретнее, чем тезис.

В четвертом тексте тезисная часть не так сильно и ярко противопоставлена аргументативной, что, на наш взгляд, естественно, так как в данном случае перед нами текст-рассуждение. Тезисную часть данного текста трудно назвать тезисом в строгом смысле, скорее это введение, это та часть, которая формулирует тему (или гипертему) микротекста. Предложение, формулирующее тему, связано со следующим, аргументативным, причинно-следственной частью. Следующий аргумент подчинен не тематическому, первому, а развивает, углубляет предыдущее аргументативное высказывание, и так далее. Дело в том, что в рассуждении аргументы обязательно связаны друг с другом не только гипертемой, но и последовательной связью, чаще всего отношениями следствия. Это свойство рассуждений несколько сближает их с текстами описательного плана, так как в них мысль развивается последовательно, принципиально иной является лишь связь следующих друг за другом высказываний. Например, в тексте 4 последовательное изложение аргументов делает данный текст близким по структурно-семантическим свойствам к описательному.

Рассмотрим еще несколько текстов-рассуждений, которые, как правило, имеют структуру обратную, которую мы, несколько условно, называем «зеркальной», если сравнить их с текстами-доказательствами. Они строятся следующим образом: суждение – аргумент – вывод, который делается на основании причинно-следственной или условно-допустимой связи.

б) Непременный признак чередования – повторяемость, поскольку нельзя говорить об обусловленности какого-либо различия в фонемном составе грамматической позицией, если такое различие встречается всего лишь один раз. Следовательно, единичность, неповторяемость противоречит самой сущности явления чередования. Поэтому неправомерно рассматривать в качестве чередований соотношения фонем, встречающиеся в каком-либо одном случае, например, видеть чередование ф/п в случае шкап-шкаф или к/г в случае галоши-калоши, г/з в случае друг-другъ (Современный русский язык [Под ред. В.А.Белашаповой]. – М., 1981. с. 166).

Перед нами рассуждение, где каждый из аргументов «цепляется» за предыдущий, логические отношения между частями формально выражены. Вывод к тексту также вводится с помощью лексемы эксплицирующей отношения следствия из изложенных аргументов и объединяющих их в

единое целое. Однако рассуждение может быть и более сложным, отношения между его частями могут быть скрытыми, и только следование частей текста друг за другом вскрывает существующие между ними отношения. Такая внешняя «несвязанность» отражается и в коммуникативном членении, «разрывает» интонационно части текста долгими паузами, которые в данном случае и эксплицируют причинно-следственные отношения. Например:

7) *Языковеды, как и физики нашего столетия, вправе сказать: "Мы вошли в науку на плечах наших великих предшественников". Среди этих предшественников и учителей одно из самых крупных имен – имя В.В.Виноградова. ∥ Для исследования языкового строя его грамматическое учение особенно животно. ∥ В.В.Виноградов был универсальным филологом, автором фундаментальных трудов и по грамматике, и по лексикологии, и по лексикографии, по истории русского языка, по истории литературного языка, по языку художественной литературы, по текстологии, стилистике и поэтике. ∥ Можно полагать, что именно объем его знаний языком и литературой, многогранность его филологических интересов, великолепное знание русского языка всех времен и всех сфер его функционирования, та научная высота, с которой его мысль охватывала русский язык в действии, в движении, и обусловили силу его грамматических идей, верность их сути языка. ∥ Уникальность личности В.В.Виноградова, огромность его познаний, феноменальность памяти и работоспособности – это неповторимо. Но уроки общения с ним его учеников и его труды остаются научным завещанием следующим поколениям филологов и компасом в пути* (Золотова: О новой русской грамматике // Филологический сборник. – М., 1985, с. 164.).

В данном тексте отдельные его части более связаны друг с другом, чем с заявленной в начале темой, однако связь эта скрыта, и только последняя часть текста – собственно вывод, обобщает все сказанное выше, придает более глубокий смысл каждому из аргументов. Автор как бы приводит разорванные факты, фрагменты для того, чтобы дать возможность адресату вместе с ним прийти к тем же самым заключениям и таким образом доказать истинность приведенного тезиса. Однако текст-рассуждение не всегда имеет вывод. Часто встречаются рассуждения более простой структуры, состоящей из двух частей, связанных между собой отношениями причины, следствия, условия, уступки.

8) *в предложениях расчлененной структуры придаточная часть относится ко всей главной части как к предикативной единице и может дополнять, расширять содержание главной части с разных сторон. Именно поэтому в двухчленных сложноподчиненных предложениях при одной и той же главной части могут быть различные придаточные* (Современный русский язык [Под ред. В.А.Белошапковой]. – М., 1981, с. 617).

Такие микротексты-умозаключения в научной литературе по лингвистике распространены чрезвычайно широко и представляют собой по сути, как бы «строительный материал», являясь тем самым фрагментами,

организуемыми как доказательство, так и рассуждение в полном, развернутом виде. Причем они могут выступать в любой их части, чаще – в аргументативной, реже – в тезисной или выводной.

3.2.3. Структурно-синтаксические особенности текстов-рассуждений

Тексты, содержащие имплицативные отношения между предикатами, имеют более сложную синтаксическую организацию, чем тексты описательного плана. Это обусловлено не только сложностью логических отношений между частями текста, но принципиально иной коммуникативной организацией этих текстов, в основе которой лежит бинарное противопоставление тезисной и аргументативной частей.

Рассмотрим последовательно приведенные выше тексты. Первое предложение первого текста является оценочно характеризующим. Предикат в данном предложении выражен глагольной перифразой *иметь какой-либо характер*, и именно данное предложение формулирует тезис этого текста. Все нижеследующие предложения являются более сложными в плане структурно-синтаксической организации. Так, второе предложение, связанное с тезисной частью имплицитно, пропущена лексема, выражающая причинно-следственные отношения, а также само предложение представляет собой относительно независимое суждение, построенное на отношениях следствия и противопоставления. Третье предложение содержит связующий оборот – *с другой стороны...*, который не только связывает второе и третье предложения, но и одновременно компенсирует пропущенный связующий член во втором предложении. Это необходимо еще и потому, что третье предложение имеет простую структуру с перформативным предикатом, отличным от сложной структуры предыдущего члена. Интересна организация последнего предложения, которое в структуре текста противопоставлено 2-му и 3-му, и непосредственно связано с первым. Такая позиция в тексте подтверждается и его оригинальным построением: двумя параллельными придаточными – первый характеризует предикат, а второй содержит вывод, основанный на отношениях следствия.

Первое предложение второго текста является введением, оно формулирует тезис, нуждающийся в доказательстве. Его построение отличается сложным предикативным блоком: не *дают оснований предполагать что-либо*, по структуре это предложение является простым – **SVO**, но по смыслу это бытийное предложение, которому обычно соответствует структура **SV**. Такое построение, выражающееся в замене предиката сложной перифразой, помогает автору передать «процессуальность» мышления, логическую сложность вывода. Второе предложение формулирует тезис более конкретно, в данном случае он относится к введению как «часть к целому» и является бытийным с соответствующим глагольным предикатом. Аргументативная часть текста построена более сложно: предложения этой части имеют полноценную

глагольную предикативную часть (*выражается, свидетельствуют*) и соотнесены друг с другом на основе противительной (сопоставительной) связи, выраженной союзами (*а., но...*). Особый интерес представляет заключительный фрагмент аргументативной части, представляющий собой условно-бытийное суждение, построенное на взаимной связи, соотнесении двух самостоятельных суждений, непосредственно связанных с двумя предыдущими. Выводная часть данного текста представлена не менее сложным суждением, которое по смыслу является бытийным – «*частные значения прошедшего времени не соотносились с моментом речи, следовательно, были утрачены*». Однако структура этого текста чрезвычайно сложна: она включает в себя сразу несколько пропозиций: 1. *Критический анализ убеждает, что* 2. *частные значения прошедшего времени связывались с формами на -л, которые* 3. *утратили вспомогательный глагол,* 4. *не соотносились с моментом речи,* 5. *(а следовательно) получили возможность выражать различные значения.* Главный предикат этого предложения (*убеждает в том*) является коммуникативно малозначимым, его функция в данном случае в переносе логического и фразового ударения на финальную часть, а коммуникативно значимый фрагмент, занимающий последнее место в данном предложении не выражен самостоятельным предикативным блоком.

Отношения следствия между предикатами в данном случае выражены с помощью деепричастного оборота, так как для автора более важным казалось выражение основной посылки, указание на утрату связи с моментом речи. Итак, отличительными чертами организации данного текста являются:

– вводная и тезисная части выражены бытийными предложениями различной структуры, определяемой особенностями предикативного блока;

– аргументативная часть текста представлена полными глагольными характеризующими предложениями с несколькими предикатами, связанными между собой противительной связью или условно допустимой;

– выводная часть данного текста-доказательства имеет чрезвычайно сложную предикативную организацию, где каждая пропозиция так или иначе соотнесена с аргументативной частью, и где отношения следствия выражаются несамостоятельностью, подчиненностью итоговой выводной части полноценному, самостоятельному в синтаксическом плане аргументу.

Третий текст является достаточно простым и по структуре, и по синтаксису. Введение к нему выражено характеризующим суждением с безличной структурой – **VO**, цель которой – коммуникативное выделение субстантивных определителей глагола, выражающих способ осуществления, выражаемого им действия. Тезис выражен бытийным предложением, в структуре которого можно опять-таки выделить неполнозначный глагол, выполняющий, прежде всего, связочные функции и выражающий логические отношения вхождения. Рассуждающая часть данного текста представляет собой условное суждение-допущение, верифицирующее тезис текста

способом «от противного». Все последующие предложения этого текста по семантической структуре являются характеризующими или бытийными, свойственными более описательным текстам. Именно соседство столь разных по семантическим свойствам структур позволяет осуществить плавный переход от рассуждения к описанию.

Четвертый текст, представляющий собой развернутое рассуждение, отличается более оригинальным структурно-синтаксическим построением. Первая особенность заключается в отсутствии строгой синтаксической формы, синтаксического ядра, вокруг которого «собираются» части синтаксического целого. Так, в первом же предложении мы наблюдаем в роли предиката перифрастический оборот с глаголом *заключаться в чем-либо*, причем наряду с обычными в таком случае субстантивными расширителями предикативного блока выступают и свернутые предикативы – *кажущаяся произвольность и субъективность* Во-вторых, в структуру синтаксических конструкций включены модальные конструкции, объединяющие объективную модальность научного текста с субъективными оценками автора: *думается...*, *дело в том, что...* Назначение этих конструкций не только в актуальном выделении всей значимой части предложения, но и в включении личности автора в мир повествования, в приближении личности порождающего текст к личности, его воспринимающей; именно поэтому в качестве предикатов в данном тексте могут быть использованы безличные конструкции предписывающего плана типа *нельзя подходить, следует предположить*. Подобного плана конструкции придают рассуждению более живой и убедительный характер, они по сути, как бы являются миши-тезисами мини-доказательства, так как требуют дальнейшего объяснения, разъяснения авторских предписаний.

Переход от такой конструкции к следующей, выражающей причины высказанных автором рекомендаций и предписаний обычен, так как представляет собой первую фигуру силлогизма и, следовательно, не требует каких-либо специальных средств для выражения причинных отношений. В тех же целях (более живого, доходчивого изложения) автором используются и определенно-личные предложения: (*...в ней не обнаружишь и динамических процессов*) и риторические вопросы (*Но что же тогда устойчиво?*). Введенное в структуру второго развернутого рассуждения микроописание АВС: *Она не предназначена для пассивного статичного хранения лексики; Основной закон ее бытования - это колебание, варьирование...; И это варьирование многопланово...* и есть основная цель автора данного микротекста – охарактеризовать определенное лингвистическое явление. В данном случае перечисление свойств объекта недостаточно, поэтому автор стремится обосновать сам факт существования объекта именно в той форме, в тех функциональных связях, как он сам это представляет, поэтому он и выбирает развернутую структуру рассуждения, а не описания, так как именно первая позволяет более свободную синтаксическую структуру и модальную рамку высказывания, дает

возможность пройти еще раз путь выведения, обоснования нового знания вместе со слушателем. Сам вопрос, сформулированный автором от лица, воспринимающего текст, позволяет ему осуществить резкий переход от представления одной сущности объекта – подвижность, вариативность, к другой его сущности – устойчивость, причем рассмотреть их во взаимосвязи и взаимодействии. Структура финальных предложений текста также сложна, так как представляет собой слитое воедино множество неразвернутых предикативов, выраженных в форме причастных и деепричастных конструкций. На наш взгляд, такие отличия данного текста от предыдущих обусловлены его жанровыми особенностями. Данная статья-сообщение написана в форме доклада, она как бы имитирует жанр доклада или лекции, то есть устного сообщения, в котором постоянные апелляции к слушающему составляют значимую часть текста, которая в большинстве случаев и отличает его от текста статьи.

Пятый текст, представляющий собой доказательство, отличается, как уже было отмечено, и более строгой, центростремительной структурой. Начальная часть этого текста, выполняющая функции тезиса, является характеризующим суждением и имеет характерную для него синтаксическую структуру **SVO**, где глагол семантически дефектен и должен быть необходимо дополнен субстантивными распространителями, являющимися ядром рематической части. Рассуждающая часть данного текста представляет собой ФСТР, включающий несколько предикативных единиц, связанных отношениями причины и следствия. Последняя, финальная часть текста представляет собой вывод, в котором тезис уточняется, конкретизируется, и, следовательно, она построена по той же модели, что и тезисная часть.

Итак, рассмотрев структурно-синтаксические особенности текстов-рассуждений, можно прийти к следующим выводам. Тексты-доказательства, имеющие более строгую, центростремительную смысловую и коммуникативную организацию, отличаются и более предсказуемыми синтаксическими моделями, участвующими в их построении. Так, тезисная часть доказательства всегда представлена предложением типа **SVO**, соответствующим в практике характеризующим высказываниям, или, что реже, типа **SV**, соответствующим бытийным высказываниям. Имеющиеся в тексте вступления или выводы всегда повторяют по структуре тезисную часть текста, однако, в ряде случаев могут быть дополнены неразвернутыми в самостоятельные высказывания конструкциями (чаще – определительными), уточняющими или, наоборот, расширяющими смысл сказанного. Собственно, доказательная часть текста наиболее сложна в структурном отношении, так как изобилует большим количеством сложных синтаксических построений, самостоятельных и зависимых, связанных между собой имплицативными отношениями причины, следствия, условия или уступки. Эти отношения могут быть выражены как типом конструкции, или порядком их следования, так и вербально. Синтаксическая структура

рассуждения более свободна, одна может варьироваться от простой двусоставной композиции, части которой связаны отношениями импликации, до более широкой, когда в состав рассуждения могут быть включены миниэлементы доказательства, описания, повествования. На наш взгляд, следует различать в структурном отношении простое рассуждение и развернутое рассуждение, так как первое может выступать как в качестве самостоятельно микротекста, так и являться составной частью микротекста иной типологической разновидности. Развернутое же рассуждение интересно для нас тем, что само в большинстве случаев включает в себя в качестве микрокомпонентов микротексты иного ФСТР.

3.3. Особенности организации полиинтенциональных текстов

Полиинтенциональные тексты необычайно разнообразны и разнохарактерны, что обусловлено в первую очередь тем, что при их порождении говорящий преследует более сложную цель: не только описать, объяснить и доказать, но и описать объясняя; объяснить, доказав истинность объяснения, и под. Иными словами, автор стремится совместить несколько разнородных интенций, поэтому и в смысловой, и в коммуникативной структуре тексте нейтрализуются наиболее яркие, различительные признаки той или иной типологической единицы текста.

Однако подобная полиинтенциональность может быть типологически различной, что зависит от характера речевого намерения автора, структурных особенностей текста. Так, в одном и том же тексте могут быть нейтрализованы характерные признаки развернутого описания и описания-определения, описания и повествования, рассуждения и доказательства, то есть текстов, типологически родственных по своей структуре. Могут нейтрализовываться признаки рассуждения и описания, доказательства и сравнения, то есть текстов, различных по типологии интенций, коммуникативным и логико-смысловым особенностям.

Рассмотрим несколько текстов.

1) *Сопоставление современного (литературного) употребления именных форм с той же системой форм прилагательных, которая восстанавливается для древнерусского языка, обнаруживает разные направления исторического изменения именных форм для разных разрядов прилагательных. Эти формы полностью утрачены относительноными прилагательными. Притяжательные прилагательные, напротив, до настоящего времени в разных синтаксических функциях используют именные формы, которые в одних образованиях лишь в самое последнее время получают местоименные варианты (ср.: сестрин-ого – сестрин-а, сестрин-ому – сестрин-у), а в других образованиях продолжают оставаться единственно возможными: отцов-а, отцов-у. Наконец, в разряде качественных прилагательных отражается функциональная дифференциация тех и других форм: именные формы сохраняются только в*

функции сказуемого (следовательно, только в *И*), в то же время как местоименные формы оказываются единственно возможными в качестве определений, следовательно, употребляются во всех надежах и числах, а потому на функциональном уровне, как более регулярные, приобретают статус основных, между тем как именные формы на их фоне начинают восприниматься как "производные" – неполные, образованные от местоименных (Горшкова, Хабургаев: Историческая грамматика русского языка. – М., 1981, с. 226).

2) Предполагаемое исходное различие семантики именных и членных форм хорошо согласуется с формальной историей качественных прилагательных. Если признать первоначальное противопоставление именных и членных форм как "неопределенных" (именные) и подчеркивающих известность признака (членные), то естественно, что последние могли употребляться только в функции определения, ибо сказуемое – это всегда новое в высказывании, следовательно, в функции сказуемого членная форма была невозможна. Поскольку в речи употребление согласованного определения, как правило, вызывается необходимостью охарактеризовать предмет по признаку, известному собеседнику (с целью его выделения, уточнения), членная форма должна предположительно быть более регулярной в атрибутивной позиции. Постепенное стирание первоначальных различий в морфологическом значении тех и других форм должно было иметь следствием их узуальную дифференциацию: членная (местоименная) форма закрепляется как специфически атрибутивная, вытесняя в этой функции именную, сохраняющуюся только в функции сказуемого, следовательно, только в форме *И* всех родов и чисел (коль скоро подлежащее, с которым она всегда согласована, может быть выражено именем любого рода и в форме любого числа, но только в *И*). Отсутствие именных флексий в косвенных надежах – характерная особенность словоизменения качественных прилагательных в русском языке, как литературном, так и в говорах (Горшкова, Хабургаев: Историческая грамматика русского языка. – М., 1981, с. 226–227).

3) **МОСКОВСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ** – способ произношения, свойственный жителям Москвы, признанный произносительной нормой русского языка. Московское произношение возникло не сразу, а складывалось веками. Первоначальной его основой было произношение вост.-слав. племени кривичей (близкое к произношению славян новгородских), т.е. имело севернорус. характер. Москвичи до 16 в. не только сохраняли северный строй консонантизма, но и окали (см. оканье). Окал Иван Грозный и его окружение, очевидно, окало и старое боярство (Хованские, Мстиславские, Одоевские). Однако в Москве среди населения, пришедшего с юга и востока, было распространено и акающее произношение, которое постепенно укрепилось и к 18 в. стало господствующим. М.В.Ломоносов, сам помор-северянин, писал в «Российской грамматике» (1755): "Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты

прочим справедливо предпочитается, а особенно выговор буквы *О* без ударения, как *А* много приятнее...". В 18 в. существовало две нормы произношения: одна – при чтении книг, стихов и т.д., другая – свойственная разговорной речи. О неоднородности московского произношения того времени писал Ломоносов: "Сие произношение больше употребительно в обыкновенных разговорах, а в чтении книг и в предложении речей изустных к точному выговору букв склоняется". Проникновение в русский язык иноязычных элементов (особенно начиная с 18 в.) сделало произношение еще более неоднородным. Вокруг вопросов о произношении разгорелись споры – о различении звуковых качеств букв *Е* и *Ь*, о произношении *Г* как [г] и как [] и др. Откликаясь на полемику, Ломоносов написал стихотворение "Бугристы берега...», во всех словах которого была буква *Г*, и обратился к читателям: "Скажи, где быть тут га и где стоять глаголю". В 19 в. произносительные нормы лит. языка уже полностью определяются живой моск. речью. Эти нормы характеризуются аканьем, произношением *Е* после мягких согласных перед твердыми на месте *Ь* под ударением, произношением *Г* взрывного и рядом других черт. К концу 19 в. в московском произношении стали образцовыми некоторые черты, время существования которых названо "старомосковским произношением»: произношением слов с *Р* мягким, напр. не[r'] вый, четве [r'] г, ве[r'] х; произношением возвратного аффикса -сь, -ся в глаголах речи прошедшего времени и в повелительном наклонении как с твердое (вопреки орфографии) и др. Верными "старомосковскому произношению» оставались артисты Малого театра, некоторые чтецы (В.Н.Яхонтов, Д.Н.Журавлев) (Реформатский: Московское произношение // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1997, с. 253–254).

4) Во всех случаях метафора рано или поздно исчезает. Сущность метафоры (ее семантическая двуплановость) не отвечает первичным коммуникативным назначениям основных элементов предложения – его субъекта и предиката. Для указания на предмет речи метафора слишком субъективна; для предиката, содержащего сообщаемое, метафора слишком неопределенна и неоднозначна. С этим связаны стилистические ограничения на употребление метафоры. Не используется метафора в деловом дискурсе: законах, распоряжениях, уставах-запретах, инструкциях, правилах, циркулярах, завещаниях, в актах судопроизводства, анкетах и т.п. – во всем, что должно выполняться и контролироваться. Метафора несовместима с прескриптивной и комиссивной (относящейся к обязательствам) функциям речи. Метафора не встречается в вопросах, рассчитанных на получение точной информации. Метафора употребительна в тех формах практической речи, в которых присутствуют экспрессивно-эмоциональный и эстетический аспекты. Она удерживается во фразеологизмах, прозвищах, паремиях, крылатых фразах, присказках. Семантическая диффузность метафоры не отвечает основным требованиям научного дискурса. Вместе с тем метафора играет большую роль в формировании концепций и научной терминологии. Основанные на

аналогии ключевые метафоры предопределяют стиль мышления в рамках той или другой научной парадигмы. Так, представление о социуме как о здании позволяет выделить в нем базис, надстройки, инфраструктуры, блоки и т.д., а также говорить об обществе в терминах строительства, перестроек и разрушения; ср. также прорубить окно в Европу. Смена научных парадигм сопровождается сменой ключевой морфемы. Так, биологическая концепция языка уподобляла его живому организму (ср. живые и мертвые языки), компаративисты предложили метафоры языковых семей и языкового родства (ср. праязык), для структуралистов ключевой является метафора уровневой структуры, для генеративистов – метафора языка как порождающего устройства (Арутюнова: Метафора // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1997, с. 235–236).

5) Присмотримся внимательнее к семантике существительных – синтаксических дериватов. Что значит желтизна сравнительно с желтый или храбрость по сравнению с храбрый? Лексическое значение однокорневых слов тождественно: существительное обозначает без всякой семантической добавки опредмеченный признак, выражаемый прилагательным. Совсем в иных семантических соотношениях находятся слова желтый и желток, желтяк или храбрый и храбрец. Существительные называют какие-то предметы, наделенные признаком, обозначаемым производящим прилагательным. Для словообразования неважно, что эти существительные называют определенные предметы, характеризующиеся признаком, обозначенным производящей основой (желток – 'часть яйца', желтяк – 'желтый огурец', храбрец – 'храбрый человек'); для словообразования важно лишь то, что эти существительные обозначают 'нечто, наделенное признаком', 'предмет носитель признака', а не 'признак в отвлечении от его носителя', как слова желтизна и храбрость и им подобные. Именно значение 'носитель признака' и есть тот семантический довесок (добавка), который отличает слова типа желток, храбрец от производящих прилагательных желтый, храбрый, с одной стороны, и отграничивает их от синтаксических дериватов (слов типа желтизна, храбрость) – с другой (Современный русский язык [Под ред. Белошапковой]. – М., 1981, с. 191).

6) Общность морфологических категорий, сходство словоизменения и синтаксических функций определяют принадлежность к прилагательным и местоименным прилагательных. По сравнению с другими относительными прилагательными местоименные прилагательные обладают следующей особенностью: они обозначают признак определяемого предмета не через его отношение к другому предмету, а через отношение говорящего к другим лицам (в том числе и к себе самому), предметам и ситуациям. Так, слова мой, твой, свой, наш, ваш указывают на отношение принадлежности (притяжательное) чего-н., устанавливаемое говорящим: "относящийся ко мне, к тебе, к себе, к нам и т.д."; слова такой, этот, тот указывают (от лица говорящего) на признак определенный: «тот, на который говорящий

указывает определенно, который он характеризует", а слова какой-то, некоторый, некий – на признак неопределенный: "тот, который говорящему неизвестен". Местоименным прилагательным свойственны лексические особенности других местоименных слов. Указательным местоимениям такой и тот кроме собственного указательного значения (такой человек, такие условия; тот дом, те рожи) свойственно усилительное – для такой (такая красивая!, такой голос!) и выделительное значение – для тот (тот самый солдат, те самые люди) (Русская грамматика [Под ред. Н.Ю.Шведовой и В.В.Лопатина]. – М., 1990, с. 216).

3.3.1. Актуально-коммуникативная организация текстов

Актуальное членение первого текста отличается ритмичностью, соразмерностью частей, что приближает данный текст к описаниям, однако по коммуникативной схеме он наминает текст-доказательство, в котором объединяющие текст гипертема и гиперрема распадаются на составляющие. Актуальное членение начального высказывания всегда более сложно, так как оно включает в себя чрезвычайно сложную в смысловом отношении составную тематическую часть, впоследствии дробящуюся на составляющие, и такую же рематическую: *Сопоставление современного (литературного) употребления /именных форм с /той же системой форм прилагательных, / которая восстанавливается для древнерусского языка, // обнаруживает разные направления исторического изменения именных форм / для разных разрядов прилагательных.* Собственно, сравнительная часть отличается простой в смысловом и структурном отношении темой: *Эти формы...; Притяжательные прилагательные ...; В разряде качественных прилагательных....* Отметим тот факт, что автор намеренно по-разному формулирует темы, избегает однообразия в их представлении, этим, на наш взгляд, он стремится подчеркнуть именно разнохарактерность объектов сравнения. Коренные различия объектов применительно к предмету описания подчеркиваются и различными по смысловой значимости и структурной оформленности рематических частей, где первая рема является чрезвычайно простой (...*полностью утрачены относительными прилагательными*), вторая – более сложной и содержательной – Р 2 – Р2.1 – Р2.2, она разбивается на составляющие, дополняющие и уточняющие смысловую часть общей ремы. Что же касается третьей ремы, то она является наиболее сложной в коммуникативном и смысловом отношении: ... *отражается функциональная дифференциация тех и других форм (Р3) /: именные формы (Т3.1) // сохраняются только в функции сказуемого (Р3.1) / (следовательно, только в И) (Р3.1.1), / в то же время как местоименные формы (Т3.2) // оказываются единственно возможными в качестве определений (Р3.2), следовательно, употребляются во всех падежах и числах (Р3.2.1) /, а потому на функциональном уровне, / как более регулярные (Р3.2.2 //, приобретают статус основных, \ между тем как*

именные формы (Т3.3) //на их фоне начинают восприниматься как "производные" /– неполные, образованные от местоименных (Р3.3).

В данном случае мы видим, что данная рема членится на составляющие, разворачиваясь в несколько тема-рематических цепочек с пропущенными в нескольких случаях темами, которые, по умолчанию, являются повтором предыдущей ремы; данная рема образует пучок из трех рем, которые, в свою очередь, развиваются в простые тема-рематические цепочки. Подобная коммуникативная организация была отмечена нами как характерная для текстов рассуждений.

Чрезвычайная логическая сложность второго текста подкрепляется его коммуникативной и структурной сложностью. В плане актуального членения данный текст представляет собой ряд параллельных тема-рематических фигур, объединенных общей гипертемой: *Предполагаемое / исходное различие семантики именных и членных форм (Т1) // хорошо согласуется с формальной историей качественных прилагательных (Р1). Если признать (Т2) // первоначальное противопоставление именных и членных форм /как "неопределенных" (именные) и подчеркивающих известность признака (членные) (Р2.1), // то естественно, / что последние могли употребляться только в функции определения/, ибо сказуемое – это всегда новое в высказывании (Р2.2) //, следовательно, в функции сказуемого членная форма/ была невозможна (Р2.3). \ Поскольку в речи / употребление согласованного определения (Т3) //, как правило, вызывается необходимостью охарактеризовать предмет по признаку, / известному собеседнику (Р3.1) // (с целью его выделения, уточнения) (Р 3.1.1) //, \ членная форма (Т3) //должна предполагаться как более регулярная в атрибутивной позиции (Р 3.2). \ Постепенное стирание первоначальных различий /в морфологическом значении тех и других форм (Т4) // должно было иметь следствием их узкую дифференциацию (Р4): \ членная (местоименная) форма (Т5) // закрепляется как специфически атрибутивная, / вытесняя в этой функции именную, / сохраняющуюся только в функции сказуемого (Р 5), /, следовательно, только в форме И. всех родов и чисел / (коль скоро подлежащее, с которым она всегда согласована, может быть выражено именем любого рода и в форме любого числа, но только в И) (Р 5.1). Отсутствие именных флексий в косвенных падежах (Т6) // – характерная особенность словоизменения качественных прилагательных в русском языке, / как литературном, /так и в говорах. (Р6).*

В данном, сложнейшем с точки зрения актуального членения образовании мы можем наблюдать составные темы, все рематические части данного текста являются не только сложными в коммуникативном и смысловом отношении; нередко одна тема объединяет несколько рем.

Следует также отметить сходство третьей и пятой темы. Оценивая коммуникативную организацию данного текста, мы можем отметить, что подобная сложность отнюдь не способствует адекватному восприятию текста, так как хаотичное нагромождение различных, зачастую не

соотнесенных с гипертемой тем, сложная, непоследовательная организация рем не позволяют нам увидеть единый ритмический рисунок текста, сделать вывод о его смысловой цельности и связности.

Однако при изучении лингвистических текстов филолог должен иметь дело не только с лучшими образцами, но и попытаться проанализировать не совсем удачные с точки зрения композиции и смысловой организации тексты. Коммуникативная организация третьего текста имеет много общего с коммуникативной организацией описательных текстов:

МОСКОВСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ //— способ произношения, / свойственный жителям Москвы, / признанный произносительной нормой русского языка. \ Московское произношение // возникло не сразу, / а складывалось веками.\ Первоначальной его основой // было произношение вост.-слав. племени кривичей/ (близкое к произношению славян новгородских), //т.е. имело севернорус. характер.\ ипод. В этом случае мы можем сказать, что актуальное членение данного текста является одним из основных средств осуществления внутритекстовой связи.

Каждое предложение в качестве темы выносит в препозицию уже известное, упомянутое ранее, новое содержание выражается в большинстве случаев предикатом с именными распространителями. Рематическая часть почти всегда членится на несколько смысловых составляющих, сама же коммуникативная организация данного текста является простой тема-рематической цепочкой с расчлененными ремами. Все составляющие ремы представляют собой в подавляющем большинстве случаев либо однородные субстантивные распространители предиката, либо дополнительно характеризующие конструкции, выраженные определительными оборотами и зависимыми определительными предикативными единицами.

Коммуникативная организация и актуальное членение составляющих пятый текст фрагментов соотнесены с его смысловым построением. Как обычно для научных текстов, тематическая часть каждого высказывания включает в себя при прямом, неинверсионном построении фразы блока подлежащего, а рематическая часть – предикат с субстантивными распространителями, которые и выражают новую для воспринимающего текст информацию. Исключения составляют лишь два первых высказывания, первое из которых построено как побудительное предложение, а второе как вопросительное. Такие единицы обычно называют нерасчлененными, с нулевой темой, так как они не выделяют исходного пункта сообщения (Ковтунова: 1976, с. 75). Все последующие части текста представляют собой две тема-рематические цепочки с простыми, связанными темами и многоступенчатыми рематическими частями: *Существительные // называют какие-то предметы,/ наделенные признаком,/ обозначаемым производящим прилагательным.\ Для словообразования// неважно,\ что эти существительные // называют определенные предметы,/ характеризующиеся признаком,/ обозначенным производящей основой (желток – 'часть яйца', желтяк – 'желтый огурец', храбрец – 'храбрый человек');* для

словообразования //важно лишь то, что эти существительные // обозначают 'нечто, /наделенное признаком', /'предмет – носитель признака', /а не 'признак в отвлечении от его носителя',/ как слова *желтизна* и *храбрость* и им подобные. Такая коммуникативная организация текста в большей степени характерна для описательного текста, а также для рассуждения-умозаключения, так как развернутое умозаключение и доказательство характеризуются более сложной многоступенчатой коммуникативной организацией. Мы полагаем, что, исходя из особенностей смыслового и коммуникативного построения, данный текст является сплавом описания и рассуждения-сопоставления.

Коммуникативная организация четвертого текста совпадает с его логическим построением, с динамикой и характером развития темы текста. Так, начальная часть текста представляет собой простую тема-рематическую последовательность, которая, однако, имеет свои особенности, выражающиеся в использовании инверсивного порядка слов (*Не используется метафора //в деловом дискурсе: законах, распоряжениях, уставах-запретах, инструкциях, правилах*), в вынесении в начальную позицию, точку отсчета, субстантивных распространителей (*Во всех случаях //метафора рано или поздно исчезает; Для указания на предмет речи //метафора слишком субъективна; для предиката/, содержащего сообщаемое, // метафора слишком неопределенна и неоднозначна*). Как видим, подобные конструкции компенсируются ниже традиционными с константной темой и различными рематическими частями. И, наконец, в финальной части, построенной как размышление, мы видим более сложную коммуникативную схему с гипертемой и сложными рематическими и тематическими блоками.

3.3.2. Логико-смысловая организация полиинтенциональных текстов

Прежде всего, следует отметить значительные различия между приведенными текстами. Так, третий текст представляет собой смешение описания и повествования. Как уже было отмечено в первой главе, собственно повествование нехарактерно для научного лингвистического текста по целому ряду причин. Основными из них являются следующие:

- повествование описывает ситуацию действительности как последовательную, актуализированную во времени смену действий и состояний;

- для повествования характерен такой способ межтекстовой связи, как согласование глагольных предикатов по времени и способу осуществления (протекания) действия;

- повествование в логико-смысловом плане существует в рамках фактуальной модальности уже свершившегося, или того, что, по мнению говорящего, неотвратимо должно произойти.

Данные признаки повествования находятся в отношениях частичной несовместимости с основными параметрами научного текста, в том числе и лингвистического, так как его предметом являются описания и доказательство или опровержения существования ментальных концептов, для которых реализация их функций в определенной временной последовательности мало актуальна. Поэтому говорящий при представлении процессов и состояний, реализующихся во времени, при сообщении о существовании определенной хронологической связи между этими явлениями стремится трансформировать подобную информацию как последовательное описание состояний, выражая временные отношения в большинстве случаев лексическими средствами. Именно это мы видим в третьем тексте. Текст начинается со строго определения, представленного конструкцией **S=O**, причем объект в данном случае не только конкретизируется, но приводится указание на его значимость (главную функцию) в общей системе. Далее следует подробное описание этого объекта через основные этапы его становления и развития. Последовательность этапов выражается в данном случае собственно лексическими средствами: *первоначально..., до 16 в., к 18 в., начиная с 18 в., в 19 в.* Переход от определения к такому хронологическому описанию осуществляется специальным предложением: *Московское произношение возникло не сразу, а складывалось веками.* Предикативные части предложений различны: с одной стороны – *было основой, было распространено, существовало* (то есть бытийные предикаты, соответствующие структуре **SV**, или **SVO**, где последняя лишь является позиционным вариантом первой из-за неполнозначности глагольного предиката, требующего субстантивного распространения); с другой стороны – *сохраняли, окали, укрепилось, стало господствующим* (действенные предикаты, соответствующие структуре **SVO**, в которой смысловым центром является именно глагольный предикат). Эта срединная часть данного текста наиболее близка к структуре повествования, так как все предикаты актуализируют форму прошедшего актуального и неактуального. Однако в последней части текста вновь осуществляется переход от повествования к описанию: исчезают глагольные формы прошедшего времени – *определяются, характеризуются...*; на первый план выходят характеризующие высказывания; об отдельных фактах сообщается в форме неактуального прошедшего, что сближает данное описание с сообщением. Помимо этого, включенные в структуру текста цитаты, иллюстрирующие излагаемый материал, подтверждающие его фактуальность, действительность существования, придают данному тексту также характер описания-сообщения. Исходя из сказанного, мы можем утверждать, что данный текст по доминирующей целеустановке, которая определяется, прежде всего, жанровыми особенностями макротекста (энциклопедия, научно-информационный подстиль), является развернутым описанием. В его структуре можно выделить как элементы определения, сообщения, так и элементы повествования.

Перейдем к рассмотрению второго текста. Этот текст представляет собой более сложную амальгаму типологически разнородных текстовых единиц, чем предыдущий. Основная цель данного текста – познакомить читателя с историей качественных прилагательных, следовательно, наиболее ожидаемой является описательно-повествовательная конструкция. Однако в результате мы имеем более сложную структуру явно рассуждающего плана, в которой можно отметить лишь отдельные структурные элементы, сходные с элементами описательно-повествовательного текста. Прежде всего, это относится к начальной части текста, формулирующей его тему. Тема данного текста заявлена в качестве тезиса: вместо ожидаемого характеризующего или бытийного высказывания перед читателем представлено оценочное суждение (ср. предикативный центр синтагмы – *хорошо согласуется*). Далее, по сути, характеризующее высказывание: *Именные и членные формы противопоставляются как определенные и неопределенные* формулируется в виде условия рассуждающей конструкции, выраженной безличной предикативной единицей. Логически выводимое следствие из данного условия – это функции именных и членных форм качественных прилагательных в древнерусском языке. Условная конструкция продолжается, дополняется причинно-следственной, превращая данное рассуждение в чрезвычайно сложную конструкцию, начальная часть которой представляет собой доказательство: тезис и аргументы, выраженные условно-допустимым суждением и связанной с ней причинно-следственной конструкцией. В соответствии со структурными и композиционными особенностями данного текста далее должен следовать вывод, обобщающий, конкретизирующий заявленное в тезисной части и логически представленное в аргументативной, однако далее следует высказывание, тесно связанное с начальной аргументативной частью: *Постепенное стирание первоначальных различий в морфологическом значении тех и других форм должно было иметь следствием их узальную дифференциацию...*; предикат данного предложения соотносит выводную часть с условно-допустимым аргументом, что выражено ирреальной формой глагольной части.

Однако далее текст-доказательство сменяется на текст-рассуждение, который и вводится представленной выше фразой и представляет собой цепь простых умозаключений, где каждое является следствием из предыдущего: *Постепенное стирание первоначальных различий в морфологическом значении тех и других форм должно было иметь следствием их узальную дифференциацию: \ (Поэтому) членная (местоименная) форма закрепляется как специфически атрибутивная, вытесняя в этой функции именную, сохраняющуюся только в функции сказуемого, \ следовательно, только в форме И. всех родов и чисел (коль скоро \ (так как) подлежащее, с которым она всегда согласована, может быть выражено именем любого рода и в форме любого числа, но только в И). \ (Таким образом, итак) Отсутствие именных флексий в косвенных падежах – характерная особенность*

словоизменения качественных прилагательных в русском языке, как литературном, так и в говорах. Отметим, что выводная часть данного текста не соответствует структуре простого умозаключения, а представляет собой силлогизм с опущенными посылками, повторение которых было бы излишним ввиду того, что все они так или иначе были изложены выше. Таким образом, перед нами сложное сращение доказательства с логически сложными аргументами (условно-допустимым и следствия) и развернутого рассуждения, представленного в виде простых умозаключений и силлогизма в финальной части.

Первый текст, в числе представленных, менее сложен, однако и он представляет собой сложнейшее единство описания-сравнения и рассуждения. Его смысловое единство определяется, прежде всего, коммуникативной целостностью, общностью, единством темы – историей именных форм. По своей структуре описание-сравнение напоминает сложную, центростремительную фигуру текстов-доказательств, так как начальный фрагмент, заявляющий общую тему, как бы обосновывает, оправдывает сравнение объектов. Начальное высказывание вводит то общее основание для сравнения, которое делает это сравнение оправданным, правомерным. Поэтому начальное предложение всегда является структурно сложным, содержит сразу несколько пропозиций. Собственно, сравнительная часть во многом схожа с аргументативной частью, так темы данных высказываний объединены общей гипертемой. С другой стороны, по смысловой структуре данные высказывания являются более простыми, чаще всего напоминающими характеризующие единицы описательного текста. Части, посвященные описанию сравниваемых объектов, хоть и различны по смысловому наполнению, что объясняется экстралингвистическими причинами, но все же имеют некоторую общую начальную часть, что естественно определяется характером сравнения: 1. *Эти формы полностью утрачены относительноными прилагательными.* 2. *Притяжательные прилагательные, напротив, до настоящего времени в разных синтаксических функциях используют именные формы...* 3. *Наконец, в разряде качественных прилагательных отражается функциональная дифференциация тех и других форм...* Причем, если характеризующее второй объект предложение дополняется собственно описательными, дополнительно характеризующими объект высказываниями, то высказывание, посвященное 3 объекту (качественным прилагательным), распространяется за счет рассуждающей конструкции, содержащей умозаключение с логической связью следствия. Такой переход – от сравнительного описания к умозаключениям – не нарушает живой ткани текста, так как автор излагает выводы в строгой последовательности, как бы имитируя тексты описания, в которых осуществляется последовательный ритмичный переход от одного признака к другому.

Пятый текст имеет много общего с первым текстом, так как в основе и одного и другого лежит сравнение, только в предыдущем тексте сравнение

выбирается автором как один из способов описания, а в данном случае сравнение избрано автором как один из способов доказательства. Начальная часть текста отвечает всем признакам текста-доказательства: введение, заявляющее тему – синтаксические дериваты; более конкретный тезис, сформулированный в виде вопроса, дающего основание к сравнению. Рассуждающая же часть текста построена в виде следующих друг за другом аргументов, построенных как минимальные умозаключения причины и следствия и соотносящихся друг с другом на основе противопоставления. Это, однако, не приводит к тому, что оба аргумента построены по одинаковой модели. Так, первый аргумент представляет собой синтаксически целое высказывание, а второй является синтаксически сложным, включающим в себя несколько синтаксисов, соединенных отношениями следования. В данном фрагменте текста отсутствует выводная часть, соответствующая структуре доказательства, формулирующая, обобщающая основную мысль текста, выдвинутую тезисом. Итоговое высказывание текста больше соотносится с выводной частью рассуждения-умозаключения, так как в нем содержатся следствия из конкретных, приведенных в тексте аргументов.

Четвертый текст является образцом наиболее типичного для научного стиля сплава рассуждения и описания. Как мы уже отмечали, любое описание в научном стиле отличается от описаний других стилей речи тем, что оно несколько формализовано, логически выстроено; при описании в научном стиле говорящий всегда стремится избежать случайных или неточных характеристик, представить полную научную картину на объект или какую-либо его часть. В данном тексте, имеющем структуру рассуждения, преобладает коммуникативное намерение, более свойственное описательным текстам. Так, первое высказывание текста формулирует тему, или основной тезис микротекста, но одновременно и постоянное свойство объекта. Аргументы, доказывающие сформулированный тезис, одновременно являются высказываниями, характеризующими объект описания: *Сущность метафоры (ее семантическая двуплановость) не отвечает первичным коммуникативным назначениям основных элементов предложения; метафора слишком субъективна; метафора слишком неопределенна и неоднозначна; С этим связаны стилистические ограничения на употребление метафоры; Не используется метафора в деловом дискурсе; Метафора несовместима с прескриптивной и комиссивной (относящейся к обязательствам) функциям речи; Метафора не встречается в вопросах.* Практически любое предложение данного текста является характеризующим основные свойства и функции объекта описания. Текст, однако, имеет центростремительную структуру, что характерно для текстов-рассуждений; изложение материала практически ни разу не нарушает этого построения, ни разу не разбивается на составляющие; тема высказывания практически всегда постоянна за исключением лишь финальной части текста, в которой автор особо рассматривает функции

метафоры в научных текстах, при формировании научных определений и концепций. Именно поэтому последнюю часть текста можно признать полностью отличной, так как в данном случае можно отметить последовательное, а не центростремительное продвижение темы, однако даже этот фрагмент вводится особым предложением, который опять-таки задает микротему, сформулированную как микротезис: *Вместе с тем метафора играет большую роль в формировании концепций и научной терминологии...*; а примеры, иллюстрирующие данное высказывание можно интерпретировать как аргументы, доказывающие его: 1) *основанные на аналогии ключевые метафоры определяют стиль мышления...* 2) *Смена научных парадигм сопровождается сменой ключевой морфемы.* Приводимые в каждом конкретном случае примеры не только убедительно аргументируют основную мысль говорящего, они связаны с ними отношениями логического следования, так как иллюстративный материал в научном тексте близок по функции к цитированию.

3.3.3. Структурно-синтаксические особенности интенциональных текстов

К структурным особенностям первого текста следует отнести относительную сложность первого фрагмента, неравнозначность описательных частей, наличие специальных лексических единиц, эксплицирующих как процесс сравнения объектов: *напротив, наконец*; так и отношения следования: *следовательно, потому...* Помимо этого, нужно заметить однородность предикатов синтаксисом данного текста, в подавляющем большинстве случаев они выражены полными глагольными единицами: *восстанавливается, обнаруживает, используют, продолжают оставаться, сохраняются*, что сближает данный текст с текстами-повествованиями.

Синтаксическая структура второго текста представляется еще более сложной. Относительной простотой в данном тексте характеризуется лишь его начальная часть, представляющая собой оценочное характеризующее суждение. Аргументативная часть текста, выраженная условно-допустимой конструкцией, включает в себя помимо допущения, сформулированного инфинитивной безличной конструкцией, еще и причинную, и выводную (следствия): *Если признать первоначальное противопоставление именных и членных форм как "неопределенных" именные) и подчеркивающих известность признака (членные), || то естественно, что последние могли употребляться только в функции определения, || ибо сказуемое - это всегда новое в высказывании, || следовательно, в функции сказуемого членная форма была невозможна.* Автор попытался соединить в едином высказывании сразу три различных умозаключения, три различных способа логических отношений, причем причинно-следственные отношения он пытается трансформировать в условно-допустимые. Второй аргумент доказательства

имеет более ясную структуру и представляет собой причинную конструкцию, изложенную в соответствии с естественным логическим порядком: причина – следствие. Связь между двумя аргументами осуществляется прежде всего на уровне лексическом и семантическом (повторы), о параллелизме конструкций в данном случае не может быть и речи. Переход от аргументативной части к типологически и структурно отличной, рассуждающей, осуществляется с помощью высказывания, в котором ирреальное наклонение предиката как бы соотнесено с допущением первого аргумента. Далее следуют высказывания, представляющие реальные факты, связанные между собой отношениями причины и следствия. Структура этих предложений соответствует структуре фактуальных высказываний, обозначающих ситуацию действительности – SV.

Структурно-синтаксическая организация третьего текста, также, как и его коммуникативная организация в целом, соответствует синтаксической структуре определительных текстов: большинство структурных единиц данного текста являются простыми или сложными предложениями характеризующего типа, распространенными за счет нескольких приглагольных распространителей именного типа, атрибутивных распространителей, выраженных зависимым предложением или определительным оборотом. Лишь в той части текста, в которой актуализируются глагольные формы прошедшего времени, можно обнаружить некоторые отличия в синтаксической организации текста. Например, *Однако в Москве среди населения, пришедшего с юга и востока, было распространено и акающее произношение, которое постепенно укрепилось и к 18 в. стало господствующим.* Так, наряду с настоящим вневременным, которое абсолютно нейтрально к осуществлению внутритекстовой связи между предложениями, а также прошедшим повествовательным (неактуальным), которое в подобных текстах обозначает лишь фактуальность, действительность совершения действия (процесса) в прошлом в интерпретации говорящего, в ряде предложений мы встречаем прошедшее законченное, для данного текста актуальное. Ср: *постепенно укрепилось (при более ожидаемом – постепенно укреплялось), разгорелись споры...* Однако помимо отмеченных особенностей представленный текст не содержит других характерных черт: все предложения имеют сходную структуру, в ряде случаев в качестве межтекстовой связи используется инверсия (*Окал Иван Грозный...*), вынесение в препозицию временных распространителей (*В 18 в., к 19 в.*) и под.

Структурно-синтаксические особенности четвертого текста определяются его типологическими свойствами. В основном текст состоит из довольно простых синтаксем, конструкций с характеризующей предикативной частью. Чередования простого и инверсивного порядка слов, однотипность повторяющихся конструкций создает определенный ритм, свойственный обычно описательным конструкциям.

Необходимо отметить и собственно структурные особенности пятого текста. На наш взгляд, основное его отличие в нерасчлененности его начальной части: *Присмотримся внимательнее к семантике существительных – синтаксических дериватов. Что значит желтизна сравнительно с желтый или храбрость по сравнению с храбрый?* Такое начало не характерно для научного текста, однако вполне объяснимо его жанровыми особенностями. Этот текст взят из учебника и адресован студентам, то есть лицам, обладающим меньшей компетенцией в отличие от автора текста. Так выстраивая вступительную часть текста, авторы хотели «разорвать монотонность повествования» путем прямого обращения к собеседнику, что в большей степени характерно для разговорных жанров или публицистики. Остальная часть текста выстроена традиционно: в тексте представлены все основные типы отождествляющих и характеризующих суждений типа **SVO**, **VO**, **S=O** с прямым и обратным порядком следования объектов.

Таким образом, полиинтенциональные тексты бывают различного свойства. Можно говорить о текстах описаниях-повествованиях, доказательствах-рассуждениях, описаниях-рассуждениях. И те, и другие, и третьи характеризуются особой смысловой и коммуникативной организацией, в структуре которых можно отметить сочетание элементов, характеризующих обе типологические разновидности. Однако для каждого текста можно выделить и доминантную интенцию, соответствующую либо описанию, либо рассуждению. На наш взгляд, это объясняется тем, что для достижения наибольшей убедительности в изложении материала автор части избирает иную форму смысловой организации материала, не соответствующей основной интенции. Отметим, что нами практически не отмечены тексты, в которых сочетаются отдельные элементы определения или доказательства, то есть текстов наиболее жесткой структуры, отступление от «канонов» которой приведет к разрушению общей коммуникативной и смысловой организации композиции текста.

ГЛАВА 4. СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРОВ

4.1. Общая характеристика употребительности описательных и аргументативных текстов

Каждый жанр лингвистической литературы имеет особую макроструктуру, под особенностями которой традиционно понимают преобладание той или иной типологической разновидности микротекста, участвующей в его построении. Так, Е.С.Троянская (1985, с. 189-201) подразделяет научные тексты на фиксирующие (1), расширяющие (2) и изменяющие (3) дисциплинарное знание. Первые и вторые опираются на повествование и описание, третьи – на рассуждение. Применительно к основным жанрам научной литературы данная классификация прилагается следующим образом: основные жанры – монография, статья, диссертация – базируются на описании и повествовании, а жанры дискуссии, рецензии, теоретической статьи – на рассуждении. Сходной точки зрения придерживаются и другие исследователи (Мальчевская: 1978; Васильев: 1978), полагающие, что именно жанр произведения предполагает преобладание той или иной типологической структуры в макротексте.

Для подтверждения или опровержения данной точки зрения мы провели статистическое исследование текстов. В качестве источников послужили научные монографии (коллективные и авторские), учебники и учебные пособия, энциклопедические словари, научные статьи, тезисы. В общей сложности в рассмотрении были включены:

Монографии – В.В.Виноградов: "Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1972"; Русская грамматика [Под ред. Н.Ю.Шведовой] – **РГ-80**, т. 1. – М. 1982; Русская грамматика [Под ред. Н.Ю.Шведовой и В.В.Лопатина] - **КРГ-90**. – М. 1990; Теория функциональной грамматики (Темпоральность. Модальность) [Под ред. А.В.Бондарко] – **ТФГ**; В.Н.Телия: Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М., 1996.

Учебники – Современный русский язык [Под ред. В.А.Белошапковой], 1-е изд. - М., 1981; А.Н.Гвоздев: Современный русский литературный язык, ч. 1, - М., 1958; В.В.Иванов: Историческая грамматика русского языка, 2-е изд. - М., 1983; Г.А.Хабургаев, К.В.Горшкова: Историческая грамматика русского языка, 1-е изд. - М., 1981.

Словари-справочники – Русский язык: Энциклопедия, 1-е изд. - М., 1979; Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990.

Сборники статей и тезисов – Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения В.В.Виноградова - М., 1985); Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания. - М., 1990; Пражский лингвистический кружок. - М., 1967.

Одной из основных трудностей при проведении статистического анализа является применение единого критерия к вычленению микротекста. Согласно определению микротекста, таким критерием является коммуникативная и тематическая целостность, а также синтаксическая и семантическая связность. Однако с этой точки зрения для монографии или учебника, например, такой единицей должен явиться параграф – элементарная единица организации крупных научных жанров. С другой стороны, параграф также делится как на абзацы, так и на целостные в смысловом отношении фрагменты, по объему иногда и превышающие абзац. Приведем несколько примеров:

1) Понятие "падеж" (перевод с греческого *ptosis*), по-видимому, взято из практики игроков в кости: это "падение" брошенной кости той или другой стороной кверху. Падеж – это форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи. Круг формы склонения, падежных словоизменений, присущих разным типам имен, ограничен. Уже соотносительность системы падежей у местоимений, имен существительных, числительных и прилагательных, несмотря на разнородность функций падежа в каждом из этих классов неизбежно ведет к морфологическому ограничению склонения. Между тем круг значений падежной формы у существительных все расширяется. В падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности. Тут объединяется множество грамматических категорий, выражающих семантические оттенки пространственных, временных, притяжательных, причинных, целевых и других отвлеченных отношений. Формы и функции падежей соотносительны с грамматической системой предлогов, с присущими им значениями. По выражению К.С.Аксакова, "значение предлогов объясняет и подтверждает (оправдывает) значение падежей". "В падеже выражается и осуществляется, определяется предлог". Сочетания с предлогом расширяют и обогащают разнообразными смысловыми оттенками круг значений падежной формы. Кроме того, двойственность употребления (беспредложного и предложного) падежной формы ведет к богатой синонимике падежных конструкций (Виноградов: Категория падежа // Русский язык... - М., 1972, с. 139).

2) При общем ориентационном характере темпоральности и персональности между этими категориями имеется существенное различие. Темпоральность – "векторная" категория, т.е. категория, характеризующаяся определенным направлением. Векторный характер темпоральных отношений проявляется также в том, что они могут характеризоваться численным значением. Что же касается семантики персональности, то она не имеет признаков вектора. Эта семантика заключается в указании на лица как "персональные субстанции" или "персональные множества". Семантика лица не характеризуется

определенным направлением (в том смысле, в каком мы говорим о направлении в сторону прошлого или в сторону будущего по отношению к моменту речи). Семантика лица не может характеризоваться численным значением (в том смысле измеримости, который имеется в виду, когда речь идет о времени, ср. Закончили эту работу два года тому назад; закончим через год и т.п.): отношение к 1-му или 2-му лицу не имеет численного значения (ТФГ: 1990, с. 7).

3) Словообразовательная мотивация – это отношение между двумя однокоренными словами, значение одного из которых либо а) определяется через значение другого (дом - домик 'маленький дом', победить - победитель 'тот, кто победил'), либо б) тождественно значению другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи (бежать - бег, белый - белизна, быстрый - быстро).

4) Мотивирующее слово может быть в свою очередь по отношению к другому слову мотивированным. Например, слово учитель по отношению к слову учительница - мотивирующее, а по отношению к слову учить - мотивированное. Такие слова составляют словообразовательную цепочку: учить - учитель - учительница (РГ-80: т. 1, с. 133).

Сложным, по нашему мнению, является определение границ микротекстов центробежной структуры. Из приведенных примеров становится ясным, что третий и четвертый тексты достаточно просто вычлениваются из структуры общего текста параграфа, так как первый представляет собой дефиницию, а второй умозаключение, они отличаются жесткой центростремительной структурой. Первый и второй тексты по типологии представляют собой весьма сложное образование; первый можно отнести к описанию-сообщению, второй – к полиинтенциональному тексту, так как он содержит в себе признаки сравнения и описания. Первый, второй и четвертый тексты по величине равны абзацу, третий текст в макроструктуре параграфа занимает положение меньшее, чем абзац. Есть примеры того, когда один микротекст занимает несколько абзацев, это относится, прежде всего, к сравнениям и доказательствам.

5) Итак, между понятиями относительного времени и таксиса существуют отношения трех типов: данный языковой факт представляет собой а) относительное время, но не таксис; б) таксис, но не относительное время; в) относительное время и вместе с тем таксис.

В целом относительное время - более узкое понятие, чем таксис. Как уже было сказано, относительное время предполагает, что в роли центра временного дейксиса не выступает (непосредственно) момент речи. Таксис же связан с указанным ограничением: он выражается как при относительной временной ориентации одного из предикатов (таковы, в частности, конструкции с деепричастиями), так и при абсолютной временной ориентации всех членов непредикативного комплекса (ТФГ: с. 18).

б) Понятие значения чаще всего воспринимается как лингвистический концепт, получающий ту или иную онтологизацию в зависимости от того,

что считается значением. Об этом свидетельствует и приведенный выше обзор развития фразеологии: от постулируемых признаков содержания и их специфических черт зависит и его определение.

Так, если авторы исходят из соизмерения значения идиом от свободного сочетания слов (что характерно для подавляющего большинства фразеологов виноградской школы), то в экстенционал концепта "значение" не входят номинативные, а вместе с тем и коммуникативные ипостаси значения. При таком подходе устанавливается разница между содержательной стороной двух сущностей, совпадающих по лексико-грамматическому (т.е. "поверхностному") составу - между свободным сочетанием слов и переосмысленным. И эта разница рассматривается как значение. Иными словами, операции с планом содержания проводятся через сопоставление того смыслового содержания, которое падает на долю слов-компонентов идиом и значения слов-компонентов свободного сочетания слов, а определение специфики плана содержания идиом целиком и полностью зависит от манипулирования этими компонентами (Телия: Семантика и прагматика фразеологизмов-идиом // Русская фразеология. - М., 1996, с. 87-88).

Таким образом, микротексты разной структуры абсолютно по-разному функционируют в тексте: одни из них, с жесткой центробежной структурой, составляют "строительный материал" текста (сообщения, описания), другие же, с центростремительной структурой, являются "связующей тканью" текста, связывают воедино интенционально и структурно различные тексты (определения, доказательства).

На первом этапе нами был проведен анализ составляющих композиционных форм монографических текстов, в результате чего подтвердился тезис о том, что структура монографии основывается на описательных текстах. Методика статистического анализа была следующей: весь макротекст разбивался на микротексты на основе указанных критериев, а также с применением ряда дополнительных – наличие "твердого" начала, абзац; затем оценивалась форма микротекста – описательная, аргументативная и полиинтенциональная, проводился подсчет как общего числа композиционных форм, составляющих исследуемый макротекст, так и их дифференциация. Основная цель такого исследования – выявить не только степень частотности тех или иных текстовых форм в научной лингвистической литературе, но и попытаться определить функциональную "загруженность" этих форм в различных жанрах.

Так, соотношение описательных и аргументативных текстов в РГ-80 (т.1) составило 78% – 22 %, что, на наш взгляд, закономерно, так как данная монография представляет собой развернутое описание русского языка, рассматривающее как норму, так и особенности разговорного употребления. Коллективный автор работы преследовал одну общую цель – сформировать абсолютно полное на данный момент знание об объекте, обобщив все имеющиеся сведения о нем, разграничив норму, узус, основные тенденции

развития. Вводные главы разделов, излагающие основные понятия, состоят, как правило, из текстов двух типов – описания-определения и описания-сообщения. Крайне редко встречаются тексты-рассуждения:

Слово, не являющееся стилистически нейтральным, не может быть мотивирующим, если сопоставляемое с ним слово стилистически нейтрально. Поэтому, например, образования типа гуманитар, корабел (разг.) мотивированы прилагательными гуманитарный, корабельный, а не наоборот, несмотря на большую формальную сложность прилагательных. (РГ-80: с. 133).

По нашим подсчетам, тексты-рассуждения встречаются в большинстве случаев только в вводных главах, в финальной части. В последующих главах раздела, описывающих отдельные фрагменты объекта, наиболее частотны описательные тексты типа сообщения, или развернутое описание. Микротексты отличаются обилием иллюстративного материала, который органично вплетается в ткань высказывания, не образует структурно самостоятельных топиков, за исключением таблиц, представляющих материал в обобщенной форме.

В КРГ-90 представлено сжатое описание грамматического строя современного русского литературного языка, опирающееся на норму. Однако в силу того, что КРГ-90 адресована не только специалистам (в отличие от РГ-80), но и изучающим русский язык, а также и представителям смежных специальностей, она существенно отличается и по внешней, и по внутренней структуре. Сравним структуру обеих книг: РГ-80 состоит из Введения и Основных разделов, Основные разделы делятся на главы, которые состоят из вводной главы, представляющей основные понятия, и глав, содержащих описание собственно языкового материала. Главы делятся на параграфы, параграфы на микротексты. В такой структуре нет ничего необычного, она свойственна всем монографическим исследованиям, не только лингвистическим, но и других специальностей. КРГ-90, имея ту же структуру, отличается по внутритекстовым особенностям: вводная глава раздела опирается на развернутое описание и описание-сообщение, здесь гораздо реже встречаются микротексты-определения, чаще всего они являются составной частью развернутого описания.

В целом текст КРГ-90 напрямую соотнесен с текстом РГ-80, имеет прямые текстовые совпадения, но отличается большей компрессией. Текстовая структура глав, представляющих отдельные фрагменты объекта описания, чрезвычайно проста и однообразна. В большинстве случаев они состоят из элементарных характеризующих суждений типа сообщения и особым образом организованных иллюстративных материалов. Тексты-рассуждения практически отсутствуют в этих главах, даже если в тексте рассматривается семантическое содержание какой-либо грамматической категории, а также и способы выражения определенных значений, рассуждения чрезвычайно редки, чаще всего в начальной части такого текста представлены высказывания смешанной типологии, например:

Значение падежа - это значение отношения имени к другому слову в составе словосочетания или предложения. Это - общее определение, опирающееся на позицию падежа при слове: читаю книгу, жизнь в городе, десять часов утра, час рассвета. Однако падежная форма имени может занимать не только присловную позицию. Во-первых, существуют позиции, в которых падеж относится к предложению в целом, определяет собою сразу весь состав предложения: В городе много зелени; У школьников начались каникулы; Инженеру предстоит командировка. Во-вторых, позиции сказуемого и подлежащего в строгом смысле также не являются позициями при слове. Следовательно, в языке существует отношение падежа к слову и отношение падежа к синтаксической конструкции в целом либо к какому-либо члену этой конструкции (КРГ-90: Значение падежей, 1990, с. 161).

Следует особо подчеркнуть, что обе монографии имеют чрезвычайно прозрачную структуру и по языковым характеристикам сближаются со справочными пособиями различных типов, так как в них в развернутой либо компактной форме декларируется комплекс сведений, которые адресату следует воспринимать как объективно существующие, верифицированные, истинные, так как эти тексты отличаются фактуальной модальностью. Таким образом, в КРГ-90 соотношение описательных и повествовательных текстов приближается к соотношению в РГ-80 и равно отношению 88% описательных текстов и 12% аргументативных текстов.

В.В.Виноградов в своем уникальном исследовании о русском языке стремится не только наиболее полно представить объект исследования - грамматический строй русского языка, но и объяснить закономерности развития и формирования отдельных грамматических категорий, рассматривая их в широком контексте исторического, в отдельных случаях диалектного материала. Это бросающееся в глаза отличие последней монографии обусловлено, на наш взгляд, прежде всего индивидуальной авторской концепцией исследования, личностными качествами автора: энциклопедизмом, особым подходом к представлению материала. По нашим наблюдениям, авторские монографии, или исследования одного автора, всегда отличаются большей вариативностью структуры, большей свободой в представлении исследуемого объекта, что всегда связано с двумя факторами: концептуальностью работы (так как в авторской монографии наряду с объектом исследования зачастую представляется, отстаивается особая концепция его рассмотрения) и вариативностью индивидуального представления языковой личности. Коллективные монографии всегда более строги, схематичны, так как в основе их всегда лежит общая концепция и жанровый стереотип, который представляет собой инвариант индивидуальных представлений о содержании и форме текста.

"Русский язык..." (1972) В.В.Виноградова адресован и специалистам, и учащимся. Во внутритекстовой структуре глав явно преобладают тексты-рассуждения и тексты полиинтенциональные - описания-сравнения и описания-рассуждения. Указанные отличия проявляются также и в

содержании параграфов, в которых автор рассматривает не набор форм с соответствующим им значением, но, прежде всего, историю формирования и становления определенной грамматической категории в русском языке, а также и различные способы выражения этой категории в речи.

В самом деле, у всех существительных женского рода на –а, у всех существительных среднего рода, а также у всех существительных женского рода на мягкий согласный с неподвижным ударением, наконец, у большей части слов мужского рода есть только одно окончание предложного падежа. Оно семантически опустошено. Оно наблюдается при любом предлоге, например: в воде, на воде, при воде, о воде. Следовательно, здесь различие падежных значений определяется различием предлогов. Здесь намечается столько же падежных категорий, сколько различается предлогов в составной предложной форме. Однако только полное разрушение флексии дало бы для всех очевидное, неоспоримое право говорить о разных самостоятельных предложных падежах с особыми синтаксическими функциями (ср.: о пальто, на пальто, в пальто, при пальто и др. под.). В современном же языке разные категории предложных падежей еще не вполне выкристаллизовались. Но две из них – 1) с префиксом о в изъяснительном употреблении и 2) с в и на в местном значении (ср. функции при) – обозначились более явственно. Разграничение функций, определение круга употребления разных форм «предложного» падежа – задача синтаксиса (Виноградов: Категория падежа // Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М., 1972, с. 144).

Таким образом, мы можем отметить принципиальные различия в структуре текстов параграфов Краткой и полной русских грамматик, с одной стороны, и монографии В.В.Виноградова, с другой. Эти различия выражаются в доминанте описания в первых двух макротекстах и явном преобладании рассуждений различного типа, а также полиинтенциональных текстов (рассуждение + описание-сообщение) в книге В.В.Виноградова «Русский язык...». Отметим, что соотношение описательных и аргументативных текстов в последней составляет приблизительно 50% на 50%. Структуру параграфа можно представить следующим образом: вводная часть (описание-определение или описание-рассуждение), основная часть (чередование развернутых рассуждений с определениями-сообщениями, содержащими, в основном, иллюстративный материал) и финальная часть (рассуждения в виде доказательства или умозаключения). Столь значительные отличия в макроструктуре параграфов, в сочетаемости микротекстов различной типологии можно объяснить следующими причинами: отмеченными выше прагматическими различиями (количество авторов текста – один или несколько; характеристика адресата текста – специалист или студент; различные интенции авторов); не зависящими от прагматики текстов причинами – различные объекты исследования (описание форм и описание категорий).

ТФГ, как и все монографии, представленные выше, состоит из разделов (в данном случае томов), глав и параграфов; первый параграф главы также содержит вводные вступительные замечания, последующие параграфы представляют собой рассмотрение ядерных и периферийных компонентов функционально-семантической категории, рассматриваемой в главе. Вводный параграф состоит по большей части из описаний-определений, за которыми следует описание-сообщение, содержащее дополнительные сведения об объекте, расширяющее круг сведений о нем, приведенный в определении. Сравнение, сопоставление вводимых понятий может быть рассмотрено в текстах-рассуждениях различного типа, которые по большей части представляют собой умозаключения с представленными в них отношениями причины и следствия. Функциональные особенности употребления тех или иных типов речи таковы: в начальной части параграфа преобладают описания-определения, чередующиеся с описаниями-сообщениями, в финальной части параграфа, формирующей проблематику главы, более часты сравнения и рассуждения с имплицитными, скрытыми отношениями причины и следствия.

Параграфы, рассматривающие конкретные категории, строятся по тому же принципу, что и вводный, с тем лишь отличием, что вместо определений чаще всего представлены сообщения, содержащие иллюстративный материал:

Ситуативно неактуализированная речь выступает в тех случаях, когда нет непосредственной связи содержания высказывания с речевой ситуацией, в частности с позицией говорящего (пишущего) в момент речи. Такова, например, авторская речь в следующем тексте: Пройдя мимо скамьи, на которой помещались редактор и поэт, иностранец покосился на них, остановился и вдруг уселся на последней скамейке, в двух шагах от приятелей (М.Булгаков) (ТФГ: с. 11)

Во второй части параграфа сообщения чередуются со сравнениями, так как здесь рассматривается не содержание и проявление какой-либо категории, а тип ее отношений с другими понятиями. Таким образом, можно отметить, что тексты-рассуждения не столь частотны в структуре параграфов ТФГ, они не всегда представлены в заключительной части, так как чаще всего заключительный микротекст выступает в качестве экспозиции для следующего параграфа, однако они всегда представлены на месте обобщающего фрагмента, выполняющего важную композиционную функцию – объединение нескольких микротекстов-сообщений. Особенностью текстов-рассуждений в данном макротексте является имплицитность причинно-следственных отношений, которая чрезвычайно уместна в данной монографии, так как в данном случае внешне сохраняется фактуальная модальность всего высказывания, служащая для постулирования основных суждений текста.

Итак, на наш взгляд, ни трактовка значения форм настоящего времени на основе идеи беспризнаковости, немаркированности, ни

интерпретация значения этих форм на базе семантики одновременности с моментом речи не могут достаточно убедительно объяснить языковые факты, охватываемые функционированием форм презенса. Трудности, с которыми сталкивается, в частности, трактовка значения презенса как значения актуального настоящего времени, на наш взгляд, лишней раз свидетельствуют в пользу менее жесткой, т.е. более широкой интерпретации презенса, изложенной в начале этого раздела. Категориальное значение рассматриваемых форм – это значение "неквалифицированного настоящего", значение современности в широком смысле – та системная основа, на которую накладываются элементы среды, дающие во взаимодействии с этой основой такие частные функции, как настоящее актуальное, настоящее историческое, настоящее в контексте будущего, настоящее узальное, гномическое и т.п. (ТФГ: с. 31).

Соотношение описательных и аргументативных текстов в данной монографии следующее: 63% – описания и 37% рассуждения и полиинтенциональные тексты с аргументативной доминантой.

Монография В.Н.Телии "Русская фразеология" обладает той же структурой, что и упомянутые выше, однако ее отличает отсутствие строгого деления на параграфы, которое свойственно многим исследованиям данного жанра. В качестве основных структурных частей глав данной работы выступают различные типологические единицы текста – описания, рассуждения и полиинтенциональные тексты. Они следуют друг за другом в соответствии с логикой рассмотрения объекта, и выделить преобладающие представляется возможным лишь на основе статистического анализа; они таковы - описательные тексты составляют 43,5%, аргументативные – 56,5%.

Если попытаться определить функции и позиции текстов различной типологии в структуре главы, то вырисовывается следующая картина: каждое новое положение текста вводится текстом-сообщением, затем может следовать текст-определение или дефиниция, которые более четко детализируют понятия; любая же операция с новым понятием или положением проводится автором в рассуждении. Довольно-таки сложная постоянная смена разнородных текстов связана с отсутствием членения главы на параграфы, выделение которых придает структурную целостность и четкость макротексту. Отсутствие параграфа в композиции работы дает больше свободы автору, помогает ему более свободно переходить от одной смысловой части к другой, что, однако, затрудняет восприятие целого текста, создает дополнительные сложности читателю. Привычная структура является текстовым стереотипом, которая превращается в навык восприятия, способствует общепонятности информации вследствие стандартизации ее формы. Как видим, именно в различного рода авторских монографиях наблюдается частое отступление от структурных жанровых стереотипов, что выражается отчасти и в несколько ином способе организации макротекста, смысл таких отклонений в стремлении показать движение авторской мысли от главного к частностям, от частных к главному; такой способ

организации текста целенаправлен, таким способом автор стремится увлечь читателя, сделать его соучастником процесса осмысления объекта.

Таким образом, можно отметить, что монография представляет собой чрезвычайно вариативный жанр, структура которого во многом определяется намерением автора – представить объективно существующую картину или существенным образом расширить или изменить знания об объекте; в зависимости от этого находится и соотношение аргументативных и описательных текстов. В целом соотношение текстов той или иной типологии в монографиях представлены в следующей таблице:

Таблица № 1

Название монографии	Количество описательных текстов		Количество аргументативных текстов	
	Число	Процент	Число	Процент
РГ-80	2993	78%	840	22%
КРГ-90	1416	88%	192	12%
«Русский язык...»	748	50%	743	50%
ТФГ	621	63%	355	37%
«Русская фразеология»	351	43,5%	455	56,5%
Всего (средний процент)		64,5%		35,5%

Итак, можно предположить, что отмеченные отличия в макроструктуре монографического жанра – преобладание текстов-описаний по сравнению с текстами других типов, с одной стороны, и последовательное сочетание типологически различных текстов в равных пропорциях, с другой, обусловлено не столько тематической спецификой работы (рассмотрение материального объекта или нематериального концепта), не столько прагматическими особенностями жанра, сколько степенью проявления автора, авторской позиции в макротексте, степенью его абстрактизации, которая, как известно, является неотъемлемым свойством научного стиля речи. Вполне логично, что отстранение автора, попытка максимально "раствориться" за содержательной тканью высказывания, более свойственна коллективным монографиям, где в качестве субъекта речи действительно выступает коллектив, группы людей, объединенных общей идеей, общими взглядами, общей концепцией.

В монографии одного автора такая объективация вряд ли возможна вследствие стремления субъекта отождествить себя с группой лиц, в том числе и с возможными читателями текста, и в этом смысле тексты-рассуждения, или полиинтенциональные тексты с элементами рассуждения способны этому, так как процесс мышления, выведения нового знания не скрывается за результатом – новой научной информацией; он подвергается объективной оценке, верификации на глазах читателя, что не только уничтожает границы между субъектом и объектом речи, но придает тексту те эмотивно-оценочные смыслы, которые, как нам представляется, придают тексту большую иллюкативную силу, активизируя процесс восприятия.

Однако здесь возможно и еще одно объяснение отмеченных различий, которое кроется в различных подходах автора к раскрытию темы: там, где одни видят факт, другие могут увидеть проблему, что и выражается в соответствующей организации текста.

Структура учебника во многом повторяет структуру монографии. Для анализа мы отобрали несколько разнородных учебников. С одной стороны, это учебники, следующие "классической модели", то есть представляющие и систематизирующие знания – А.Н.Гвоздев "Современный русский литературный язык"; В.В. Иванов "Историческая грамматика русского языка"; с другой стороны, это учебники нового поколения, в которых авторы с максимальной полнотой постарались продемонстрировать путь получения нового знания, совместить представление материала с концептуальностью, проблемностью изложения - Современный русский язык [Под ред. В.А.Белошапковой]; К.В.Горшкова, Г.А.Хабургаев "Историческая грамматика русского языка". В целом статистический анализ показал, что структура этих учебников мало отличается друг от друга, а построение текстов в учебной литературе в целом повторяет их композиционную организацию в монографическом жанре. Наглядно это можно увидеть в таблице № 2.

Таблица № 2.

Название учебника	Количество описательных текстов		Количество аргументативных текстов	
	Число	Процент	Число	Процент
А.Н.Гвоздев СРЛЯ	763	67%	381	33%
В.В.Иванов ИГРЯ	628	66%	322	34%
СРЯ (Под ред. В.А.Белошапковой)	824	64%	456	36%
К.В.Горшкова, Г.А.Хабургаев ИГРЯ	542	53%	481	47%
Всего (средний процент)		62,5%		37,5%

Таким образом, можно предположить, что анализ текстов монографического жанра в достаточной степени представительно отражает соотношение описательных и аргументативных текстов в лингвистической научной литературе, а также и относительную доминанту описательных текстов в данной научной области.

Однако мы решили проанализировать и структуру малых научных жанров – статей и тезисов. Для анализа были избраны 2 сборника статей, а также весьма оригинальный по жанровой структуре сборник тезисов Пражского лингвистического кружка. Их анализ показал, что "малые жанры" существенным образом отличаются от "больших".

Изучение входящих в сборники статей, разнообразных и по тематике, и по способу осмысления действительности, дало основание утверждать, что макроструктура статьи сводится в конце концов к схеме, соответствующей различным видам умозаключения. Начало статьи, ее вводная часть, представляет собой чаще всего цепь описаний-сообщений, которые вводят читателя в круг проблем, ряд сообщений содержат иллюстративный

материал, часто в виде цитат и отсылок к другим текстам. Эти микротексты играют роль посылок, которые позволяют автору сформулировать проблему в виде умозаключения – текста-рассуждения. Поэтому в основной части статьи преобладают микротексты-рассуждения различного типа (умозаключения, доказательства, описание + рассуждение, сравнение + рассуждение), заключительная часть может быть сформулирована как в виде развернутого определения, так и в виде доказательства. Приведем в качестве примеров несколько статей.

Статья О.П.Ермаковой "О синтаксической обусловленности и синтаксической подвижности метафор" (Филологический сборник. - М., 1985, с. 142-148) по своей структуре близка к структуре доказательства. Роль тезиса в этой статье выполняет структурная часть, представляющая собой несколько описаний-сообщений, вводящих проблему, и нескольких рассуждений, ее формулирующих. Функции аргументов выполняет иллюстративный материал, организованный в виде описательных микротекстов. В финальной части статьи вывод формулируется как заключительная часть текста-доказательства, обобщающая сказанное.

Статья Р.Ф.Касапкиной "О южнорусском диссимилятивном аканье" (там же, с. 220-228) более близка к простому умозаключению: так, цепь текстов-описаний, следующих друг за другом, выполняет функцию посылок, каждая из них дополняется большим иллюстративным материалом, который приводится в таблицах; вывод формулируется в виде причинно-следственного суждения. Вторая теоретическая часть статьи, по сути, повторяет первую: посылки - тексты-описания и вывод - тексты-рассуждения.

Данные статьи значительным образом отличаются по тематике: первая из них рассматривает возможные, предполагаемые автором отношения, вторая - конкретные языковые явления. Однако и в том, и в другом случае доказательство строится на иллюстративном материале, который является неотъемлемой композиционной частью статьи, а также на отсылках к другим текстам, авторитетность которых либо подтверждается автором, либо ставится под сомнение.

Все имеющиеся в данном сборнике статьи соответствуют описанному типу независимо от темы и подхода автора. Так, статья Ю.Н.Караулова "Еще один аргумент" (там же, с. 209-219) резко отличается от других не только по заявленному названию, в котором отсутствует указание на тему исследования, но и по языку, по структурному оформлению микротекстов. Прежде всего, в тексте присутствует субъект речи, указания на который имеются в синтаксической структуре предложений в виде личного местоимения 1 лица единственного числа – Я; помимо этого, в тексте упоминается и адресат, указания на который содержатся в синтаксисе в виде личного местоимения 1 лица множественного числа – МЫ, что крайне нехарактерно для научной речи. Таким образом автор не только сознательно нарушает стилевые нормы, так как субъект научного текста – лицо

абстрактное. Автор сознательно "уничижает" объективную значимость положений текста, предпочитая им субъективные оценки субъекта и адресата речи, основанные все же на логических законах. Все это обязывает автора в изложении придерживаться известных логических структур, в данном случае умозаключения. Сначала он вводит читателя в проблему, представляя ее как цепь описаний, затем приводит посылки, которые выстраивает строго продуманным способом, так, чтобы каждая из них сама подводила читателя к выводу, и наконец, формулирует вывод в виде микротекста-рассуждения.

Как видим, макроструктура статьи по лингвистике имеет достаточно четкую структуру, которая в основе своей опирается на различные логические структуры, где тексты-описания употребляются для представления посылок и аргументов, а тексты-рассуждения – для представления наиболее важных в смысловом отношении частей, формулирующих то новое, наиболее значимое, для чего собственно и был создан данный текст.

Статистический анализ композиционной структуры текстов статей показал, что в данном случае следует отметить незначительное преобладание аргументативных текстов, так как именно они выполняют стержневые, текстоорганизующие функции в статьях различного типа. Соотношение текстов представлено в таблице № 3.

Таблица № 3.

Название сборника	Количество описательных текстов		Количество аргументативных текстов	
	Число	Процент	Число	Процент
Филологический сборник	396	45%	482	55%
Русский язык...	254	45%	308	55%
Тезисы ПЛК	486	41,5%	612	58%
Всего (средний процент)		43,8%		56,2%

Таким образом, на основе сопоставления макроструктур текстов различных жанров (монографии, учебника и статьи по лингвистике) можно прийти к следующим выводам. Структура организации и следования текстов различных типов связана с понятием жанра, она является составной частью представления индивидуума об особенностях того или иного жанра научного стиля и проявляется как при создании текста, так и при его восприятии. Подобное утверждение не противоречит выводам, к которым мы пришли при анализе структуры монографии, так как понятие жанра в научной лингвистической литературе неразрывно связано с понятием вариативности. Причины выбора того или иного жанрового варианта следует охарактеризовать как стилистический прием автора, позволяющий ему в объективной, абстрактной или субъективированной эмотивной форме донести до адресата результаты своих размышлений. В среднем соотношение тех и других текстов представлено в следующей таблице.

Таблица № 4.

Название жанра	Средний процент описательных текстов	Средний процент аргументативных текстов
Монографии	64,5	35,5
Учебники	62,5	37,5
Статьи	43,8	56,2
Всего (средний процент)	56,9	42,1

Помимо указанных, мы подвергли статистическому анализу тексты научно-информационного подстиля, представленные в энциклопедиях по лингвистике. Ввиду большого объема и однотипной структуры мы провели статистический анализ выборочно отдельных фрагментов указанных книг (по 80 страниц из одного и другого пособия справочного характера). Следует отметить, что их композиционная структура значительным образом отличается от структуры монографии, учебника и статьи, так как в них чрезвычайно редко встречаются аргументативные тексты, причем нередко аргументативный фрагмент входит в качестве составной части в развернутое описание:

Метаязык языкознания в значительной своей части строится на основе тех же единиц, что и язык-объект, то есть имеет с ним единую (тождеств.) субстанцию, является "консубстанциональным" с языком-объектом (хотя известны случаи формализации метаязыка, например, "семантический метаязык"). Таким образом, будучи языком описания естественного языка, метаязык одновременно выступает и как часть естественного языка. Единство материальной природы М. языкознания и языка-объекта не означает их неразличения. Изучение того или иного естественного языка в историко-генетич. или структурно-системном плане составляет предмет науки о языке, создание же метаязыковой системы - инвентаризация терминов (понятий и номенклатур) является завершающим этапом языковедч. исследования (Лингвистический энциклопедический словарь: Метаязык, с. 297).

Степень употребительности тех или иных текстов наглядно представлена в таблице № 5.

Таблица № 5.

Название издания	Количество описательных текстов		Количество аргументативных текстов	
	Количество	Процент	Количество	Процент
Лингвистическая энциклопедия	948	82%	211	18%
Энциклопедия «Русский язык»	781	87%	116	13%
Всего (средний процент)		84,5%		15,5%

Яркая доминанта описательных текстов в справочно-информационных изданиях предсказуема и убедительна, так как такое соотношение различных текстов отражает общую коммуникативную организационную научно-информационного стиля. Указанное в таблице общее соотношение текстов

позволяет провести параллель между ними и монографиями "РГ-80" и "КРГ-90", которые, как можно предположить, выполнены на стыке академического и информационного подстилей. Однако включение этих показателей в общую статистику текстов по лингвистической литературе существенно изменяет показатели в данной сфере науки, так как утверждает значительную доминанту описательных текстов. Вот эти данные.

Таблица № 6.

Название жанра	Средний процент описательных текстов	Средний процент аргументативных текстов
Монографии	64,5	35,5
Учебники	62,5	37,5
Информационно-справочная литература	84,5	15,5
Статьи	43,8	56,2
Всего (средний процент)	63,75	36,25

Таким образом, в общей структуре научных лингвистических текстов сохраняется относительное равенство описательных и аргументативных текстов с незначительным преобладанием первых. Однако тексты научно-информационного подстиля резко отличаются от других, их особенность заключается в преимущественном построении на основе описательных текстов. Эта яркая черта информационной литературы изменяет общее отношение описательных и аргументативных текстов в других подстилях и заставляет сделать вывод о преобладании описательных текстовых единиц в лингвистической научной литературе.

4.2. Статистический анализ употребительности описательных текстов в научной лингвистической литературе

Параллельно с общим статистическим исследованием текстов различной типологической организации мы провели статистический анализ текстов описательной и аргументативной разновидности в вышеназванных макротекстах и пришли к следующим выводам.

Среди описательных текстов наиболее частотными являются тексты с центробежной организацией – сообщения и развернутые описания; позиции их употребления в макротексте наиболее часты. Можно сказать, что именно они образуют основной "строительный материал" лингвистического научного текста. Тексты центростремительной организации – определения и дефиниции менее частотны, их позиции – начало и срединная часть макротекста (параграфа, раздела) служат для связи отдельных микротекстов в цельную композицию, их объединения и иерархической организации в смысловой организации цельного текста.

Общее соотношение описательных текстов в различных жанрах представлено в таблице.

Таблица № 7.

Название жанра	Определения и дефиниции	Сообщения	Развернутые описания
Монографии			
РГ-80	13%	58,8%	6%
КРГ-90	19%	46%	22,9%
ТФГ	14%	28%	16%
В.В.Виноградов «Русский язык»	4%	28%	16%
В.Н.Телия «Русская фразеология»	1,4%	31,4%	9,7%
Средний процент	10,3%	38,4%	14%
Учебники			
А.Н.Гвоздев СРЛЯ	9%	29,5%	22%
СРЯ (под ред. Белошапковой)	10,5%	28%	18%
В.В.Иванов ИГРЯ	7%	26,8%	28%
К.В.Горшкова ИГРЯ	8,5%	21%	22,5%
Средний процент	8,8%	26,3%	22,6%
Статьи			
Филол. сборник	2%	16%	24%
Русский язык...	2,5%	22%	19,5%
Тезисы ПЛК	4%	17,5%	14%
Средний процент	2,8%	18,5%	19,2%
Энциклопедии			
Энциклопедия РЯ	24%	19%	40%
ЛЭ	21%	22%	33%
Средний процент	22,5%	21,5%	36,5%
Средний процент по всем жанрам	11,1%	23,7%	23%

Таким образом, доминанта текстов центробежной структуры представлена в таблице весьма наглядно. Если общий средний процент описательных текстов составляет 63,75%, то количество сообщений и развернутых описаний составляют в целом по 35 % от общего числа описательных текстов, причем очень важным является тот факт, что их количество относительно стабильно в текстах различных жанров. Таким образом, практически во всех жанрах лингвистической научной литературы описательные тексты типа сообщения составляют от 35 до 50% от общего числа описательных текстов, тексты типа "собственно описание", развернутое описание составляют приблизительно 33-35 % от общего числа описательных текстов.

Количество текстов центростремительной структуры – определений, дефиниций не стабильно и колеблется в различных жанрах от 10 до 20 %; относительно невысок процент употребления сравнений.

Наглядно общее соотношение описательных текстов в различных жанрах представлено в таблице.

Таблица № 8.

Средний процент текстов описаний (от общего числа текстов)	Средний процент текстов центробежной организации (от общего числа описательных текстов)		Средний процент текстов центростремительной организации (от общего числа описательных текстов)	Прочие описательные тексты
	Сообщения	Развернутые описания		
63,75% (100%)	37%	36%	17,5%	9,5%

Основные функции микротекстов различного типа следует определить следующим образом: тексты-описания, по сути доминирующие в большинстве жанров научной лингвистической литературы, служат для представления основных понятий (определения), для введения читателя в основную проблематику, расширения его знаний по проблеме, лингвистической иллюстрации (сообщения, развернутые описания, отчасти сравнения).

4.3. Статистический анализ употребительности аргументативных текстов в научной лингвистической литературе

Общий статистический анализ употребительности аргументативных и полиинтенциональных текстов подвел нас к следующим выводам:

- употребление текстов рассуждений и доказательств относительно равно в структуре различных жанров;
- для отдельных жанров отмечается преобладание рассуждений (монография, учебник); для других жанров следует отметить приблизительное равенство рассуждений и доказательств (научная статья);
- употребление полиинтенциональных текстов составляет незначительный процент от общего числа текстов и не зависит от жанра научной литературы.

Наглядно статистические данные по употребительности различных текстов представлены в таблице.

Таблица № 9.

Название жанра	Рассуждение	Доказательство	Полиинтенциональные тексты
Монографии			
РГ-80	9%	8%	6%
КРГ-90	7%	1%	1%
ТФГ	14,5%	14%	8,5%
В.В.Виноградов «Русский язык»	22,5%	22,5%	5%
В.Н.Телия «Русская фразеология»	34%	13%	1%
Средний процент	14%	11,7%	4,5%
Учебники			
А.Н.Гвоздев СРЛЯ	18,5%	7,25%	7,25%
СРЯ (под ред. Белошапковой)	16,5%	15%	4,5%
В.В.Иванов ИГРЯ	17%	8%	9%
К.В.Горшкова ИГРЯ	21,5%	16,5%	8,5%
Средний процент	18,5%	11,6%	7,3%
Статьи			
Филол. сборник	27%	23%	5%
Русский язык...	24,5%	23%	7,5%
Тезисы ПЛК	24,75%	27,5%	6,25%
Средний процент	25,4%	24,5%	6,25%
Энциклопедии			
Энциклопедия РЯ	6%	3,5%	3,5%
ЛЭ	7%	5,25%	5,75%
Средний процент	6,5%	4,4%	4,4%
Средний процент по всем жанрам	16,1%	13%	5,6%

Таким образом, тексты-рассуждения, менее частотные в больших жанрах, употребляются для представления наиболее важных в смысловом отношении фрагментов: обобщений, выводов, результатов. Тексты-доказательства несколько менее частотны, чем рассуждения, что во многом объясняется теми ключевыми позициями, которые занимают доказательства в тексте. Отметим, что значительную часть зафиксированных нами доказательств составили тексты неполной структуры, состоящие лишь из выводной, обобщающей части. Количество доказательств в значительной степени колеблется в зависимости от жанра работы, их гораздо больше в статьях, монографиях концептуального плана, их количество невелико в других жанрах. Общее соотношение частотности различных аргументативных, а также полиинтенциональных текстов представлено в таблице № 10.

Таблица № 10.

Средний процент аргументативных текстов (от общего количества текстов)	Средний процент текстов центробежной организации – рассуждений (от общего числа аргументативных текстов)	Средний процент текстов центростремительной организации - доказательств (от общего числа аргументативных текстов)	Полиинтнциональные тексты
36,25% (100%)	44,4%	38,6%	17%

Таким образом, из приведенной таблицы следует, что общее количество текстов-рассуждений лишь незначительно больше текстов-доказательств, а полиинтнциональные тексты в значительной степени менее частотны, чем какие-либо другие; по количеству употреблений они сравнимы лишь с текстами-доказательствами.

Помимо этого следует отметить, что различные типы текстов обладают особыми стилистическими свойствами: так, описательные тексты концентрируют внимание читателя на предмете речи, выводят субъект за рамки высказывания, что служит предельной объективации высказывания, нейтрализует различные оценки и возникающие в контексте высказывания смыслы; тексты-рассуждения, наоборот, включают субъект и адресат речи в общий контекст высказывания, делают его внутреннее эмоциональным, насыщенным различными оценками, достигают объективности за счет логически верной демонстрации вывода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научный текст соотносится с множеством собственно языковых и речемыслительных категорий, которые сопряжены с личностными качествами участников коммуникативного акта, их компетентностью, условиями протекания процесса речевого общения. Попытки аналитического соединения различных аспектов описания текста приводят исследователя к следующим выводам: прагматические факторы оказывают влияние на содержание и структуру текста и максимально реализуются в его жанровой и стилистической организации.

Логико-смысловые категории, соответствующим образом "обработанные" на этапах порождения речи, отражаются в структуре и парадигматике текста; совмещение же этих внешних и внутренних для текста параметров происходит в композиционной форме, или функционально-смысловом типе речи, а также в жанрово-стилистической принадлежности текста, характеризующих в совокупности типологически различные текстовые единицы.

Понятие единства научного стиля предполагает определенную вариативность, выявляющую многообразие сфер научной деятельности, отраженную в стилевых разновидностях научной лингвистической литературы. Научный академический подстиль является стилем-эталоном, формирующим основные коммуникативные и речевые константы стиля, обеспечивающим его единство, так как в нем воплощены основные дифференциальные признаки и свойства данного ФС. Научно-учебный подстиль и научно-информационный подстиль составляют периферию научного стиля, обеспечивают его вариативность, способность к развитию и различным трансформациям, так как сближаются по отдельным характеристикам с публицистикой и официально-деловым стилем. Именно через эти подстили осуществляется постоянное межстилевое взаимодействие между книжными функциональными стилями.

Речевые жанры являются неотъемлемой частью стиля, они во многом образуют его как определенные образцы построения макротекста. Для научного стиля, в отличие от публицистики и делового стиля, не характерно бесконечное многообразие жанровых форм; его отличает, однако, постоянная способность этих форм к развитию, трансформации. Основными жанрами научной литературы следует считать монографию и статью, которые в основном представляют научный академический подстиль. Все остальные жанры: учебник, учебное пособие, доклад, тезисы, диссертация, реферат, рецензия – в той или иной степени являются вторичными по происхождению, так как их смысловая и формальная организация во многом зависит от влияния основных жанров академического подстиля, во-первых, и так как они связаны с периферийными подстилями, во-вторых. Следует отметить, что система жанров научного стиля образует сложную, иерархически организованную систему, в которой любой жанр находится в определенных

отношениях с другими жанрами. Эти отношения определяются и внешним контекстом, экстралингвистической связью отдельных жанров, и внутренним контекстом, прямой зависимостью одних жанров от других.

В соответствии с основными целеустановками научного стиля речи в жанрах научной лингвистической литературы следует выделить типологические текстовые единицы со следующими качествами: описательные – характеризующие объект, находящийся в статическом или динамическом состоянии; аргументативные – формирующие определенный взгляд на объект, его оценку; полифункциональные – реализующие сложную коммуникативную установку. Описательные текстовые единицы разнообразны как по структуре, так и по функциям в макротексте. Среди них отмечаются единицы относительно свободного построения, которые, согласно статистическому анализу составляют основу всех научных лингвистических текстов; к ним относятся сообщения, представляющие собой трансформацию повествовательных текстов, а также развернутые описания. Особенностью их является то, что они могут функционировать самостоятельно и могут входить в качестве составных частей в более сложные построения. Описательные тексты жесткой структуры – определения и дефиниции – менее частотны в употреблении, однако, они способны организовывать несколько типологически различных текстовых единиц в более сложный макротекст.

Аргументативные тексты также разнообразны по структуре, содержанию и функционированию. Так, рассуждение и его типы обладают более свободной композицией, они могут образовывать полиинтенциональные тексты, соединяться с описательными текстами. Доказательство, напротив, обладает жесткой композицией, своеобразной коммуникативной организацией, выражающейся в симметричной центростремительной организации. Статистический анализ показал, что аргументативные тексты в целом менее частотны, чем описательные, особенно это относится к периферийным подстилям и жанрам. Различные вариации аргументативных текстов – рассуждения, умозаключения, доказательства, выводы – в равной степени употребительны в научной лингвистической литературе, однако наиболее частотны они в научных статьях и учебниках.

Научной лингвистической литературе, как и научному стилю в целом, свойственна вариативность как в стилистической организации (дифференциация на ядерные и периферийные подстили), жанровом составе (многообразии жанровых разновидностей), так и типологическом строении.

Помимо общности прагмалингвистических характеристик, свойственных стилю, жанрам и типам речи, следует отметить и внутреннее единство этих понятий. Так, научный лингвистический стиль можно представить как совокупность определенных жанровых форм с учетом различных вариаций, а определенную жанровую форму – как совокупность

типологически различных микротекстов, организованных в определенной последовательности с учетом их вариативного построения.

Вариативность в жанровой и типологической структуре научного лингвистического текста связана с индивидуально-стилистическими особенностями макротекста, с сознательным выбором субъекта речи того способа представления материала, с помощью которого он может добиться максимального эффекта в адекватной передаче содержательного материала: максимально объективированной, абстрактной форме или оценочной субъективированной, основанной, однако, на логических законах мышления.

FOR AUTHOR USE ONLY

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Автореферат – 63-64
Авторский замысел (интенция) – 5, 20, 31, 36, 39, 44, 56, 59, 75
Адресант – 18, 20, 32, 41, 51, 56, 59
Адресат – 62, 66, 68, 76, 97, 98, 109, 145
Академический подстиль – 50
Актуальное членение предложения – 128
Аннотация – 63-65, 88
Аргументативные тексты – 70-71, 81, 86-87, 116, 152, 159
- Вывод – 116-119
Высказывание – 21, 37, 41, 135
- Гипертема/гиперрема – 111-114, 128
- Дефиниция – 77-78, 80-81, 128
Диалог – 23-24, 67
Диссертация – 57
Диктум – 18, 35-36, 65
Дискурс – 14, 16, 22-27, 40
Дискретность текста – 46
Дискурс-анализ – 22
Доклад – 58, 64, 123, 158
- Единицы языка – 13-14
Единица речи – 27
Единица текста
- Жанр – 28-29, 34-36, 54-55
Жанры академического подстиля – 66
Жанры научно-информационного подстиля – 63, 65
Жанры научно-учебного подстиля – 61
- Замысел высказывания – 39
- Категория – 17
Категория текста – 17
Когнитивная лингвистика – 12
Коммуникативность текста – 90
Композиция текста – 20
Композиционно-речевая форма – 46-47
Компьютерная лингвистика – 12
Контекст – 38, 51, 57-58, 66, 77, 80, 88, 157
- Лингвистика текста – 14-16
Лингвистическая прагматика – 3-4, 27, 37
Лингвокультурология – 11
- Макротекст – 46, 49, 56-59, 64, 77, 80, 142, 153
Математическая лингвистика – 11
Межфразовое единство – 14

Микротекст – 46, 49, 58, 64, 68, 89
Модальность – 35-36
Модус – 18-19, 40, 65, 68
Монография – 56

Научная речь – 32
Научная статья – 59
Научно-информационный подстиль – 50, 51
Научно-учебный подстиль – 50, 51
Научный стиль – 32, 41
Научный текст – 5, 32, 35, 158
Нейролингвистика – 10,

Описание – 48, 64, 67, 70, 73, 75, 77-81
Описание-дефиниция – 77-78, 80-81
Описание-определение – 97, 102, 145
Описание-повествование – 81, 89
Описание-рассуждение – 81, 145
Описание-сообщение – 77, 80-81, 89, 143, 145-146
Описание-сравнение – 75, 81, 94, 102, 134
Официально-деловой стиль – 40

Повествование – 22, 39, 48, 64, 74, 131, 139
Поджанр – 35
Подтекст – 18, 29, 64-65, 104
Полиинтенциональные тексты – 124, 136
Прагмалингвистика – 12
Прагмастилистика – 12
Прагматика – 37
Прагматикон – 40-41, 55-56, 66
Психоллингвистика – 9
Публицистика – 42

Рассуждение – 133, 139, 145, 150
Рассуждение-сообщение - 87
Рассуждение-умозаключение – 86, 115
Рассуждение-условие – 86, 114
Рассуждение-уступка – 87, 114
Рема – 97, 112, 114, 128-129
Реферат – 35, 63-64, 88, 158
Реципиент – 25, 40, 42, 62
Речевое произведение – 13, 24, 27
Риторика – 9, 37

Сверхфразовое единство – 14, 46
Связность текста – 19, 49
Социоллингвистика – 10
Статья-аннотация -63
Статья-исследование – 59
Статья-концепция – 59
Статья-обзор – 63
Статья-реферат – 63

Стилистика – 29,
Субъект речи – 51, 58
Тезис – 33, 35, 63-64, 72, 82-84, 86, 108, 115-118
Текст – 3, 8, 48
Текст-рассуждение – 68, 83-86, 108, 112, 114, 119, 133
Тексты-описания (описательные тексты)– 68, 71, 90, 98, 104
Тексты-повествования – 68
Тема – 20
Тема-рема-тематическая цепь – 114
Теория коммуникации – 11
Теория текста – 13
Типология текстов – 28, 66

Умозаключение – 114-118, 134, 141
Учебник – 61,
Учебное пособие – 61

Функциональная стилистика – 29-30
Функциональный стиль – 30-34, 39, 50
Функционально-смысловые типы речи – 47

Цельность текста – 19, 49

Этнолингвистика – 10

FOR AUTHOR USE ONLY

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ТЕКСТОВ

- Апресян Ю.Д.** Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М., 1995.
- Бернштейн С.Б.** Константин Философ и Мефодий. - М., 1984.
- Виноградов В.В.** Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М., 1972.
- Виноградов В.В.** Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. - М., 1982.
- Гвоздев А.Н.** Современный русский литературный язык. - М., 1958.
- Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.** Историческая грамматика русского языка. - М., 1981.
- Иванов В.В.** Историческая грамматика русского языка. М., - 1983.
- Караулов Ю.Н.** Морфология в ассоциативно-вербальной сети носителя языка // Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания. - М., 1990. - С. 122-144.
- Лингвистический энциклопедический словарь.** - М., 1990.
- Марков В.М.** Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. - М., 1974.
- Пражский лингвистический кружок / Тезисы Пражского лингвистического кружка.** - М., 1967.
- Русская грамматика** (Под редакцией Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.В). - М., 1990.
- Русская грамматика** (Под редакцией Шведовой Н.Ю. и др). - 1-2 тт. -М., 1982.
- Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания.** - М., 1990.
- Русский язык: Энциклопедия.** - М., 1979.
- Современный русский язык: Учебное пособие** (Под редакцией Белошапковой В.А). - М., 1981.
- Соссюр Ф. Труды по языкознанию.** - М., 1977.
- Телия В.Н.** Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М., 1996.
- Теория функциональной грамматики** (Темпоральность. Модальность) (Под ред. Бондарко А.В. - М., 1990.
- Филологический сборник.** - М., 1985.
- Хабургаев Г.А.** Старославянский язык. - М., 1986.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абызова В.Н.** Актуальное членение как условность связного текста // Семантические аспекты слова и предложения. - Пермь, 1980. - С. 88-97.
- Аврорин В.А.** Проблемы изучения функциональной стороны языка. - Л., 1975.
- Автор и текст:** Сб. статей. Вып. 2/ Под. ред. В.М. Марковича и Вольфа Шмида. СПб., 1996.
- Адмони В.Г.** Грамматика и текст // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С.6-15.
- Адмони В.Г.** Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. - Л., 1988.
- Адмони В.Г.** Система форм речевого высказывания. - СПб., 1994.
- Акимова Г.Н.** Новое в синтаксисе современного русского языка. - М., 1990. - 168с.
- Акимова Г.Н.** Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке // Вопр. языкозн., 1981. №6. С. 109-120.
- Акимова Э.Н.** Историческая лингвистика текста: инновационные подходы в исследованиях. / Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского, 2010, № 4 (2), с. 427-430.
- Акимова Э.Н.** Лингвистика текста в диахронии и синхронии / <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-teksta-v-diahronii-i-sinhronii>
- Акишина А.А.** Структура целого текста. Выпуски 1-2. - М., 1979.
- Акишина Т.Е., Хазов П.В.** Жанровый аспект анализа текста // Иностраный язык в школе. - 1982. - № 4. - С. 84-88.
- Александрова О.В.** Когнитивно-прагматические особенности построения дискурса в средствах массовой информации // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональные аспекты исследования: Сб. науч. тр. - Рязань, 2002. С.80-83.
- Алексеева Л.М.** Лингвистика текста / Стилистический энциклопедический словарь русского языка: <https://stylistics.academic.ru/72/>
- Алексеева Л.М.** О специфике перевода научного текста // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. — Пермь: Перм. гос. ун-т., 2001. — С. 63–73.
- Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.** Медицинский дискурс. Теоретическая основа и принципы анализа. - Пермь, 2002.
- Алефиренко Н. Ф.** Спорные проблемы семантики: Монография. - М.: Гнозис, 2005. - 326 с.
- Алпатов А.В.** Стилизация речи // Русская речь. 1970, № 4.
- Анализ художественного текста:** Сборник статей / под ред. Н.М.Шанского. - М, 1975. - Вып. 1. - 177 с.; 1976. - Вып. 2. - 104 с.; 1979. - Вып. 3. - 96 с.
- Андреева Е.С.** Диалектика текста. Опыт логико-лингвистического синтеза. М., 2001.
- Андреева Е.С.** Диалектика текста: Понятийная сеть как логическая основа естественного языка. - М.,2002.

- Андреева К.А.** Функционально-семантические типы текста: Учебное пособие. - Тюмень, 1989.
- Анисимова Е.Е.** О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // Филологические науки. 1996. № 5.
- Анисимова Е.Е.** Паралингвистика и текст (к проблеме корелизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания, 1992, № 1. – С. 71-78.
- Антология речевых жанров: повседневная коммуникация.** - М., 2007.
- Антонова С.Г., Прудковский Б.А., Тюрина Л.Г.** О проблеме создания «нехудожественного текста» // Филологические науки. 1999. №1.
- Атрощенко И.Г.** Анализ определений понятия "дискурс" в современной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2015. № 12. Ч. 1. С. 26-31.
- Апресян Ю.Д.** Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1966. – 300 с.
- Апухтин В.Б.** О смысловой структуре связного текста (в связи с обучением порождению текстов на иностранном языке // Психолингвистические проблемы общения и обучения языку. – М., 1976. С 112-122
- Апухтин В.Б.** Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. - М., 1977.
- Арнольд И.В.** Стилистика декодирования. Курс лекций. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1974. – 76 с.
- Арнольд И.В.** Семантика. Стилистика. Итертекстуальность. - СПб., 1999.
- Арнольд И.В.** Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования). – М.: Просвещение, 1990.
- Арутюнова Н.Д.** Внутренняя структура языка" // Общее языкознание: - М., 1972.
- Арутюнова Н.Д.** Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. - М., СЭ, 1990.
- Арутюнова Н.Д.** Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис: Сб. ст. – М.: Наука, 1992. – С. 53 – 55.
- Арутюнова Н.Д.** К проблеме связности прозаического текста. Памяти академика Виноградова В.В. - М., 1971. - С. 3-42.
- Арутюнова Н.Д.** Номинация и текст// Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.
- Арутюнова Н.Д.** О синтаксических типах художественной прозы // Общее и романское языкознание. - М.: Наука, 1972. – С. 188 – 199.
- Арутюнова Н.Д.** Предложение и его смысл. - М., 1976.
- Арутюнова Н.Д.** Типы языковых значений. - М., 1988.
- Арутюнова Н.Д.** Язык и мир человека. М., 1999.
- Арутюнова Н.Д., Гутнер Г.Б.** Прагматика / Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2020.
- Архипов И.К.** Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // Studia Linguistica. Вып. 8. – СПб., 2004.

Асмус Ф. Логика. - М., 1947.

Аспекты изучения текста: Сб. научн. трудов УДН им. П.Лумумбы. - М., 1981.

Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. - М., 1982.

Атарова К.Н., Лесские Г.А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе// Изв. АН СССР. Сер. лит и яз. 1976. Т. 35. 4.

Атарова К.Н., Лесские Г.А. Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе// Изв. АН СССР. Сер. лит и яз. 1980. Т. 39. 1.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2005. – 571 с.

Бабайлова А.Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку: Социопсихолингвистические аспекты. - Саратов, 1987.

Бабаян В.Н. Диалог в триаде с молчащим наблюдателем. - Ярославль: РИЦ МУБиНТ, 2008. - 290 с.

Бабаян В.Н. Дискурсивное пространство терциарной речи. Психолингвистические особенности диалогической речи в присутствии молчащего третьего лица. - Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, Germany, 2011. - 385 p.

Бабаян В.Н. Критический анализ теории дискурса в плане учёта молчащего наблюдателя // Ярославский педагогический вестник. - Ярославль: ЯГПУ имени К.Д.Ушинского, 1997. - № 2. - С. 30-32.

Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика: Учебник; практикум. – Москва: Флинта, Наука, 2003. – 496 с.

Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Флинта, 2005.

Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности // Вестник Пермского университета (Российская и зарубежная филология), 2009, вып. 5, с. 24-31.

Баженова Е.А. Научный текст и среда // Вестник Пермского университета (Российская и зарубежная филология), 2010, вып. 2 (8), с. 60-64.

Баженова Е.А. Специфика смысловой структуры научного текста и его композиции // Очерки истории научного стиля русского литературного языка ХУШ-XX вв. - Т.2. Стилистика научного текста (общие параметры). - Ч. 1. - М., 1996. - С. 158-235.

Баженова Е.А. Фактор интерпретации чужой речи в смысловой структуре научного текста // Функциональная стилистика: Теория стилей и их языковая реализация. - М., 1986. - С. 70-75.

Бажина Т.В. Соотношение больших и малых программ как условие создания целостного текста / Исследование целого текста. - М., 1986.

- Баландина Л.А.** Семантико-синтаксическая организация полипропозитивного предложения на материале научной речи // Системные семантические связи языковых единиц. – М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 68 – 78.
- Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М., 1955.
- Балли Ш.** Французская стилистика. - М., 1961.
- Баранов А.Г.** Функционально-прагматическая концепция текстов. – Ростов-на-Дону, 1993.
- Баранов А.Н.** Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемы / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // Проблемы эффективности речевой коммуникации. – М. ИНИОН, 1989. – С. 41-115.
- Баранов А.Н.** Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): Дис. ... докт. филол. наук. - М., 1990.
- Барлас Л.Г.** Русский язык. Стилистика: Пособие для учителя. - М., 1978.
- Барнет Вл.** Проблемы изучения жанров устной научной речи // Современная русская устная научная речь. Т. I. Общие свойства и фонетические особенности (Под ред. О.А.Лаптевой). - М., 1985. С. 80-132.
- Барт Р.** Лингвистика текста // НЗЛ. Вып. VIII. М., 1978.
- Барт Р.** Избранные работы. Семиотика. Поэтика. - М., 1994.
- Барт Р.** Основы семиологии // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000.
- Барт Р.** От произведения к тексту // Избранные работы: Семантика. Поэтика. - М., 1994.
- Бартошевич Л.** Лингво-когнитивное моделирование обработки дискурса как основа обучения чтению русскоязычной научной литературы. Дис. ... докт. пед. наук. М., 1991.
- Барулин А.Н.** Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация. - М., 2002. Ч. 1–2;
- Бархударов Л.С.** Текст как единица языка и единица перевода // Лингвистика текста: Материалы научн. конф. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. М., 1974. Ч. 1. С. 40-41.
- Барышников А.А.** Классификация текстов в русском языке на основе семантического анализа текстонимов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1988.
- Баташева Л.А.** Проблемы популяризации в разных типах научной речи: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Л., 1986.
- Бахтин М.М.** Высказывание как единица речевого общения // Эстетика словесного творчества. - М., 1979.
- Бахтин М.М.** Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. - М., 1979. - С. 237-281.
- Бахтин М.М.** Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. - М., 1997. С. 227-244.
- Бахтин М.М.** Проблема текста: Опыт философского анализа // Вопросы литературы. - 1976. - № 10. - С. 122-152.

- Бахтин М.М.** Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
- Бахтин М.М.** Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Беднарская Л.Д.** Бессоюзное предложение и текст // Сложное предложение в тексте: Межвуз. тематический сб. научн. трудов / КГУ. - Калинин, 1988. С.50-56.
- Бедрина И.С.** Авторская гипотеза в структуре научного текста // Статус стилистики в современном языкознании. - Пермь, 1992. - С. 133-122.
- Бедрина И.С.** Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английских научных текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Одесса, 1993.
- Белинская О.Е.** Логико-семантическая организация типов сложного синтаксического целого в современном русском языке: На материале художественной речи: Автореферат дис. ...канд. филол. наук. - Киев, 1988.
- Белич А. И.** К вопросу о распределении материала по главным грамматическим дисциплинам // Вестник Моск. гос. ун-та. 1947. № 7.
- Бельчиков Ю.А.** Стилистика и культура речи. М., Изд-во УРАО, 2002.
- Беляева А.Ю., Нагорнова Е.В., Соколова О.И., Абаева Е.В.** Зависимость текста от его автора // Вопросы стилистики. Вып. 27. – Саратов, 1998. С. 3 – 9.
- Белянин В.П.** Введение в психолингвистику. – М., 1999.
- Белянин В.П.** Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. М., 2000.
- Беллерт И.** Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике, вып. VIII. Лингвистика текста. - М., Прогресс, 1978. - С. 172 - 207.
- Бенвенист Э.** Общая лингвистика. – 3-е изд. – М., Эдиториал УРСС, 2009. – 448 с.
- Беньяминова В.Н.** Абзац и композиционно-речевая форма в научном тексте: Сборник научных трудов. - Киев, 1985.
- Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е.** Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности. - М., 1987. - С. 52-63.
- Береговская Э.М.** Надпись на значке как вид текста // Филологические науки. 2000. № 6. С. 67-75.
- Бессмертная Н.В.** К вопросу о типологии текста // Лингвистика текста и обучение иностранным языкам. - Киев, 1978. - С. 48-54.
- Бессмертная Н.В.** Речевая форма «динамическое описание» и ее лингвистическая характеристика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1972.
- Блюхер Ф.Н., Гурко С.Л., Гусева А.А., Гутнер Г.Б.** Дискурс-анализ и дискурсивные практики. - М.: ИФ РАН, 2016. - 134 с.
- Блюменау Д.И.** Проблемы свертывания научной информации. - Л., 1982.
- Богданов В.В.** Текст и текстовое общение. - СПб., 1993.

- Богин Г.И.** Интенциональность как средство выведения к смысловым мирам // Понимание и интерпретация текста. - Тверь, 1994.
- Богин Г.И.** Речевой жанр как средство индивидуализации // Жанры речи: сб. ст. – Саратов, 1997. – С. 12 – 22.
- Богин Г.И.** Схемы действий читателя при понимании текста. Калинин, 1989.
- Богин Г.И.** Типология понимания текста. Калинин, 1986.
- Богин Г.И.** Филологическая герменевтика. Калинин, 1982.
- Богословская И.В.** Научно-популярный текст: сложность понимания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 2001.
- Богославский И.М.** Исследования по синтаксической семантике. - М., 1985.
- Бодуэн де Куртене И.А.** Языкознание, или лингвистика XIX века // Хрестоматия по истории русского языкознания / сост. Ф.М. Березин. - М., 1973.
- Боженкова Р.К.** Понимание текста как лингвокультурологическая категория. - Курск, 2000.
- Болдырев Н.Н.** Модусные категории в языке // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч.1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. Сб. статей к юбилею проф. Н.А. Кобриной. – СПб.: Тригон, 2005. – С.31 – 46.
- Болдырев Н.Н.** Концептуальная основа модусных категорий // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации: Сб. статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной. – СПб.: Изд-во «Лема», 2010. – С. 17 – 27.
- Болдырев Н.Н.** Исследование оценочных смыслов в контексте познавательных процессов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Выпуск 8. – Ставрополь: Издательство СГПИ, 2010. – С.24 – 37.
- Болдырев Н. Н.** Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – N 1. – С. 5 - 14.
- Болдырев Н.Н.** Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №2. С. 5–22.
- Болотнова Н.С.** Филологический анализ текста. - М., 2007.
- Болотнова Н.С.** Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. - Томск, 1992.
- Бондаренко В.Н.** Виды модальных значений и их выражение в языке // Аспекты изучения текста. - М., 1981. - С. 11-18.
- Бондарко А.В.** Вид и время русского глагола (значение и употребление). - М., 1971.
- Бондарко А.В.** Временная последовательность как актуализационная категория высказывания и текста // Филологический сборник. - М., 1995.
- Бондарко А.В.** Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение, актуальность, временная локализованность, тагис. 2-изд. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. С.5-39.

- Бондарко А.В.** Грамматическое значение и смысл. - Л., 1978.
- Бондарко А.В.** Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика: Сб. ст. Т. 1. – М.: Наука, 2001. – С. 4 – 13.
- Бондарко А.В.** Настоящее историческое в славянских языках с точки зрения глагольного вида // Славянское языкознание. - М., 1959.
- Бондарко А.В.** Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. - СПб., 1999.
- Бондарко А.В.** Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. - М. 2003.
- Бондарко А.В.** Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. - СПб., 1996.
- Бондарко А.В.** Теория морфологических категорий. - Л., 1976.
- Борботько В.Г.** Элементы теории дискурса. - Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. - 112 с.
- Борисова Е.Г.** Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении // Вопр. языкозн, 1990. №2. С.113-120.
- Бочарникова Е.А.** О соотношении понятий "текст" и "дискурс" в лингвистике. - <http://www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/11.html>
- Брайт У.** Ведение: параметры социолингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1975. Вып. VII. Социолингвистика.
- Брандес М.П.** О зависимости синтактико-стилистического оформления информационного типа текстов от их композиционной организации // Лингвистика текста и обучение иностранным языкам. - Киев, 1978. - С. 55-60.
- Брандес М.П.** О роли композиционно-речевых форм в системе текста: Сборник научных трудов // МГПИИЯ им. М.Тореза. - М., 1980. - Выпуск 158. - С. 58-68.
- Брандес М.П.** Синтаксическая семантика текста // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. - М., 1977.
- Брандес М.П.** Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп.- М: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. - 416 с.
- Брандес М.П.** Стилистический анализ. - М., 1971.
- Бронская Т.В.** Общие и частные признаки повествования в стиле языка художественной литературы и научного стиля // Вестник ЛГУ. Серия: История. Язык. Литература. -1985. № 23. - Вып. 4. - С. 101-103.
- Брудный А.А.** Психологическая герменевтика. - М., 1998.
- Брудный А.А.** Текст как форма существования знания // Знание, понимание, действительность. Фрунзе, 1986.
- Будагов Р.А.** К вопросу о языковых стилях. – М., 1958. – 376 с.
- Будагов Р.А.** Литературные языки и языковые стили. - М., 1967.
- Булатова А.П.** Искусствоведческий дискурс в лингвокогнитивном аспекте (суперструктуры и их особенности) // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII-й Международной конференции. - М., 1999. - С. 3-11.

- Булаховский Л.А. и современное языкознание: К 100-летию со дня рождения:** Сборник научных трудов / АН Укр. ССР, Ин-т языковедения им. А.А.Потебни; Редкол.: А.А.Белецкий и др., Вступ. ст. Т.Б.Лукинова. - Киев: Наукова думка, 1987. - 288 с.
- Булыгина Т.В.** О границах между сложной единицей и сочетанием единиц. / В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. - М., 1969.
- Бурвикова Н.Д.** Закономерности линейной структуры монологического текста: Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. - М., 1981.
- Бурвикова Н.Д.** Представленность единиц текста в УНР // Современная русская устная речь. Т. III. Текстовые, лексико-грамматические, словообразовательные особенности (Под ред. О.А.Лаптевой). - М., 1995. С. 3-20.
- Бурвикова Н.Д.** Прокрустово ложе и метаморфозы дискурса // Слово и текст в диалоге культур. Юбилейный сборник. - М., 2000. - С. 27-34.
- Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г.** Пространство современного русского дискурса и единицы его описания // Вестник филиала Института русского языка им. А.С.Пушкина. №10. - Будапешт 1998. С. 12-24.
- Буре Н.А., Быстрых М.В., Вишнякова С.А.** и др. Основы научной речи / под ред. В.В.Химики, Л.Б.Волковой. - СПбГУ: Издательский центр «Академия», 2003. 272 с.
- Бутакова Л.О.** Авторское сознание как базовая категория текста: Дис. ... док. филол. наук. - Омск, 2001. - 457 с.
- Быкова О.Н.** Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. - Красноярск, Изд-во Красноярского ун-та, 1999. - №1. - С. 99-103.
- Бюлер К.** Теория языка: Репрезентативная функция языка. - М., 1993.
- Вайнрих Х.** Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. - Благовещенск, 1998.
- Викулова Е.А.** Грамматика текста и теория дискурса / <https://cyberleninka.ru/article/n/grammatika-teksta-i-teoriya-diskursa>
- Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я.** Стилистика газетных жанров. - М., 1978.
- Валгина Н.С.** Теория текста: Учебное пособие. - М.: Логос, 2004. - 280 с.
- Валгина Н.С.** Функциональные стили русского языка: Учебное пособие. - М., 1994.
- Ван Дейк Т.А.** Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1978. - Т. VIII. - С. 259-336.
- Ван Дейк Т.А.** Язык. Познание. Коммуникация. - Благовещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 2000. - 308 с.
- Ван Дейк Т.А., Кинч В.** Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. - М., 1988, С. 153-211.

- Ванников Ю.В.** К обоснованию общей типологии текстов, функционирующих в сфере научно-технического перевода // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. - М., 1984. С.15-26.
- Ванников Ю.В.** Начальная субкатегоризация научно-технических и официально-деловых текстов // Семантика текста и проблемы перевода. - М., 1984. С. 41-52.
- Ванников Ю.В.** Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности. Ч. I-II. - М., 1984-1985.
- Ванников Ю.В.** Функционально-прагматическая классификация и типы адекватности текстов // Семантика языковых единиц в тексте: Лингвистические и психолингвистические исследования. - М., 1979. - С. 77-92.
- Ванхала-Анишевски М.** Интерперсональные отношения в русском письменном научном дискурсе // Словарь. Грамматика. Текст. - М., 1996.
- Василенко Л.И.** Структурно-семантическая роль модальных слов в тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Минск, 1985.
- Василенко Т.Н.** Гнездовой принцип систематизации текстов (на материале оригинального художественного текста и его переводов): автореф. дис. - Барнаул, 2008.
- Василенко Т.Н., Ожмегова Ю.В., Савочкина Е.А., Сим О.А., Чувакин А.А.** Новые возможности лингвоэвokasiонных исследований // Сибирский филологический журнал. 2007.
- Васильев Л.Г.** Аргументирующий дискурс: условия удачи (по материалам зарубежной аргументологии) // Филология и человек. 2007. № 1. – С. 115-124.
- Васильев Л.Г.** Рефлексия понимания, фрейм. Понимание и интерпретация текста. - Тверь, 1994. 170 с.
- Васильев Л.Г.** Текст и его понимание. - Тверь, 1991.
- Васильев С.А.** Категории мышления в языке и тексте // Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. - Киев, 1980. - С. 66-115.
- Васильев С.А.** Синтез смысла при создании и понимании текста. - Киев, 1988.
- Васильев Ю.А.** О влиянии композиционно-смысловой организации научного текста на его языково-стилистические характеристики // Стиль научной речи. - М., 1978. - С. 75-94.
- Васильев Ю.А.** Семантико-синтаксическая характеристика речевого жанра научной статьи: Автореферат дис. ...канд. филол. наук. - М., 1979.
- Васильев Ю.А.** Уровни понимания текста // Общественные науки. - М., 1983. - № 3. - С. 43-48.
- Васильева А.Н.** Газетно-публицистический стиль речи. М., 1982.
- Васильева А.Н.** Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. - М., 1976.
- Васильева А.Н.** Основы культуры речи. - М., 1990.

- Васильева А.Н.** О целостном комплексе стилоопределяющих факторов на уровне макростилей // Функциональная стилистика: Теория стилей и их языковая реализация. - М., 1986. - С. 3-12.
- Васильева А.Н.** Художественная речь. М., 1983.
- Васильева В.В.** Механизмы интерпретации текста в лингвокультурологическом аспекте // Актуальные проблемы русистики. - Екатеринбург, 1997.
- Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д.** Прагматика человеческих коммуникаций. - М., 2000;
- Вежбицка А.** Восприятие. Семантика абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. Логический анализ естественных языков. - М., 1986. - С. 336 - 364.
- Вежбицка А.** Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. - М.: Прогресс, 1985. - С. 303 - 341.
- Вежбицка А.** Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика. - М., 2001.
- Вежбицка А.** Речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1985. Вып. XVI.
- Вежбицка А.** Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике; вып. VIII. Лингвистика текста. - М.: Прогресс, 1978. - С. 402 - 421.
- Вежбицка А.** Речевые жанры // Жанры речи: сб. ст. - Саратов, 1997. - С. 99 - 111.
- Вежбицка А.** Семантические универсалии и описание языка / Пер. с англ. А.Д.Шмелева под ред. Т.В.Булыгиной. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 780 с.
- Вейзе А.А.** К вопросу об изучении ССЦ: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза. - М., 1985.
- Вейзе А.А.** Чтение, реферирование и аннотация иностранного текста. - М., 1985.
- Вейзе А.А., Лужевский Б.М.** Семантические и логические категории, объединяющие тексты различных функциональных стилей // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. - Пермь, 1984. - С. 46-57.
- Вейхман Г.А.** О стилистической квалификации современного английского языка: Филологические науки. - 1958. - № 4. - С. 97-111.
- Вейхман Г.А.** Текст и его синтаксические конститутенты // Научный доклад высшей школы: Филологические науки. - 1989. - № 4. - С. 80-82.
- Вейхман Г.А.** Грамматика текста: Учебник. - М., «Высшая школа», 2005.
- Веккер В.М.** Психика и реальность: единая теория психических процессов. - М., 1998.
- Веселовская Т.М.** Размер предложения как фактор грамматики и стилистики: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Л., 1987.

- Виноградов В.В.** Избранные труды: О языке художественной прозы. - М., 1980.
- Виноградов В.В.** Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. - 1955. - № 1. - С. 60-87.
- Виноградов В.В.** О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды ин-та русского языка. - М.-Л., 1950. - Т. 2. - С. 38-79.
- Виноградов В.В.** О теории художественной речи. - М., 1971.
- Виноградов В.В.** О языке художественной литературы. - М., 1959.
- Виноградов В.В.** Проблемы русской стилистики. - М., 1981.
- Виноградов В.В.** Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М., 1972.
- Виноградов В.В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. - М., 1963.
- Виноградов В.В.** Стилль «Пиковой дамы» // Избранные труды: О языке художественной прозы. - М., 1980.
- Винокур Г.О.** Избранные работы по русскому языку. - М., 1959.
- Винокур Г. О.** Культура языка. - М., 1925.
- Винокур Г. О.** О языке художественной литературы. - М., 1991.
- Винокур Т.Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц. - М., 1980.
- Вопросы стилистики.** Саратов, 1992. Вып. 24. Текст и его компоненты.
- Вопросы стилистики.** Саратов, 1998. Вып. 28. Человек и текст.
- Воробьева М.Б.** Влияние современной интеграции науки на научный язык и научную литературу // Стилль научной речи. - М., 1976. - С. 23-36.
- Воробьева М.Б.** Особенности реализации оценочных значений в научном тексте // Научная литература: Язык. Стилль. Жанры. - М., 1985.
- Ворожбитова А.А.** Теория текста: Антропоцентрическое направление: Учебное пособие. - М.: ФЛИНТА, 2014. - 367 с.
- Всеволодова М.В.** Текст в свете некоторых синтаксических категорий // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII-й Международной конференции. - М., 1999. - С. 41-50.
- Вшивкова Т.В.** Антиципация в процессе понимания текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
- Выготский Л.С.** Мышление и речь. - М., «Лабиринт», 1999, 350 с.
- Высказывание и текст: семантические аспекты.** - М., 1987.
- Гайда С.** Проблемы жанра // Функциональная стилистика: Теория стилей и их языковая реализация. - М., 1986. - С. 22-28.
- Гак В.Г.** Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. - М., 1973.
- Гак В.Г.** О семантической организации текста // Лингвистика текста: Материалы научной конференции. Ч.1. - М., 1974.
- Гак В.Г.** Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста. М., 1979.
- Гак В.Г.** Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 3. 1997. С. 87-95.
- Гак В.Г.** Языковые преобразования. М., 1998.

- Гальперин И.Р.** Грамматические категории текста (Опыт обобщения) // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. - Т.30. - 1977. - № 6. - С. 522-532.
- Гальперин И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования. - М., 1981. - 138 с.
- Гальперин И.Р.** Членимость текста: Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 125. -М., 1978.
- Гаспаров Б.М.** Язык. Память. Образ. - М., 1996.
- Гаузенблас К.** О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста.
- Гвенцадзе М.А.** Коммуникативная лингвистика и типология текста. - Тбилиси, 1986.
- Гвоздева О.Л.** Особенности понимания нестандартных художественных текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Тверь, 2000.
- Гвоздева О.Л.** Стратегии понимания нестандартного поэтического текста // Психолингвистические исследования слова и текста. - Тверь, 2001. С. 98-102.
- Герасименко В.Г.** Роль видо-временных форм в организации различных типов текста // Филологические науки. - 1991. - № 5. - С. 106-111.
- Герман И.А.** Концептуальная система как среда обитания текста // Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000. С. 59-60.
- Гийом Г.** Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
- Гиндин С.И.** Внутренняя организация текста: Элементы теории и семантический анализ: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. - М., 1973.
- Гиндин С.И.** Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 14. - М., 1971. - С. 348-361.
- Гиндин С.И.** Первые полстолетия лингвистики текста: историко-научные и методологические уроки // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тез. конф. - М., 1995. Т. 1.
- Гиндин С.И.** Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948-1975) // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. - 1977. - № 4. - Т. 36. - С. 348-361.
- Гиндин С.И.** Что знала риторика об устройстве текста? // Риторика. 1995. № 1; 1996. № 1.
- Гипертекст как объект лингвистического исследования** // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Самара, 15 марта 2010 года.
- Глушакова С.О.** Функционирование вводных и вставных конструкций в научных текстах ХУШ-XX вв. // Очерки истории научного стиля русского литературного языка ХУШ - XX вв. - Т. 1. -Ч. 2. - Пермь, 1994.
- Глушко М.М.** СФЕ как основная синтаксическая единица информационного уровня научной литературы // Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования. - М., 1974. - С. 137-138.

- Голикова Т.А.** Теория текста: Учебное пособие. – Москва-Берлин, «Директ-Медиа», 2015.
- Головин Б.Н.** Введение в языкознание. М., 1966.
- Голубкова А.В.** Риторическая направленность учебного текста и его просодическая организация // Функциональная стилистика и лингводидактика. - М., 1988. - С. 59-65.
- Гольдин В.Е.** Проблемы жанроведения. / В. Е. Гольдин // Жанры речи: сб. на-уч. ст. – Саратов: Изд-во гос. учеб.-науч. центра «Колледж», 1999. – 4-6 с.
- Голякова Л.А.** Текст. Контекст. Подтекст. - Пермь, 2002.
- Гончарова Е.А.** Еще раз о стиле как научном объекте современного языкознания // Текст – Дискурс – Стыль. – СПб., Издательство СПбГУЭФ, 2003.
- Гончарова Е.А.** Научная коммуникация – дискурс – интердискурсивность // Текст и дискурс. – СПб., 2001.
- Гончарова Е.А.** Стыль как антропоцентрическая категория // Studia Linguistica. Вып. 8. – СПб., 2004.
- Горбунова М.В.** К истории возникновения термина «дискурс» // Вестник Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г.Белинского (Гуманитарные науки). – № 27, 2012.
- Гореликова М.И., Магомедова Д.М.** Лингвистический анализ художественного текста. - М., 1983.
- Горелов И.Н.** Вопросы теории речевой деятельности. - Таллинн, 1987.
- Горелов И.Н.** Невербальные компоненты коммуникации. - М., 1980.
- Горелов И. Н., Седов К.Ф.** Основы психолингвистики. - М.: Лабиринт, 2001. - 304 с.
- Городецкий Б.Ю.** Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1989. Вып. XXIV.
- Городецкий Б.Ю.** От лингвистики языка - к лингвистике общения // Язык и социальное познание. - М., 1990.
- Горшков А.И.** Все богатство, сила и гибкость нашего языка. - М., 1993.
- Горшков А.И.** Русская словесность - М., 1995.
- Горшков А.И.** Русская стилистика. - М., 2001.
- Горшков А.И.** Русская стилистика. Стилистика текста – функциональная стилистика. - М.: Астрель, 2006.
- Грамматика современного русского литературного языка.** - М., 1970.
- Грамматические концепции в языкознании XIX века.** – Л.: Наука, 1985. – 294 с.
- Гранин Г.Г. и др.** Речь, язык и секреты пунктуации. - М., 1995.
- Гребенюк Н.И., Гусаренко С.В.** Стилистика русского научного дискурса: Учебное пособие. – Ставрополь: СКФУ, 2015. – 179 с.
- Греч П.И.** Практическая русская грамматика. - СПб., 1827.
- Гречин С.В.** Текстостроительная функция авторизации // Вестник Томского университета / Сер. «Филология». – № 4 (12), 2010. – С. 5 – 14.
- Гринев С.В.** Введение в лингвистику текста: Учебное пособие. – М., 2001.

- Гриненко Г.В.** Сакральные тексты и сакральная коммуникация. - М., 2000;
- Гришина О.Н.** Особенности организации информации в научном и художественном тексте // Функциональные стили: Лингвометодические аспекты. - М., 1985. - С. 39-48.
- Гумбольдт В., фон.** Избранные труды по языкознанию. - М., 1984.
- Гутнер Г.Б.** Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия. М.: Институт философии РАН – Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2008.
- Гутнер Г.Б.** Философия языка. Учебное пособие. - М.: УРАО, 2001.
- Гутнер Г.Б., Огурцов А.П.** Дискурс // Новая философская энциклопедия (2-е изд., испр. и допол.) - М.: Мысль, 2010.
- Данилевская Н.В.** Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. - Пермь, 1992.
- Даниелян В.М.** Особенности композиции и языка научно-технической статьи// Научно-техническая информация. 1971. 1 (Серия 1).
- Даниленко В.П.** Введение в языкознание: Курс лекций. – М, «Флинта», «Наука», 2010.
- Девкин А.П.** Определение и объяснение как композиционно-речевые формы в английских научных и научно-популярных текстах: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. - Минск, 1984.
- Дедова О. В.** К вопросу о терминологии лингвистического описания русского гипертекста (о соотношении понятий гипертекстуальности и интертекстуальности) // Русский язык: исторические судьбы и современность. - М., 2001.
- Дедова О.В.** Лингвистическая концепция гипертекста: основные понятия и терминологическая парадигма // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. - М., 2001. № 4.
- Дементьев В.В.** Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания, 1997, № 1.
- Дементьев В.В.** Исследования по речевым жанрам в России: XXI век // Лингвистика текста и дискурсивный анализ. Традиции и перспективы. СПб., 2007., - С. 162-196.
- Дементьев В.В.** Непрямая коммуникация и ее жанры. – Саратов, 2000.
- Дементьев В.В., Седов К.Ф.** Теория речевых жанров: социопрагматический аспект // Stilistika VIII. – Opole, 1999. – С. 6 – 8
- Демьяненко М.Я., Лазаренко К.А.** Дифференциация текстов по формам общения // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. Киев, 1979. С. 123-139.
- Демьянков В.З.** Доминирующие лингвистические теории в конце 20 века. – М., 1995.
- Демьянков В.З.** Различия между текстом и дискурсом. [Электронный ресурс]: 2007, <http://www.infolex.ru>

- Демьянков В.З.** Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т.М.Николаевой «Языки славянских культур», - М., 2005. – С. 34-55.
- Демьянков В.З.** «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной литературы: Обзор направлений // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 223-234.
- Денисова Г.В.** В мире интертекста: язык, память, перевод. – М., 2003.
- Дешериев Ю.Д.** Социальная лингвистика. - М., 1977.
- Диалектика текста.** – СПб.: издательство СПбГУ., Т. 1-2, 1999 - 2003.
- Диброва Е.И.** Лексико-семантическая парадигматика // Современный русский язык. 4.1. - Ростов-на-Дону, 1997.
- Диброва Е.И.** О филологическом истолковании текста // Семантика языковых единиц: Докл. 4-й междунар. научн. конф. - М.: Альфа, 1994. 4.4: семантика художественного текста. С. 14-22.
- Диброва Е.И.** Пространство текста в композитном членении // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII Международной конференции (МОПУ). - М., 1999. С.91-138.
- Долинин К.А.** Интерпретация текста: французский язык. - М., 2005.
- Дмитриева Т.А.** Просодические характеристики связного текста // Предложение и текст: структурно-семантические характеристики. - Киев, 1984.
- Доблаев Л.П.** Логико-психологический анализ текста. Саратов, 1969.
- Доблаев Л.П.** Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. - М., 1982.
- Долинин К.А.** Интерпретация текста. - М., 1985.
- Долинин К.А.** Интерпретация текста: Французский язык: Учебное пособие. - М.: КомКнига, 2010. – 304 с.
- Долинин К.А.** Стилистика французского языка. - Л., 1978.
- Дресслер В.** Введение в лингвистику текста // Проблемы теории текста: Реферативный сборник. - М., 1978. С. 55-73.
- Дресслер В.** Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1978. Вып. 8. С. 111-137.
- Дридзе Т.М.** Интерпретационные характеристики и классификация текстов // Смысловое восприятие речевого сообщения (В условиях массовой коммуникации). - М., 1976. С. 34-45.
- Дридзе Т.М.** Понятие и метод установления содержательной структуры текста применительно к учебному тексту (информационно-целевой анализ) // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. - Киев, 1979. С. 92-99.
- Дридзе Т.М.** Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. - М., 1984.
- Дридзе Т.М.** Язык и социальная психология. - М., 1980.
- Дроздова Т.В.** Проблемы понимания научного текста: Монография. - Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003. 224 с.

Дроздова Т.В. Реперзентация концептов в научном тексте (обыденное versus научное) // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. тр. / Под. ред. Л.А.Манерко. - Рязань, 2002. С.124-128.

Дубинина Н.А. Аргументативный анализ текста (на материале научной статьи): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. - М., 1991.

Дымарский М.Я. Дейктический модус текста и единицы текстообразования (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. - СПб., 2000.

Дымарский М.Я. Проблемы русского текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв). СПб-б, 1999.

Дымарский М.Я. Проблемы русского текстообразования: сверхфразовый уровень организации художественного текста: Автореферат дис. ... док. филол. наук. СПб-б, 1999.

Дэвидсон Д. Истина и значение // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1986. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка.

Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. - М., 1986.

Ейгерт Т.В., Юхт В.Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: Материалы научной конференции. – Часть 1, – М., 1974, - С. 103-110.

Жаббарова Ф.У. Категории текста // Вестник Башкирского университета (Филология и искусствоведение). 2011. Т. 16, №3. – С. 759-762.

Жанры речи: Сб. науч. статей. - Саратов, 1997.

Жанры речи: Сб. науч. ст. Вып. 2. – Саратов, 1999.

Жанры речи. Сб. науч. ст. Вып. 3. – Саратов, 2002.

Жанры речи: Сб. науч. ст. Вып. 6: Жанр и язык. – Саратов, 2009.

Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: диссертация на соискание уч. степени д.ф.н. – М., 2004.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов (Издание 5-е, исправленное и дополненное). – Назрань: Издательство ООО «Пилигрим», 2010.

Живов В.М. О связанности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и словаре: сб. ст. к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 573 – 581.

Жинкин Н.И. Грамматика и смысл // Язык и человек. - М., 1970. С. 63-85.

Жинкин Н.И. Интеллект, язык и речь // Нарушение речи у дошкольников. - М., 1972. С. 9-31.

Жинкин Н.И. Исследование внутренней речи по методике центральных речевых помех // Известия АПН РСФСР. 1960. № 113.

Жинкин Н.И. Механизмы речи. - М., 1958.

Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26-38.

Жинкин Н.И. Психологические основы развития мышления и речи // Русский язык в школе. - 1985. - № 1. - С. 47-55.

- Жинкин Н.И.** Речь как проводник информации. - М., 1982.
- Жинкин Н.И.** Язык. Речь. Творчество. - М., 1998.
- Журавлев В.К.** Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. - М., 1982.
- Загурска Б.** Структурно-смысловая организация научной статьи: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. - М., 1992.
- Залевская А.А.** Информативный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. - М., 1985. С. 150-171.
- Залевская А.А.** Понимание текста: психолингвистический подход. - М., 1988.
- Залевская А.А.** Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. - М., 2005.
- Залевская А.А.** Текст и его понимание. - Тверь, 2001.
- Зарецкая Е.Н.** Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. - М., 1998.
- Зарубина Н.Д.** К вопросу о лингвистических единицах текста // Синтаксис текста. - М., 1979. - С. 103-112.
- Зарубина Н.Д.** Категория повествовательности и анализ текста // Русский язык за рубежом. - 1990. - № 5. - С. 55-60.
- Зарубина Н.Д.** Текст: Лингвистический и методический аспекты. - М., 1991.
- Звегинцев В.А.** Мысли о лингвистике. М., 1996.
- Звегинцев В.А.** О цельнооформленности единиц текста // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. - М., 1980.
- Звегинцев В.А.** Язык и лингвистическая теория. М., 1978.
- Зеленецкий К.П.** Топики // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. - М., 1997. С. 34-40.
- Зелинская Н.В.** Научный текст как средство формирования когнитивно-эстетической картины мира // Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. - М., 2000. С. 92-93.
- Земская Ю.Н., Панченко Н.В.** Креативная функция личности в сфере языковой коммуникации // Очерки по лингвистической детеминологии и дериватологии русского языка: коллективная монография. - Барнаул, 1998.
- Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Комиссарова Л.М., Панченко Н.В., Чувакин А.А.** Теория текста: Учебное пособие. - М.: Флинта; Наука, 2010.
- Зимняя И.А.** Вербальное мышление (психологический аспект) // Исследования речевого мышления. - М., 1985. - С. 72-85.
- Зимняя И.А.** Предметный анализ текста как продукта говорения // Смысловое восприятие речевого сообщения. - М., 1976.
- Зимняя И.А.** Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. - М., 1978.
- Зимняя И.А.** Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976. С. 5-33.

- Золотова Г.А.** К вопросу о конструктивных единицах текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. - М., 1984.
- Золотова Г.А.** Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. - М., 1982.
- Золотова Г.А.** О лингвистических основаниях коммуникативной типологии речи // Русский язык за рубежом. - 1982. - № 5. - С. 51-56.
- Золотова Г.А.** О модальности предложения в русском языке // НДВШ. Филологические науки. - 1962. - № 4. - С. - 65-79.
- Золотова Г.А.** Текст как главный объект лингвистики и обучения языку // Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания: сб. докладов, в 2 т. СПб., 2003. Т.1.
- Золотова Г.А.** Очерк функционального синтаксиса русского языка. - М., 1973.
- Золотова Г.А., Оттенка Н.К., Сидорова М.Ю.** Коммуникативная грамматика русского языка. - М., 1998.
- Зырянова Т.А.** Изменения в семантике и функционировании сложноподчиненных предложений с причинно-следственными отношениями // Язык и стиль научного изложения. Лингвометодические исследования. - М., 1983. - С. 183-194.
- Зырянова Т.А.** О семантических разновидностях сложноподчиненных предложений с временными отношениями в научном стиле русского языка (сравнительно с художественным) // Специфика и эволюция функциональных стилей. - Пермь, 1979. - С. 38-47.
- Иванова Т.Б.** Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах. - Харьков, 1988.
- Иванчикова Е.А.** Жанровые формы газетной публицистики: Опыт типологии текстов // Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. - М., 1987. - С. 73-135.
- Иванчикова Е.А.** О дифференциации жанровых форм речи // Структура лингвостилистики и ее основные категории. - Пермь, 1983. - С. 10-15.
- Иванчикова Е.А.** Синтаксис текстов, организованных авторской точкой зрения // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. - М.: Наука, 1977. - С. 198 - 240.
- Изенберг Х.** О предмете лингвистической теории текста // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1978. Вып.8. С. 43-56.
- Ильенко С.Г.** О семантическом «радиусе действия» предложения в тексте // Теория языка, методы его исследования и преподавания / К 100-летию со дня рождения Л.В. Щербы. «Наука». - Л., 1981.
- Ильенко С.Г.** Русистика: Избранные труды. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. - 676 с.
- Ильенко С.Г.** Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц // Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц. - Л. Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. - С. 7 - 22.

- Ильин В.И.** Потребление как дискурс: Учебное пособие. - СПб.: Интерсоцис, 2008. - 446 с.
- Информативность текста и его компонентов:** Сборник научных трудов МГПИИЯ им.. - Вып. 263. - М., 1986.
- Иргашева Т.Г.** Лингвистика текста как интегрирующая филологическая дисциплина. <https://cyberleninka.ru/>
- Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж.** Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ.. - 2-е изд., испр. - Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. - 352 с.
- Иртеньева Н.Ф.** Классификация текстов по их отношению к действительности // Текст, структура и семантика. Пятигорск, 1981. С. 3-12. Исследования по теории текста: Реферативный сборник. - М., 1979.
- Иссерлин Е.М.** Официально-деловой стиль. М., 1970.
- Иссерлин Е.М.** Стиль научно-популярной литературы. М., 1972.
- Исследования по русской терминологии:** Сб. статей. М., 1971.
- Исследования по структуре текста.** - М., 1987.
- Исследования по теории текста:** Реферативный сборник. - М., 1979.
- Кайда Л.Г.** Эффективность публицистического текста/ Под ред. Я.Н. Засурского. М., 1989.
- Калюга М.А.** Выражение отношений причинности в тексте: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. - М., 1986.
- Калюга М.А.** Причинно-следственные и причинные отношения в сложном синтаксическом целом // Русский язык в национальной школе. - 1989. - № 2. - С. 6-9.
- Каменская О.Л.** Лингвистика на пороге XXI века. Лингвистические маргиналии: Сборник научных трудов. Вып. 432. - М., 1996.
- Каменская О.Л.** Прагматические свойства текста // Язык как коммуникативная деятельность человека: Сб. науч. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореза. - М., 1987. Вып. 284. С.72-79.
- Каменская О.Л.** Текст и коммуникация: Учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. - М.: Высшая школа, 1990. 152 с.
- Карасев Л.В.** Онтология и поэтика // Вопросы философии. 1996. № 7.
- Карасик В.И.** Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. - 2016, <https://cyberleninka.ru/>
- Карасик В.И.** Лингвистика текста и анализ дискурса. Архангельск - Волгоград: Перемена, 1994. 34 с.
- Карасик В.И.** О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. - Волгоград : Перемена, 2000 (а). - С. 5-20.
- Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - Волгоград, «Перемена», 2002. - 477 с.
- Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. - М., 1987; М., 2002.

- Караулов Ю.Н., Петров В.В.** От грамматики текста к когнитивной теории дискурса: вступ. статья // Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. - М.: Прогресс, 1989. С. 5-11.
- Каримова Р.А.** Семантико-структурная организация текста (на материале устных спонтанных и письменных текстов). - Уфа, 1991.
- Карманова З.Я.** Интенциональная сущность риторической организации научно-технических текстов // Понимание менталитета и текста. - Тверь, 1995. - С. 55-66.
- Категории текста:** Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза. - Вып. 228. - М., - 1984. С. 122-144.
- Категоризация мира: пространство и время.** М., 1997.
- Кацнельсон С.Д.** Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. - 1984. - № 4. - С. 3-12.
- Кацнельсон С.Н.** Семантико-грамматическая концепция У.Л.Чейфа // Послесловие в кн.: Чейф У.Л. Значение и структура языка. - М., 1975. - С. 407-427.
- Кацнельсон С.Д.** Типология языка и речевое мышление. - Л., 1972.
- Качесова И.Ю.** Коммуникативно-деятельностный аспект аргументации // Человек - Коммуникация - Текст. - Барнаул, 1999. Вып. 3.
- Качесова И.Ю.** Синтаксическая композиция текстов рассказов В.М. Шукшина: Трансформационный аспект: Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998.
- Качесова И.Ю.** Текстовые реализации характеристик поля аргументации // Филология и человек. 2008 № 2.
- Качесова И.Ю., Комиссарова Л.М., Земская Ю. Н., Панченко Н.В.** Теория текста: Учебное пособие. - М., «Флинта», «Наука», 2010.
- Кашкин В.Б.** Дискурс: Учебное пособие. - Воронеж, 2004. - 76 стр.
- Квадратура смысла:** Французская школа анализа дискурса. - М., 1999.
- Кваскова Л.В.** Основы функциональной грамматики: коммуникативно-прагматический аспект (Монография). - М., МПГУ, 2016.
- Квитко Е.С.** Термин в научном документе. Львов, 1976.
- Квитко Е.С., Лейчик В.М., Кабанцев Г.Г.** Терминологические проблемы редактирования. Львов, 1986.
- Кибрик А.А.** Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дисс. В виде научного доклада. - М., 2003.
- Кибрик А.А.** Дискурс (7 фактов об одном из центральных понятий современной лингвистической теории), 2013, [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://postnauka.ru/faq/10456>
- Кибрик А.А., Паршин П.Б.** Дискурс [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/>
- Кибрик А.А., Плунгян В.А.** Функционализм // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: УРСС, 2002. С. 276-339.

Кириченко Н.В. О влиянии экстралингвистических факторов на функционирование грамматической категории в научном стиле (на материале форм страдательного залога) // Основные понятия и категории лингвистилистики. - Пермь, 1982. - С. 139-143.

Кириченко Н.В., Зотова Л.О. О взаимодействии видовых форм и способов глагольного действия в научной речи // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. - Пермь, 1984. - С. 144-153.

Кириченко Н.В. О так называемой полярности стиливых черт научной речи // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. - Пермь, 1986. - С. 75-79.

Киров Е.Ф. Цель событий – дискурс/текст – концепт // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Лингводидактические аспекты МК: Сборник науч. ст. – Волгоград : Изд-во «Волгоград», 2004. – Вып. 2.– С. 29–41.

Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. – Л.: ЛГУ, 1978. – 160 с.

Китайгородова И.Н. Лингвистический анализ текста: Учебное пособие. – ИД «Астраханский университет», 2015.

Клюев Ю.В. **Дискурс в массовой коммуникации (междисциплинарные характеристики, концепции, подходы)** // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2013. Вып. 1, с. 207-217.

Клюев Е.В. **Речевая коммуникация.** - М., 2002;

Кобрина Н.А. Когнитивное направление как естественное следствие и закономерность в развитии лингвистики // В поисках смысла. Сборник науч. трудов, посвященных памяти проф. А.А. Худякова. – СПб.: СПбГУ ЭиФ, 2010. – С. 13 – 22.

Ковтунова И.И. Вопросы структуры текста в трудах академика В.В.Виноградова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. - М., 1982. С. 3-18.

Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение. - М., 1976.

Кодохов В.И. Русский язык как иностранный: Учебное пособие. - Л., 1985.

Кожевникова К.В. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. - М., 1979. С. 49 – 67.

Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. - М., 1982.

Кожин О.А. и др. Функциональные типы русской речи. - М., 1982.

Кожина М.Н. Аспекты изучения стереотипности научного текста как одной из сторон текстовой деятельности // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. - М., 1996. - С. 349-354.

Кожина М.Н. Интерпретация текста в функционально-стилевом аспекте // Stilistyka, 1 - Opole, 1992. - С. 114-118.

- Кожина М.Н.** Об отношении стилистики и лингвистики текста // Функциональный стиль научной прозы. Проблемы лингвистики и методики преподавания. - М., 1980. - С. 3-17.
- Кожина М.Н.** О диалогичности письменной научной речи. - Пермь, 1986.
- Кожина М.Н.** О некоторых вопросах диахронической стилистики // Лингвостилистические исследования научной речи. - М., 1979.
- Кожина М.Н.** О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. - Пермь, 1972.
- Кожина М.Н.** О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-семантическими категориями // Структура лингвостилистики и ее основные категории. - Пермь, 1983. - С. 15-24.
- Кожина М.Н.** О соотношении стилей языка и стилей речи с позиции языка как функциональной системы // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. - Пермь, 1984.
- Кожина М.Н.** О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филологические науки. - 1987. - № 2. - С. 35-41.
- Кожина М.Н.** О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка // Разновидности и жанры научной прозы. Лингвостилистические особенности. - М., 1989. - С. 3-27.
- Кожина М.Н.** Различные случаи ширококонтекстной гипотетичности // Очерки истории русского литературного языка XVI-XX вв. - Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). - Ч. 2. - Пермь, 1998. - С. 275-283.
- Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. - М., 1983.
- Кожина М.Н.** Язык и стиль в функциональном аспекте (к определению предмета и структуры стилистики) // Основные понятия и категории лингвостилистики. - Пермь, 1982. - С. 15-34.
- Кожина М.Н., Данилевская Н.В.** О развитии смысловой структуры в научном тексте посредством развернутых вариативных повторов (к постановке вопроса) // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. - Пермь, 1984. - С. 123-131.
- Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.** Стилистика русского языка: Учебник. - М.: «Наука», 2008.
- Кожина М.Н., Котюрова М.П.** О некоторых тенденциях функционирования единиц синтаксиса в русской научной речи // Стиль научной речи. - М., 1978. - С. 3-23.
- Кожина М.Н., Кыркунова Л.Г., Протопопова О.В.** О зависимости употребления функционально-смысловых типов речи от экстралингвистической основы стилей в научных и официально-деловых текстах // Общественно-политический и научный текст как объект обучения иностранным языкам. - М., 1986. - С. 62-64.
- Колегаева И.М.** Текст как единица научной и художественной коммуникации. - Одесса, 1991.
- Колесникова И.А.** Связность как явление внутренней структуры текста. - Киев, 1981.

- Колесов В.В.** Жизнь происходит от слова ... - СПб., 1999.
- Колшанский Г.В.** Коммуникативная функция и структура языка. - М., 1984.
- Колшанский Г.В.** Компоненты структуры текста // Лингвистика и методика в высшей школе. - М., 1981.
- Колшанский Г.В.** Коммуникативная структура языка и структура текста. М., 1984.
- Колшанский Г.В.** Контекстная семантика. - М., 1980.
- Колшанский Г.В.** Объективная картина мира в познании и языке. - М., 1990.
- Колшанский Г.В.** О языковом механизме порождения текста // Вопросы языкознания. 1983. - №3. С.44-51.
- Колшанский Г.В.** Текст как единица коммуникации // Проблемы общего и германского языкознания. - М., 1978.
- Коммуникативно-синтаксический и стилистический аспекты анализа текста:** Сб. статей УДН им. П.Лумумбы. М., 1980.
- Коммуникативные и прагматические особенности текстов разных жанров:** Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. - Вып. 179. - М., 1981.
- Коммуникативный синтаксис:** Сб. науч. тр. УДН им. П.Лумумбы. - М., 1984.
- Кондаков Н.И.** Логический словарь справочник. - М.: 1975.С. 240.
- Конечкая В.П.** Социология коммуникации. М., 1997;
- Копыленко О.М.** Текст как продукт деятельности говорящего и слушающего // Исследование речемыслительной деятельности. - Алма-Ата, 1974. С. 129-133.
- Копытов О.Н.** Модус на расстоянии текста: Монография. – Хабаровск: Изд-во ХГИИК, 2012. – 299 с.
- Копытов О.Н.** О фундаментальных категориях текста - <https://cyberleninka.ru/article/n/o-fundamentalnyh-kategoriyah-teksta>
- Корольков В.И.** Об изучении параметров текста // Аспекты изучения текста. - М., 1981. - С. 55-81.
- Коротеева О.В.** Дефиниция в педагогическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Волгоград, 1999. 24 с.
- Костомаров В.Г.** Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. - М., 2005.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.** Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Сб. "Язык и творчество". - М., 1996.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.** Лингвометодические проблемы современного учебного текста // Сб. материалов Междунар. конф. "Проблемы обучения в условиях перехода на многоуровневую систему образования. Иркутск, 1997.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.** Особенности понимания современного русского текста // Специальный вестник филиала Института русского языка в Венгрии № 7. - Будапешт. - 1997. - С. 5-12.

- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.** Пространство современного русского дискурса и единицы его описания // Русский язык в центре Европы. Методический центр Банка Бистрица, 1999, с. 65-76.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.** Старые мехи и молодое вино. СПб., 2001.
- Кострова О.А.** Тематическая прогрессия в текстах разных типов // Типология высказывания и текста: Сб. ст. - Куйбышев, 1983. С. 55-64.
- Котюрова М.П.** Анафорические местоимения (личные и указательные) в научном и художественном стилях // Исследования по стилистике. - Пермь, 1976. - С.121-131.
- Котюрова М.П.** Конструкции связности как средство выражения связности изложения // Вопросы стилистики. - Саратов, 1975. - С. 25-44.
- Котюрова М.П.** Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). - Красноярск, 1988.
- Котюрова М.П.** О выражении рациональной оценки в современной научной речи // Проблемы функционирования языка в его разновидностях. - Пермь, 1980.
- Котюрова М.П.** О понятии связности и средствах его выражения в научной речи // Язык и стиль научной литературы. - М., 1977. - С. 139-156.
- Котюрова М.П.** Смысловая структура русского научного текста и ее экстралингвистические основания: Функционально-стилистический аспект: Автореферат дис. ... докт. филол. наук. - Свердловск, 1989. - С. 31.
- Кох В.А.** Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1978. Вып.8. Лингвистика текста. С. 149-171.
- Краевская Н.М.** Композиция устного научного текста: Жанр доклада // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвистические особенности. - М., 1989. - С. 70-93.
- Краснова Т.И.** Термин «дискурс» и его положение в метаязыке науки: познавательно-образовательный аспект // Лингвокультурология, 2016, <https://cyberleninka.ru/>
- Красных В.В.** Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М., 1998.
- Красных В.В.** Новый тип текста: миф или реальность? (Размышления на досуге) // Язык, сознание, коммуникация. М., 2000. Вып. 11. С. 47-50.
- Красных В.В.** Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. - 270 с.
- Красных В.В.** От концепта к тексту и обратно // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. М., 1998. №1. С.48-65.
- Красных В.В.** «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? - М., 2003.
- Крейдлин Г.Е.** Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. - М., 2004.
- Кривоносов А.Т.** "Лингвистика текста" и исследования взаимоотношения языка и мышления // Вопросы языкознания. - 1986. - № 6. - С. 23-37.

- Кривоносов А.Т.** "Текст" и логика // Ш. 1984. №3. С.30-43.
- Кривоносов А.Т.** Языковые средства выражения логического отрицания // НДВШ ФН, 1985. №1. С.60-67.
- Кривошапова Н.В.** Традиционные и новые подходы к изучению текста // Вестник ЧГПУ им. И.Я.Яковлева, 2019, № 3 (103).
- Крижановская Е.М.** Коммуникативно-прагматическая структура научного текста как результат реализации системы прагматических установок // Актуальные проблемы русистики. - Екатеринбург, 1997.
- Кристева Ю.** Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник Московского унта. Сер. 9. Филология. - М., 1995. № 1.
- Кристева Ю.** Избранные груды: Разрушение поэтики. М., 2004.
- Кристева Ю.** Семиотика. Исследование по **семианализу**. - М.: Академический Проект. 2013. - 289 с.
- Кручинина И.Н.** Текстобразующие функции сочинительной связи // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. - М., 1984. - С. 204-210.
- Крылова О.А.** Основы функциональной стилистики русского языка. - М., 1979.
- Крылова О.А., Ремчукова Е.Н.** Вариативность грамматических форм как источник текстовой экспрессии // Филологические науки. № 2. 2001. С. 57-64.
- Крысин Л.П.** Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык - культура - этнос. - М., 1994.
- Кубрякова Е.С.** Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994, № 4.
- Кубрякова Е.С.** Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 1986.
- Кубрякова Е.С.** О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. - М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7-25.
- Кубрякова Е.С.** Текст и его понимание // Русский текст. - СПб., 1994. № 2.
- Кубрякова Е.С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука в конце XX века. – М., Издат. Центр Рос. гос. ун-та, 1995. – С. 144-238.
- Кубрякова Е.С.** Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира // Языки славянской культуры (Язык. Семиотика. Культура). - М., 2004. - 560 с.
- Кубрякова Е. С., Александрова О.В.** Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. - М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 19-20.
- Кубрякова Е.С., Александрова О.В.** О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста: Докл. конф. - М., 1999.
- Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г.** О типологии процессов деривации // Теоретические аспекты деривации. - Пермь, 1982.

- Кудлаева А.Н.** Типы текстов в структуре дискурса. Дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. - Пермь, 2006.
- Кудрявцева Т.С.** К проблеме функциональной типологии текстов (на материале учебных текстов) // Семантика текста и проблемы перевода. - М., 1984. С. 71-78.
- Кудрявцева Т.С.** Текст как единица обучения // Текст в речевой деятельности: Перевод и лингвистический анализ. - М., 1988. - С. 62-71.
- Кудрявцева Т.С.** Текст как пересечение смысла и стиля // Текст в языке и речевой деятельности. - М., 1987. - С. 112-120.
- Кудрявцева Т.С.** Учебный текст как объект лингводидактического описания русского языка: функции, типология, принципы оценки: Дис. ... канд. пед. наук. - М., 1985.
- Кузьмина Н.А.** Интертекст и его роль в процессах поэтического языка. - Екатеринбург; - Омск, 1999.
- Купина Н.А.** Сверхтекст и его разновидности // Теория текста: лингвистический и стилистический аспекты: Тез. докл. - Екатеринбург, 1992.
- Купина Н.А.** Смысл художественного текста и аспекты лингвистического анализа. - Красноярск, 1983.
- Купина Н.А.** Тоталитарный язык. Екатеринбург; - Пермь, 1995.
- Курахтанова И.С.** О некоторых средствах выражения категории количества в различных функциональных стилях // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. - Пермь, 1987. - С. 90-97.
- Кутина Л.Л.** Формирование языка русской науки. - М. -Л., 1964.
- Кухаренко В.А.** Интерпретация текста: Учебник. - М., «Просвещение», 1988.
- Лавренова О.А.** Моделирование семантической структуры текстов научно-технического содержания в связи с автоматизацией информационных процессов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.
- Лазарева Э.А.** Дискурс массовых коммуникаций: проблемы интертекстуальности // Человек - коммуникация - текст. - Барнаул, 2000. Вып. 4.
- Лазарева Э.А.** Системно-стилистические характеристики газеты. - Екатеринбург, 1993.
- Лакофф Дж.** Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. - М., 1988. С. 12-51.
- Лапп Л.М.** Интерпретация научного текста в аспекте фактора "субъект речи". - Иркутск, 1993.
- Лапп Л.М.** Отражение фаз деятельности продуктивного мышления ученого в смысловой структуре научного текста // Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей. - Пермь, 1985. - С. 29-36.
- Лаптева О.А.** Внутрстилевая эволюция современной русской научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. - М., 1961. - С. 126-185.

- Лаптева О.А.** Идеи коммуникативной лингвистики в коммуникативной методике // Русский язык за рубежом. - № 2. - 1990.
- Лаптева О.А.** Исследования диалогической речи // Вопросы языкознания. - № 6. - 1984.
- Лаптева О.А.** Русский разговорный синтаксис. - М., 1976.
- Лаптева О.А.** Синтаксическая дискретность монологического высказывания в устной научной речи // Функциональные стили: Лингвистические аспекты. - М., 1985. - С. 118-132.
- Лариохина Н.М.** Вопросы синтаксиса научного стиля речи. - М., 1979.
- Левинтова Е.Н.** Опыт таксономии наук о тексте. Принцип изучения художественного текста. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1992. – 186 с.
- Левицкий Ю.А.** Лингвистика текста: Учебник. – М., «Высшая школа», 2006.
- Левицкий Ю.А.** Параметры текстообразования // Теория текста: лингвистический и стилистический аспекты. - Екатеринбург, 1992. - С. 39-50.
- Левицкий Ю.А.** Проблемы лингвистики текста. - Пермь, 2002.
- Левицкий Ю.А.** Структура связного текста. – Пермь, Пермск. гос. ун-т, 1978. 64 с.
- Леонтьев А.А.** Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. - М., 1979. - С. 18-48.
- Леонтьев А.Н.** Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев А.А.** Основы психолингвистики. - М., 1999.
- Леонтьев А.А.** От редактора // Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. - М., 1976. - С. 5-16.
- Леонтьев А.А.** Понятие текста в современной лингвистике и психолингвистике // Психодингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. - Киев, 1979.
- Леонтьев А.А.** Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста: Материалы научной конференции МГПИИЯ им. М.Тореза. - Ч. 1. - М., 1974. - С. 168-172.
- Леонтьев А.Н.** Проблемы развития психики. - М., 1972.
- Леонтьев А.А.** Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. - М., 1969.
- Леонтьев А.А.** Психология общения. - Тарту, 1974.
- Леонтьев А.А.** Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. - М., 1969. С. 58-66.
- Леонтьев А.А.** Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Леонтьев А.А.** Язык, речь, речевая деятельность. М., 1968.
- Леонтьева Н.Н.** Семантика связного текста и единицы информационного анализа // НТИ. Серия 2. 1981. № 1. С. 21-29.
- Лингвистика текста:** Мат. науч. конф. МГПИИЯ им. М.Тореза. - Ч.1. - М., 1974.

- Лингвистика текста:** - Мат. науч. конф. МГПИИЯ им. М.Тореза. 1976. Вып. 103.
- Лингвистика текста:** Мат. науч. конф. МГПИИЯ им. М.Тореза. 1979. - Вып. 141.
- Лингвистические исследования художественного текста.** - Л., 1983.
- Лингвистические средства текстообразования.** - Барнаул, 1985.
- Лингвистический энциклопедический словарь** / Гл. ред. В.Н.Ярцева. - М.: БРЭ, 2002. 709 с.
- Лингвостилистические проблемы текста:** Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза - 1983.
- Лисович И.И.** Научные дискурсы в культуре Англии раннего нового времени: автореф. дис. ... д-ра культурологии. - М., 2015. 47 с.
- Лихачев Д.С.** Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. - Л., 1989.
- Лихачев Д.С.** Историческая поэтика русской литературы. - СПб., 1997.
- Лосева Л.М.** Как строится текст: Пособие для учителей. - М., «Просвещение», 1980.
- Лосева Л.М.** Межфразовая связь в текстах монологической речи: Автореферат дис. ... докт. филол. наук. - Одесса, 1969.
- Лосева Л.М.** Основные функциональные типы сложных синтаксических целых // Русский язык в школе. - 1977. - № 1. - С. 90-94.
- Лосева Л.М.** Синтаксическая структура целых текстов. - Одесса, 1971.
- Лосева Л.М.** Структурно-семантическая организация целых текстов. - Одесса, 1973.
- Лосева Л.М.** Текст как единое целое и его составляющие (сложные синтаксические целые) // РЯШ, 1973. №1. С.61-67.
- Лотман Ю.М.** Анализ поэтического текста. Л., 1972.
- Лотман Ю.М.** Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. - М., 1996.
- Лотман М.Ю.** Двойственная природа текста // Текст и культура: Общие и частные проблемы. - М., 1985.
- Лотман Ю.М.** История и типология русской культуры. - СПб., 2002.
- Лотман Ю.М.** Культура и взрыв. - М., 1992.
- Лотман Ю.М.** О моделирующем значении понятий «конца» и «начала» в художественных текстах // Ю.М. Лотман. Семиосфера. - СПб., 2000 (б).
- Лотман Ю.М.** Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность. М., 1997. С. 202-207.
- Лотман Ю.М.** Структура художественного текста // Ю.М. Лотман. Об искусстве. - СПб., 2000.
- Лотман Ю.М.** Текст как семиотическая проблема // Ю.М. Лотман. История и типология русской культуры. - СПб., 2002.
- Лунёва В.П.** О степени самостоятельности предложения в сложном синтаксическом целом // РЯШ. 1972. №1. С. 100-104.

- Лукин В.А.** Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. - М., 1999.
- Лукин В.А.** Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. - М., 2005.
- Лурья А.Р.** Язык и сознание. – Ростов-на-Дону, 1998.
- Львов М.Р.** Основы теории речи: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2000. - 248 с.
- Ляпина С.В.** Текст как высшая синтаксическая единица // Синтаксические связи и синтаксические отношения в русском языке: материалы Всероссийской конф. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. – С. 78 – 80.
- Ляпон М.В.** Смысловая структура сложного предложения и текст. - М., 1986. 200 с.
- Ляховицкий М.В., Емельянов А.А., Гринюк Г.А.** Некоторые психолингвистические характеристики научно-технического текста // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. Киев, 1979. С. 110-123.
- Майданова Л.М.** Критерии текстообразования и композиция газетного текста: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. - Свердловск, 1987.
- Майданова Л.М.** Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек - текст - культура. - Екатеринбург, 1994.
- Макаров М.Л.** Дискурс: форма, функция, культура // Языки и литературы народов Горного Алтая. Междунар. ежегодник - 2002. Горно-Алтайск, 2002.
- Макаров М.Л.** Основы теории дискурса. - М., «Гнозис», 2003, 276 с.
- Макурова С.Р.** «Лингвистика» - «Грамматика» - «Лингвистика (грамматика) текста»: содержание и корреляция понятий / <https://cyberleninka.ru/article/n>
- Макьюин К.** Дискурсивные стратегии для синтеза текста на естественном языке / Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. Вып. 24. С. 311-357.
- Малашенко В.П., Милевская Т.В.** Связность как категория дискурса и текста // Единицы языка в функционально-прагматическом аспекте: Сб. науч. трудов. Ростов н/Д, 2000.
- Малашенко В.П., Милевская (Малашенко) Т.В.** Изучение грамматики современного русского языка в функциональном аспекте // Междунар. конф. ЮНЕСКО «Евролингвауни». - Москва, 27-31 мая 1995. - М., 1996.
- Малашенко В.П., Милевская Т.В.** Интенциональность дискурса и языковая картина мира // Мат-лы междунар. научно-практич. конф. «Человек. Язык. Искусство» (памяти проф. Н.Я.Черемисиной). - Москва, 2002.
- Малашенко В.П., Милевская Т.В.** Лексико-грамматическая сочетаемость слова как основа формирования смысла высказывания // Современный русский язык: Учебное пособие. - Ростов-на-Дону, 2003. С. 58-66
- Мальчевская Т.Н.** Научный текст как объект исследования при разработке стилистических проблем теории речевой коммуникации // Чтение, перевод, устная речь. Методика и лингвистика. - М., 1977. - С. 3-12.

- Мальчевская Т.Н.** Синтаксическая компрессия как ведущий признак сокращенно-описательной разновидности письменной научной речи // *Стиль научной речи*. - М., 1978. - С. 58-75.
- Мальчевская Т.Н.** Специфика научных текстов и принципы их классификации // *Особенности стиля научного изложения*. - М., 1976. - С. 104-116.
- Мальчевская Т.Н.** Специфика научных текстов и принципы их классификации // *Особенности стиля научного изложения*. - М., 1976. С. 104-116.
- Мамалыга АМ.** Структура газетного текста. - Киев, 1983.
- Манаенко Г.Н.** Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // *Язык. Текст. Дискурс: Межвуз. сб. науч. ст.* Ставрополь: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2003. С. 26–40.
- Манаенко Г.Н.** Дискурс: текст или деятельность по созданию текста? // *Язык. Дискурс. Текст / Под. ред. Т. В. Милевской*. - Ростов-на-Дону, Пед. ин-т ЮФУ, 2009. С. 86-89.
- Манаенко Н.Г.** Лингвистические координаты понятия «дискурс» // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2011, <https://cyberleninka.ru/>
- Маслов Б.А.** Механизм связи предложений в тексте // *Лингвистика текста*. - М., 1976. Вып. 103. С. 71-75.
- Маслов Б.А.** Проблема связи между предложениями в связном тексте // *Лингвистика текста*. - М., 1974. Ч. 1. С. 187-190.
- Маслов Б.А.** Проблемы лингвистического анализа связного текста. - Таллин, 1975.
- Маслова В.А.** Современные направления в лингвистике. - М., 2008. 272 с.
- Массовая культура на рубеже 20-21 веков: Человек и его дискурс.** Сб. научн. трудов. - М., 2003.
- Матвеева Т.В.** Категория // *Полный словарь лингвистических терминов*. - Ростов-на-Дону, 2010. - С. 141.
- Матвеева Т.В.** Стилистика текстовых категорий // *Stilistyka, Y1 - Opole*, 1997. - С. 124-129.
- Матвеева Т.Ф.** Актуальное членение высказывания в коммуникативной организации текста описательного типа: Автореф. дис....канд. филол. наук. - М., 1984.
- Матвеева Т.Ф.** Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1990. – 172 с.
- Матезиус В.** О так называемом актуальном членении предложения // *Пражский лингвистический кружок*. - М., 1967.
- Матезиус В.** Язык и стиль // *Пражский лингвистический кружок*. - М., 1967. - С. 444-523.
- Медведев А.Р.** К вопросу о микрокомпозиции научно-технических текстов // *Стиль научной речи*. - М., 1978. - С. 95-106.
- Мейзерский В.М.** *Философия и неориторика*. - Киев. 1992.

- Мельчук И.А.** Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ=> ТЕКСТ». - М., 1974.
- Метс Н.А., Митрофанова О.Д., Одинцова Т.Б.** Структура научного текста и обучение монологической речи. - М., 1981.
- Мецлер А.А.** Структурные связи в тексте (Парентезные конструкции). - Кишинев, 1987.
- Мещеряков В.Н.** К вопросу о модальности текста // НДВШ ФН, 2001. №4. С.99-106.
- Милевская Т.В.** Бессоюзный дискурс: сильная или слабая связь? // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 2003 г. №1. С.31-34.
- Милевская Т.В.** Дискурс и связность // Филология на рубеже тысячелетий. Материалы Международной научной конференции. - Ростов н/Д: «Донской издательский дом», 2000. В.1. Человек. Действительность. Язык.
- Милевская Т.В.** Дискурс, речевая деятельность, текст // Сборник научных трудов «Теория коммуникации & прикладная коммуникация». Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Выпуск 1 / Под общ.ред. Розиной И.Н. - Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2002.
- Милевская Т.В.** К вопросу о связности дискурса// Методология исследования: дискурс в обучении иностранному языку: Международный сборник научных трудов. - Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2002.
- Милевская Т.В.** Когерентность дискурса как специфический признак национально-дискурсивной формации // Материалы 9-ой Международной конференции «Россия и Запад: диалог культур» (28-30 ноября 2002г.). - Москва: Изд-во МГУ, 2002.
- Милевская Т.В.** Межкультурная коммуникация как взаимодействие национально-дискурсивных формаций // Актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного. - Ростов-на-Дону, 2003. Печ. 0,4
- Милевская Т.В.** О некоторых аспектах дискурсивной деятельности// Речевая деятельность. Текст: Межвузовский сб. начн. трудов. - Таганрог: Изд-во ТГГГУ, 2002.
- Милевская Т.В.** О понятии «дискурс» в русле коммуникативного подхода // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах. - Пятигорск: ПГЛУ, 2002. Ч. 1. С. 188-190.
- Милевская Т.В.** Поле связности: к постановке проблемы //Единицы языка: функционально-коммуникативный аспект (Материалы межвузовской конференции) 4.1. - Ростов-на-Дону: РГПУ, 2001.
- Милевская Т.В.** Продукционные стратегии и категория связности// Предложение и Слово: Межвузовский сборник научных трудов/ Отв. Ред. Э.П.Кадькалова. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2002.Печ. 0,5
- Милевская Т.В.** Сложные синтаксические целые как структурный фрагмент текста // Современный русский язык: Учебное пособие. - Ростов-на-Дону, 2003. С. 201-208.

- Милевская Т.В.** Связность как категория дискурса и текста. - Ростов н/Д, 2003.
- Милевская Т.В.** Связность как когнитивная категория // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы Всероссийской научной конференции (Пенза, 12-16 ноября 2002г.). М.; Пенза, 2002.
- Милевская Т.Е.** Средства выражения речевого контакта в русском языке (вопросо-ответный комплекс в научно-популярном произведении): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1985.
- Милевская Т.В.** Текстобразующий потенциал функционально-семантического поля определенности/ неопределенности // Современный русский язык: Учебное пособие. - Ростов-на-Дону, 2003. С. 198-201.
- Милевская Т.В.** Функционально-семантическое поле определенности / неопределенности и дейктические элементы текста // Функционально-семантические категории: языковой и речевой аспекты: Сб. науч. трудов. - Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 1999.
- Миловидов В.А.** От семиотики текста к семиотике дискурса. – Тверь, 2000.
- Минский М.** Фреймы для представления знаний. - М., 1979. - 152 с.
- Митрофанова О.Д.** Глагол в научной речи // Русский язык в школе. - 1975. - № 2. - С.80-86.
- Митрофанова О.Д.** Научный стиль речи: Проблемы обучения. - М., 1976.
- Митрофанова О.Д.** Язык научно-технической литературы. - М., 1973.
- Моисеева И.Ю.** Теоретические проблемы текста: Учебное пособие, Ч. 1. – Оренбург, ОГУ, 2017.
- Михалева О.Л.** Лекции по основам теории дискурса [Электронный ресурс], 2009, // <https://www.twirpx.com/file/54968/>
- Михайлов Н.Н.** Теория художественного текста. - М., 2006.
- Михайлова Л.В.** Принципы определения смыслового эллипсиса в тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
- Михальская А.К.** Основы риторики. От мысли к тексту. - М., 1996.
- Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. - М., 1987.
- Можейко М.А., Гутнер Г.Б., Огурцов А.П., Керимов Т.Х.** Дискурс / Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. 2002-2019, <https://gtmarket.ru/concepts/6987>
- Мордвинов А.Б.** Рассуждение как тип текста // Вестник МГУ: Филология. - 1978. - № 3. - С. 26-32.
- Мороховский А.Н.** К проблеме текста и его категорий // Текст и его категориальные признаки. – Киев: КГПИИЯ, 1989. – С 3-8.
- Моррис Ч.У.** Из книги «Значение и означивание» // Семиотика. - М., 2001.
- Моррис Ч.У.** Основания теории знаков // Семиотика. - М., 2001.
- Москальская О.И.** Грамматика текста. - М., 1981.
- Москальская О.И.** Текст как лингвистическое понятие: Обзорная статья // Иностранный язык в школе. - 1978. - № 3. - С. 9-17.

- Москальчук Г.Г.** Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул, 1998.
- Мотина Е.И.** Учебный текст по специальности как особая коммуникативная единица // Русский язык за рубежом. - 1978. - № 1. - С. 42-46.
- Мотина Е.И.** Язык и специальность: Лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-филологов. - М., 1983.
- Мурзин Л.Н.** О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации. - Пермь, 1982.
- Мурзин Л.И.** Синтаксическая деривация (на материале производства предложений русского языка): Автореф. дис. - Пермь, 1976.
- Мурзин Л.Н.** Синтаксическая деривация. - Пермь, 1974.
- Музрин Л.Н., Штерн А.С.** Текст и его восприятие. - Свердловск, 1991.
- Мухин М.Ю.** Категория синтагматического напряжения и лингвистический анализ художественного текста // Актуальные проблемы русистики. - Екатеринбург, 1997.
- Мухторов З.М.** Структура и семантика текста. Автореферат дис... док. филол. наук. - Душанбе, 2013.
- Мышкина П.Л.** Динамико-системное исследование смысла текста. - Красноярск, 1991.
- Мышкина П.Л.** Внутренняя структура текста. - Пермь, 1998.
- Наер В.Л.** К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка. **Вопросы дифференциации и интеграции**// Лингвостилистические особенности научного текста. - М., 1981. - С. 3-13.
- Наер В.Л.** К проблеме жанра в системе функционально-стилевой дифференциации языка: **Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза.** - Вып. 286. - М., 1987. - С. 39-47.
- Наер В.Л.** Прагматика научных текстов (Вербальный и невербальный аспект) // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. - М., 1985. - С. 14-26.
- Наер В.Л.** Уровни языковой вариативности и место функциональных стилей // Научная литература: Язык, стиль, жанры. - М., 1985. - С. 3-15.
- Науменко Е.Э.** Прагматические и структурно-композиционные особенности аннотаций как типа текста // Лингвистические проблемы текста и его компонентов в германских языках. Пятигорск, 1983. С. 181-201.
- Научная литература:** Язык, стиль, жанры. - М., 1985.
- Нестерова Н.М.** Реферативный перевод как смысловое преобразование текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1985.
- Нечаева О.А.** Функционально-смысловые типы речи: описание, повествование, рассуждение. - Улан-Удэ, 1974.
- Николаева Т.Н.** Актуальное членение - категория грамматики // Вопросы языкознания. - 1972. - № 2. - С. 48 - 54.
- Николаева Т.М.** Единицы языка и теория текста: Исследование по структуре текста. - М., 1987.

- Николаева Т.М.** Краткий словарь терминов лингвистики текста//Лингвистика текста/ Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. VIII. – Сост., общ. ред. и вступ. ст. Т.М. Николаевой. – М.: Прогресс, 1978. – С. 467-472.
- Николаева Т.М.** Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1977. № 4. С. 304-314.
- Николаева Т.М.** Лингвистика текста. Современное состояние и перспектива // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. - М., 1978. – С. 5 – 39.
- Николаева Т.М.** Метатекст и его функции в тексте // Исследования по структуре текста. - М., 1987. С. 133-147.
- Николаева Т.М.** От звука к тексту. – М., 2000.
- Николаева Т.Н.** О понятии «формула предложения» // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969. С.316-317
- Николаева Т.М.** О функциональных категориях линейной грамматики // Синтаксис текста. - М., 1979. С.37-49.
- Николаева Т.М.** Текст. Теория текста // Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990.
- Николаева Т.М.** Теория функциональной грамматики как представление языковой данности (на материале четырех выпусков книги «Теория функциональной грамматики» // Вопр. языкозн., 1995. № 1 . С. 68-79.
- Николаева Т.М.** Функции частиц в высказывании. - М., 1985.
- Николина Н.А.** Филологический анализ текста: Учебное пособие. - М., «Академия», 2007.
- Никольский Л.Б.** Синхронная социолингвистика. - М., 1976;
- Никонова Т.Н.** Рассказ-анекдот как художественно-речевая разновидность рассказов В.М. Шукшина: Дис. Горно-Алтайск, 2002.
- Новиков А.И.** Знание в системах общения // Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ. М., 1989. С. 58-103.
- Новиков А.И.** Извлечение знаний из текста как результат его осмысления // Языковое сознание. Содержание и функционирование: Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. - М., 2000. С. 170-172.
- Новиков А.И.** Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. - М., 1982.
- Новиков А.И.** Семь дихотомических признаков смысла. [Электронный ресурс] // URL: <http://teneta.rinet.ru/ms>.
- Новиков А.И.** Семантика текста и ее формализация. - М. «Наука», 1983.
- Новиков А.И.** Смысл текста как результат его понимания // Языковое сознание и образ мира: 12 Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. - М., 1997. С. 113-114.

Новиков А.И. Структура содержания текста и возможности ее формализации (На материале научно-технических текстов): Дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1983б.

Новиков А.И. Смысл: семь дихотомических признаков // Теория и практика речевых исследований. - М., 1999. С. 68-82.

Новиков А.И. Смысл как особый способ членения мира в сознании // Языковое сознание и образ мира. - М., 2000а. С. 33-38.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. - М.: Институт языкознания, 2003. № 1. - С. 64-76.

Новиков А.И. Текст как объект исследования лингвопсихологии // Методология современной психолингвистики. - Баранул, 2003.

Новиков А.И. Текст, смысл и проблемная ситуация // Вопросы филологии. 1999. № 3. С. 43-48.

Новиков А.И., Зотова А.К. Смысловая составляющая проекции текста: опыт экспериментального исследования // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. - М., 2001. С. 234-247.

Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста.

Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1980. Вып. IX. Лингвостилистика.

Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1985. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика.

Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1986. Вып. XVII. Теория речевых актов.

Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1988. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка.

Новое в лингвистике. - М., 1988. Вып. VII. Социальная лингвистика.

Ноздрина Л.А. Взаимодействие грамматических категорий в художественном тексте (на материале немецкого языка): Автореф. дис. - М., 1997.

Ноздрина Л.А. Поэтика грамматических категорий. - М., 2006.

Нурахметов Е.Н. Эмоциональный компонент в картине мира художественного текста // Текст как отображение картины мира. - М., 1989.

Общее языкознание: Внутренняя структура языка. - М., 1972.

Общение. Текст. Высказывание. - М., 1989.

Одинцов В.В. Качество речи и структура текста // Филологические науки. - 1979. - № 4. - С. 81-84.

Одинцов В.В. Композиционные типы речи // Функциональные типы русской речи. - М., 1982. - С. 180-185.

Одинцов В.В. О структурных единицах текста // Лингвистические аспекты литературно-художественных текстов. - Калинин, 1979. - С. 87-111.

Одинцов В.В. Стилистика текста. - М.: «Наука», 1980.

Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. - Нижний Тагил, 2006. - 146 с.

- Ольшанский И.Г.** Текст как единство элементов и отношений // Лингвистика текста. - М., 1974. Ч. 1. С. 209-214.
- Основы теории речевой деятельности** / Под ред. А.А.Леонтьевой. - М., 1974.
- Особенности стиля научного изложения.** - М., 1976.
- Ортега и Гасет Х.** Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.
- Основы общей риторики.** - Барнаул, 2000.
- Основы теории коммуникации** / Под ред. М. А. Василика. М., 2007.
- Откупщикова М.И.** Сверхфразовые единства, выражающие доказательства и умозаключения в научной и общественно-политической речи: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1981.
- Откупщикова М.И.** Синтаксис связного текста (Структурная лингвистическая модель): Автореферат дис. ... докт. филол. наук. - Л., 1987.
- Падучева Е.В.** Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). - М., 1985.
- Падучева Е.В.** Семантические исследования. - М., 1996.
- Панова И.И.** Лингвистика русского гипертекста // Русский язык: история и современность. - М., 2001.
- Панченко Н.В.** «Власть референции» в процессе композиционного построения художественного текста (на материале современной художественной прозы) // Филология и человек. 2008. № 1.
- Панченко Н. В.** От единиц текста к единицам композиции // Филология и человек. 2007. № 1.
- Панченко Н. В.** Состав единиц композиции текста (на материале русской прозы конца XX — начала XXI века) // Сибирский филологический журнал. 2007. № 4.
- Папина Е.Ф. Текст. Его единицы и глобальные категории. – М., «Эдиториал УРСС», 2002.
- Пассов Е.И.** Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. - М., 1989.
- Пассов Е.И.** Коммуникативное иноязычное образование. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. – Липецк, 2000.
- Пахнова Т.М.** От предложения – к тексту. От текста – к предложению // Русский язык в школе. – 2006. -№ 2. – С. 27-33.
- Пахнова Т.М.** От предложения – к тексту. От текста – к слову // Русский язык в школе. – 2006. - № 3. – С. 23-25.
- Пеньковский А.Б., Шварцкопф Б.С.** К вопросу о текстовых нормах // Лингвистика текста. - М., 1974. Ч. 1. С. 214-218.
- Перекальская Т.К.** Абзац как средство вычленения и соединения сегментов научного текста. / Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. М., 1981.
- Перфильева Н.П.** Метатекст в аспекте текстовых категорий. – Новосибирск, 2006. – 286 с.

- Петрищева Е. Ф.** Функциональная и стилистическая дифференциация речи // Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. - М., 1987. - С. 37-71.
- Петров Н.З.** О содержании и объеме языковой категории модальности. – Новосибирск: Наука, 1982. – 161 с.
- Петрова Н.В.** Интертекстуальность как общий механизм текстообразования // Автореф. Дис. ... д.ф.н. – Волгоград, 2005.
- Пешё М.** Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ.ст. П. Серию; предисл. Ю.С. Степанова. - М., Прогресс, 1999. С.302-337.
- Пешё М., Фукс К.** Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серию; предисл. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1999. С. 105-123.
- Пешкова Н.П.** Использование денотативного анализа текста при обучении устной иноязычной коммуникации // Моделирование речевых механизмов при обучении иностранному языку. Рига, 1990. С. 34-42.
- Пешкова Н.П.** Исследование влияния типа текста на механизмы смыслообразования // Сборник научных трудов «Проблемы прикладной лингвистики». Выпуск 2. – М.: Институт языкознания РАН, 2004. – С. 266-276.
- Пешкова Н.П.** К вопросу построения лингвистической классификации текстов // Типы коммуникаций и содержательный аспект языка. - М: Институт языкознания РАН, 1987. С. 199-207.
- Пешкова Н.П.** К построению модели научного текста-описания // Актуальные проблемы психолингвистики. - Тверь. 1996. С. 120-127.
- Пешкова Н.П.** Лингвистические характеристики текстов как основания для их классификации (на материале научных, технических, учебных текстов): Дис. ... канд. филол. наук. - М: Институт языкознания РАН, 1987.
- Пешкова Н.П.** Многоаспектная лингвистическая классификация текстов // Деятельностные аспекты языка. - М., 1987. - С. 144-154.
- Пешкова Н.П.** Модель описания текста в терминах его лингвистических характеристик // Функционирование текста в речевой деятельности. - М: Институт языкознания РАН, 1989. С. 135-145.
- Пешкова Н.П.** О преимуществах многоаспектного подхода к классификации речевых произведений // - Уфа: Ядкяр, 1998. № 1-2. С. 65-68.
- Пешкова Н.П.** Типология научного текста: психолингвистический аспект. - Уфа, 2002.
- Пешкова С.Н.** Смешанная, языко-ситуативная коммуникация в рассказах-сценках В.М. Шукшина: Дис. - Горно-Алтайск, 1999.
- Пешкова С.Н., Чувакин А.А.** Межтекстовые отношения как проблема теории текста // Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения. - Улан-Удэ, 2004.

- Пешковский А.М.** Интонация и грамматика // История советского языкознания: Хрестоматия / Сост. Ф. М. Березин. - М., 1988.
- Пешковский А.М.** Русский синтаксис в научном освещении. - М., 1956.
- Письменные языки мира. Языки Российской Федерации: Социолингвистическая энциклопедия.** - М., 2000-2003.
- Пищальникова В.А.** Проблема лингвоэстетического анализа текста. – Барнаул, Изд-во Алтайского ун-та, 1984. – 59 с.
- Плунгян В.А.** Лингвистика в XXI веке: проблемы, перспективы, точки роста. // <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-v-xxi-veke-problemy-perspektivy-tochki-rosta>
- Плюскина Т.Н.** Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в русских научных текстах ХУШ - ХХ вв.: Дис. ... канд. филол. наук. - Пермь, 1996.
- Покровская Е.А.** Русский синтаксис в XX веке: лингвокультурологический анализ. Ростов-на-Дону, 2000.
- Попов Ю.В.** Текст как эмпирический и теоретический объект языкознания // ВесшкБеларускага ун-та. - Минск, 1988. Ки. 1. Сер. 4.
- Попов А.Ю.** Формы экономических текстов и дискурсов // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сборник научных статей. - СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 130-137.
- Попов Ю.В., Трегубович Т.П.** Текст: структура и семантика. Минск, 1984.
- Попова З.Д., Стернин И.А.** Очерки по когнитивной лингвистике. Изд. 2-е, стереотипное. Воронеж, 2002.
- Поспелов Н.С.** О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. - М., 1950.
- Поспелов Н.С.** О грамматической природе сложного предложения // Вопросы синтаксиса современного русского языка. - М., 1950. - С. 321-337.
- Поспелов Н.С.** Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке // Уч. зап. Моск. ун-та. Вып. 137. М., 1948, С.31-41.
- Поспелов Н.С.** Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. - М., 1948. Вып. 2. С. 43-68.
- Потебня А.А.** Из записок по русской грамматике. Тт. 1 -2. - М., 1958.
- Потебня А.А.** Мысль и язык. Из лекций по теории словесности // Русская словесность. Хрестоматия. - М., 1997.
- Потебня А.А.** Эстетика и поэтика. - М., 1976.
- Почепцов Г.Г.** Теория коммуникации. - М.: Центр, 1998. 352 с.
- Почепцов О. Г.** Языковая ментальность: способ представления мира // Вопр. языкозн. 1990. № 6. С. 110-122.
- Правикова Л.В.** Релевантность как когнитивная и лингвистическая категория // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. тр. / Под. ред. Л.А. Манерко. Рязань, 2002. С.40-50.

- Прагматика и семантика синтаксических единиц.** - Калинин, 1984.
- Прагматические и семантические аспекты синтаксиса.** - Калинин, 1985.
- Прагматика и стилистика текста:** Сборник научных трудов. - Алма-Ата, 1988.
- Пражский лингвистический кружок /** Сб. статей. - М., 1967.
- Припадчев А.А.** Гносеология, прагматика и семантика в диахронии синтаксиса текста. - Воронеж: Курьер, 1992. - 172 с.
- Прияткина А.Ф.** Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. 176 с.
- Проблемы интерпретационной лингвистики:** Автор - Текст - Адресат. Новосибирск, 2001.
- Проблемы текстуальной лингвистики.** - Киев, 1983.
- Проблемы теории текста:** Реферативный сборник. М., 1978.
- Пробст М.А.** Текст в системах коммуникаций // Проблемы структурной лингвистики 1979. - М., 1981. С. 5-16.
- Прокопчук А.А.** Сложноподчиненное предложение и текст. Харьков, 1990.
- Пропп В.Я.** Морфология сказки. - М.: Наука, 1969. - 168 с.
- Протопопова О.В.** К проблеме классификации функционально-смысловых типов научной речи // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. - М., 1987. - С. 207-213.
- Протопопова О.В.** К проблеме функционально-смысловой типологии научных текстов // Лингвистические и психолингвистические проблемы языка и речи. - М., 1987. - С. 166-170.
- Протопопова О.В.** Принципы выделения и квалификации функционально-смысловых типов речи в научных текстах // Стилистика текста в коммуникативном аспекте - Пермь, 1987. - С. 78-84.
- Протопопова О.В.** Функционально-смысловые типы речи в научных и технических текстах // Функционирование языка в различных типах текста. - Пермь, 1989. - С. 43-58.
- Протопопова О.В.Б Трошева Т.Б.** Функционально-смысловые типы речи как критерий дифференциации научных и научно-технических текстов // Очерки истории русского литературного языка XVI-XX вв. - Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). - Ч. 2. - Пермь, 1998. - С. 361-380.
- Прохоров Ю.Е.** Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. - Москва-Екатеринбург, 2006. 338 с.
- Прюво Жан, Седых А.П., Бузинова Л.М.** Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения. / <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-kontekst-intertekst-sintez-smysloporozhdeniya>
- Пфютце М.** Грамматика и лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 218-242.
- Пьеге-Гро Н.** Введение в теорию итертекстуальности. - М., 2008.
- Пятигорский А.М.** Избранные труды. М., 1996.
- Разина И.Г.** Модусная структура текста в аспекте текстопорождения // Язык и культура. - 2009. - №1(5). - С. 54 - 70.

- Разинкина Н.М.** Некоторые общие проблемы изучения функционального стиля // Особенности стиля научного изложения. - М., 1976. - С. 83-104.
- Разинкина Н.М.** О понятии стереотипа в языке научной литературы // Научная литература: Язык, стиль, жанры. - М., 1985. - С. 33-47.
- Разинкина Н.М.** Стилистическая оппозиция и ее роль в изучении функционально-речевого стиля // Язык научной литературы. - М., 1975. - С. 8-2.
- Разинкина Н.М.** Функциональная стилистика английского языка. - М., 1989.
- Разлогова Е.Э.** Модальные слова и оценка степени достоверности высказывания // Русистика сегодня. 1996. № 3. С.8-23.
- Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте.** - Пермь, 1994.
- Райс К.** Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. - М., 1978. С. 202-228.
- Рафикова Н.В.** Психолингвистическое исследование процессов понимания текста. - Тверь, 1999.
- Рахилина Е.В.** Основные идеи когнитивной семантики // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под. ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 370-390.
- Рахилина Е.В.** Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. - М., 2000.
- Рахимов С.Г.** Проблемы дейксиса как категории сопоставительной грамматики // НДВШ ФН, 1986. №3. С.62-69.
- Реализация грамматических категорий в тексте.** - М., 1982.
- Ревзин И.И.** Современная структурная лингвистика. - М., Наука, 1977.
- Ревзина О.Г.** Язык и дискурс // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1999. № 1. С. 25-33.
- Реферовская Е.А.** Лингвистическое исследование структуры текста. - Л., 1983.
- Реферовская Е.А.** Коммуникативная структура текста. - Л., 1989.
- Реформатский А.А.** Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. - М., 1961. - С. 46-54.
- Ризель Э.Г.** Текст как целостная структура в аспекте лингвистилистики // Лингвистика текста. - М., 1974. Ч. 2. С. 35-38.
- Рикёр П.** Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. - М., 1995.
- Рогова К.А.** Синтаксические особенности публицистической речи. - Л., 1975.
- Рождественский Ю.В.** Об исследовании текста в языкознании // Проблемы теории текста. - М., 1978. С. 5-35.
- Рождественский Ю.В.** Проблематика современной теории текста в книге В.В. Виноградова «О художественной прозе» // Синтаксис текста. - М., 1979. С. 5-17.
- Руднев В.П.** Морфология реальности: Исследование по «философии текста». - М., 1996.

- Руднев В.П.** Прочь от реальности: исследования по философии текста. - П.; - М., 2000.
- Рулавин Г. И.** Проблема понимания и герменевтика // Герменевтика: история и современность (критические очерки). М., 1985.
- Русский язык. Текст как целое и компоненты текста.** - М., 1982.
- Русская разговорная речь: Тексты.** - М., 1978.
- Рыжкова Л.П.** Французская прагматика. - М.: URSS, 2007. 236 с.
- Рябцева Н.К.** Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка: Язык речевых действий. - М.: Наука, 1994. С. 89, 90.
- Рябцева Н.К.** Лингвистическое моделирование естественного интеллекта и представление знаний // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики 2001. Сб. статей / Отв. ред. А.И. Новиков. - М.: Азбуковник, 2001. С.228-252.
- Рябцева Н.К.** Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: Межъязыковой аспект. - М., 1996.
- Садовский В.П.** Смена парадигм системного мышления // Системные исследования - 1992 - 1994. М., 1996.
- Салимовский В.А.** Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). - Пермь: ПГУ, 2002.
- Салимовский В.А.** Речевое воплощение личности (мотивационный аспект) // Я и другой в пространстве текста: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. - Пермь: РИО Пермского ГУ, 2009. - С. 347 - 364.
- Салимовский В.А.** Семантический аспект употребления слов в функциональных стилях речи. - Иркутск, 1991.
- Самкова М.А.** Основы лингво-синергетического подхода к изучению дискурса / <https://sworld.com.ua/simpoz2/106.pdf>
- Саттаров Б.К.** Лингвистика текста. Текст по лингвистике (Монография). - Наманган, 2026, - 200 с.
- Сахарный Л.В.** Введение в психолингвистику. - Л., 1989.
- Сахарный Л.В.** Человек и текст: две грамматики текста // Человек - Текст - Культура. - Екатеринбург, 1994. - С. 7- 59.
- Сталл П.** К программе лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1978. Вып. 8. С. 79-88.
- Севбо И.П.** Структура связного текста и автоматизация реферирования. - М., 1969.
- Седов К.Ф.** Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. - М.: Лабиринт, 2007. - С.124 - 136.
- Секерина И.** Психолингвистика // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под. ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 231-260.
- Селезнева Л.В.** К вопросу о соотношении текста и дискурса / <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-teksta-i-diskursa>

- Семиотика:** Антология. - М., 2001.
- Сёмкина Н.А.** Концепты и их связи в тексте // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. тр. / Под. ред. Л.А. Манерко. - Рязань, 2002. С. 106-114.
- Семантические и коммуникативные категории текста** (типология и функционирование): Тезисы докл. Всесоюзной научн. конф. Ереван, 1990.
- Сенкевич М.П.** Работа редактора над сложным синтаксическим целым и абзацем. - М., 1968.
- Сенкевич М.П.** Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. - М., 1976.
- Сепир Э.** Коммуникация // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М., 1993.
- Сергеев В.П.** Когнитивные методы в социальных условиях // Язык и моделирование социального взаимодействия. - Благовещенск, 1998.
- Сердобинцев Н.Я.** Текст и стиль // Филологические науки. 1977. 6.
- Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др.** Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. - М., 1988.
- Серио П.** Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. - М., 1999. - 194 с.
- Серкова Н.И.** К вопросу о сверхфразовой единстве как фонетической единице. / Сборник лабораторий устной речи филологического Факультета МГУ. - М., 1968.
- Серкова Н.И.** Сверхфразовое единство как функционально-речевая единица: Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1968.
- Серкова Н.И.** Сверхфразовый уровень чтения текста в основных функциональных стилях письменной речи: Автореферат дис... канд. филол. наук. - М., 1982.
- Серль Дж.Р.** Классификация иллокутивных актов // Зарубежная лингвистика II: Пер. с англ. / Общ. ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. - М.: Прогресс, 1999. С. 229-253.
- Серль Дж.Р.** Что такое речевой акт? // Зарубежная лингвистика II: Пер. с англ. / Общ. ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенскоо, Б.Ю. Городецкого. - М.: Прогресс, 1999. С. 210-228.
- Сигал К.Я.** Текст как функциональная среда синтаксической конструкции // Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. - М., 2000. С. 223-224.
- Сидоров Е.В.** Коммуникативный принцип исследования текста // Изв. АН СССР. Сер. лит. 1986. Т. 45, № 5. С. 425-432.
- Сидоров Е.В.** Онтология дискурса. - М., 2008.
- Сидоров Е.В.** Основы современной концепции текста: Автореф. дис. М., 1987.

- Сидоров Е.В.** Системное определение текста и некоторые проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы системной организации речи. М., 1987 (в).
- Сидоров Е.В.** Проблемы речевой системности. - М., 1987.
- Сидорова М.Ю.** Грамматика художественного текста. М., 2000
- Сильман Т.И.** Структура абзаца в прозе Лессинга, Гете и Гейне. / Филологические науки, 1961, № 4.
- Сильман Т.И.** Проблемы синтаксической стилистики. - Л., 1967.
- Сильман Т.И.** Структура абзаца в художественной прозе. / ИЯШ, 1973, № 4.
- Синдеева Т.И.** Некоторые особенности композиционно-речевой организации жанра "Научная рецензия" // Функциональные стили и преподавание иностранных языков. - М., 1982. - С. 27-42.
- Синтаксис текста** / Под редакцией Г.А.Золотовой. - М., 1979.
- Сиротинина О.Б.** Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики // Развитие функциональных стилей современного русского языка. - М., 1968. - С. 101- 108.
- Сиротинина О.Б., Бах С.А., Богданова В.А. и др.** Изменения в языке научной прозы // Вопросы стилистики. - Саратов, 1969. - С. 36-51.
- Сиротшина О.Б.** Тексты, текстостиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек - Текст - Культура. - Екатеринбург, 1994.
- Системные связи в грамматике и тексте** // Материалы чтений памяти Ю.А.Пупынина 30 апреля 2010 г. – Санкт-Петербург, 2010.
- Скрбнев Ю.М.** Функциональный аспект лингвистики текста // Лингвистика текста. - М., 1974. Ч. 2. С. 60-66.
- Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах:** Сб. ст. участников V Междунар. науч. конф. (Челябинск, 26–27 апреля 2010 г.). Т. 2 / редкол.: д. филол. н., проф. Е. Н. Азнамеева и др. Челябинск: Энциклопедия, 2010. С. 324–327.
- С любовью к тексту.** – Уфа: Восточный университет, 2006. – 180 с.
- Слюсарева Н.А.** Аспекты общей и частной теории текста. - М., 1982.
- Слышкин Г.Г.** Дискурс и концепт (о лингвокультурологическом подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: Институциональный и персональный дискурс: Сб. научн. тр. Волгоград: Перемена, 2000. 80 с.
- Смирнов И.П.** Порождение интертекста. – СПб.: СПбГУ, 1995.
- Соболева Е.Г.** Виды текстовой модальности // Актуальные проблемы русистики. Екатеринбург, 1997.
- Соколов А.Н.** Внутренняя речь и мышление. - М., 1968.
- Соколов А.Н.** Внутренняя речь и понимание // Ученые записки Института психологии. - М., 1941.
- Соколов А.Н.** Психологический анализ понимания иностранного текста // Известия АПН РСФСР. 1947. № 7.
- Соколов О.М.** Лингвистические аспекты теории фреймов // Детерминационный аспект функционирования значимых единиц языка: языковые и неязыковые факторы. Барнаул, 1993.

- Солганик Г.Я.** К проблеме типологии речи // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 70-79.
- Солганик Г.Я.** Синтаксическая стилистика. Сложное синтаксическое целое. - М., 1973.
- Солоник Н.В., Секачева И.Г.** Лингвистический и эстетический аспекты анализа текста // III Межвузовская конференция (Филологические науки). 2000. № 5. С. 119-122.
- Солсо Р.Л.** Когнитивная психология / Пер. с англ. - М., 1996.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.** Креализованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. - М., 1990.
- Славгородская Л.В.** Взаимодействие устной и письменной речи в сфере научного знания (исторический очерк) // Научная литература: язык, стиль, жанры. - М., 1985. - С. 16-33.
- Славгородская Л.В.** Научный диалог. - Л., 1986.
- Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах:** Сб. ст. участников V Междунар. науч. конф. (Челябинск, 26-27 апреля 2010 г.). Т. 2 / редкол.: д. филол. н., проф. Е.Н.Азначеева и др. Челябинск: Энциклопедия, 2010. С. 324-327.
- Сложное синтаксическое целое. Чужая речь. Пунктуация.** Изд. 2-е, перераб. - Минск, 1988. 173 с.
- Слюсарева Н.А.** Категориальная основа тема-рематической организации предложения // Вопросы языкознания. - М., 1986. № 4.
- Смирнова Л.Н.** Структура и содержание основных единиц научной речи // Чтение, перевод, устная речь. Методика и лингвистика. - М., 1977. - С. 320-330.
- Смирнова Н.И.** Академический язык как разновидность научного дискурса: социопсихолингвистическая модель: Дис. канд. фил. наук. Ульяновск, 1999.
- Солганик Г.Я.** К проблеме модальности текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. - М., 1983.
- Солганик Г.Я.** К проблеме модальности текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. - М., 1984. С.173-186.
- Солганик Г.Я.** О текстовой модальности как семантической основе текста // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Межд. конференции (МОПУ). - М., 1999. С.364-372.
- Солганик Г.Я.** От слова к тексту.- М., 1993.
- Солганик Г.Я.** Синтаксическая стилистика. - М., 1973.
- Солганик Г.Я.** Стилистика текста. Учебное пособие. М, Изд-во «Флинта»-«Наука», 2002.
- Соловьева Г.И.** Принципы комплексного изучения стилистико-смысловой структуры научных текстов // Функционально-стилистикальный аспект различных типов текста. - Пермь, 1991. - С. 104-113.
- Сорокин Ю.А.** Взаимодействие реципиента и текста: теория и прагматика. - М., 1978

- Сорокин Ю.А.** Политический дискурс: попытки истолкования понятия // Политический дискурс в России. - М., 1997. С. 57-62.
- Сорокин Ю.А.** Психолингвистические аспекты изучения текста. - М., 1985.
- Сорокин Ю.А.** Текст: цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной теории текста. - М., 1982. С. 61-75
- Сорокин Ю.А.** Человек говорящий в его модусах и отношениях. // Массовая культура на рубеже 20-21 веков: Человек и его дискурс. Сб. научн. трудов. - М., 2003. С. 7-24.
- Сорокин Ю.А., Михалева И.М.** Цитаты как знаки прецедентных текстов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 2. - М., 1997. - С. 13-25.
- Сорокин Ю.С.** Язык науки и литературный язык // Художественное и научное творчество. - Л., 1972. - С. 167-189.
- Сошальский А.А.** Взаимодействие экстра- и интралингвистических факторов в процессе реализации категории информации текста. Дисс. канд. филол. наук. - М., 1990. 139 с.
- Социальная и функциональная дифференциация литературных языков.** - М., 1977;
- Специфика и эволюция функциональных стилей.** - Пермь, 1979.
- Сретенская Л.В.** Функциональная семантико-стилистическая категория оценки в научных текстах разных жанров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - СПб, 1994.
- Степанов Ю.С.** Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности // Язык и наука конца XX века. - М.: РАН, 1996. - С. 35-73.
- Степанов Ю.С.** Доказательство и аксиоматичность в стилистике. Метод Л.Шпицера: Вестник МГУ. Филология. Журналистика. - 1962, № 5.
- Степанов Ю.С.** В мире семиотики // Семиотика. Антология. - М., 2001.
- Степанов Ю.С.** Семиотика. М., 1971.
- Степанов Ю.С.** Язык и метод: к современной философии языка. М., 1998.
- Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста.** - М., 1987.
- Стилистика русского языка /** Под ред. Н.М.Шанского. - Л., 1982.
- Стилистика текста в коммуникативном аспекте:** Межвузовский сб. научн. трудов. - Пермь, 1987.
- Стилистика художественной литературы.** - М., 1983.
- Стилистика газетных жанров/** Под ред. Д. Розенталя. - М., 1981.
- Стиль научной речи.** - М., 1978.
- Столнейкер С.** Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. - М., 1985. - С. 419-439.
- Стернин И.А.** Модели описания коммуникативного поведения. - Воронеж, 2000;
- Стриженко А.А, Кручинина Л.И.** Об особенностях текстов, относящихся к разным функциональным стилям. - Иркутск, 1985.
- Структура и семантика художественного текста.** - М., 1999.

- Структура лингвостилистики и ее основные категории** / Сб. научн. трудов под ред. **М.Н.Кожинной**. - Пермь, 1983.
- Структура текста**. - М., 1980.
- Структура текста 81**. - М., 1981.
- Суцова Н.Л.** Лингвистическая модель порождения вторичного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1995.
- Сыроваткин С.Н.** Проблемы лингвистического моделирования контекстной связанности фраз английской разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.
- Сыроваткин С.Н.** Система дифференциальных признаков для описания одного типа межфразовых отношений. / Материалы науч. конф. «Лингвистика текста». М., 1974, ч. 2.
- Тальчикова Е.Н.** Архитектоника сверхфразового единства в аспекте взаимодействия горизонтального и вертикального контекстов: на материале французской прозы XIX века. Автореферат дис... на соискание ученой степени к.ф.н. – Архангельск, 2009.
- Таюпова О.И.** Введение в коммуникативно-прагматическую вариативность. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 130 с.
- Таюпова О.И.** Закономерности организации СФЕ в научном тексте (на материале научных и журнальных статей и монографий): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. - М., 1988.
- Таюпова О.И.** Категории и признаки текста // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 4.
- Таюпова О.И.** Текст как система категорий // Немецкий язык в Башкортостане: проблемы и перспективы: Материалы 4-ой научно-практической конференции. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С.163–165.
- Таюпова О.И., Жаббарова Ф.У.** Категории текста как лингвистические универсалии // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 20 (311). Филология. Искусствоведение. Вып. 79. С. 98-100.
- Текст: Аспекты изучения. Поэтика. Прагматика. Семантика** / Сборник статей. - М., 2001.
- Текст в тексте:** Уч. зап. Тартуского ун-та. 1981. Вып. 567.
- Текст в функционально-стилевом аспекте:** Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. – Вып. 309. - М., 1988.
- Текст в языке и речевой деятельности: состав, перевод, автоматическая обработка** // Сборник научных трудов. - М., 1987.
- Текст, высказывание, слово**. - М., 1983.
- Текст – Дискурс – Стиль**. – СПб., Издательство СПбГУЭФ, 2003.
- Текст и аспекты его рассмотрения**. - М., 1977.
- Текст и дискурс**. – СПб., 2001.
- Текст. Интертекст. Культура:** Сб. докладов международной научной конференции (Москва, 4-7 апреля 2001 года). М., 2001.
- Текст как инструмент общения**. - М., 1983.
- Текст как объект лингвистического исследования**. - М., 1981.

- Текст как целое и компоненты текста.** - М., 1982.
- Текст как объект комплексного анализа в вузе.** - Л., 1984.
- Текст как психолингвистическая реальность.** - М., 1982.
- Текст как структура** // Сборник научных трудов. – М., 1992.
- Текст, контекст, подтекст.** - М., 1987.
- Текст: семантика и структура.** - М., 1983.
- Текст: стереотип и творчество.** Пермь, 1998.
- Текст: структура и анализ** // Сборник научных трудов. – М., 1989.
- Текст, структура и семантика.** - Пятигорск, 1981.
- Теоретические аспекты деривации.** - Пермь, 1982.
- Теоретические проблемы социальной лингвистики.** - М., 1981.
- Теория текста: Учебное пособие** / Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова, Н.В. Панченко, А.А. Чувакин: Флинта, Наука; - Москва; 2010
- Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность.** - М., 1990.
- Тер-Минасова С.Г.** Язык и межкультурная коммуникация. - М., 2000;
- Типология текстов в функционально-стилистическом аспекте.** - Пермь, 1990.
- Типы текста и специфика функционирования языковых средств:** Межвузовский сб. - Куйбышев, 1986.
- Тодоров Ц.** Грамматика повествовательного текста // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики / сб. статей. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 176-189.
- Тодоров Ц.** Как читать? // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. - М., 1998. № 6.
- Тодоров Ц.** Понятие литературы // Семиотика. - М., 2001.
- Тодоров Ц.** Семиотика литературы // Семиотика. - М., 2001.
- Топоров В.Н.** Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- Трипольская Т.А.** Предисловие // Проблемы интерпретационной лингвистики: человек - текст - адресат. Новосибирск, 2001.
- Трошина Н.Н.** Проблемы теории текста // Теоретические проблемы советского языкознания. 1977 - 1986: Сборник обзоров. М., 1987.
- Троянская Е.С.** К вопросу о лингвистических признаках функциональных стилей // Стиль научной речи. - М., 1978. - С. 43-58.
- Троянская Е.С.** К общей концепции понимания функциональных стилей // Особенности стиля научного изложения. - М., 1976. - С. 23-82.
- Троянская Е.С.** Культура научной дискуссии в социально-психологическом и лингвистическом аспектах // Типология текстов в функционально-стилистическом аспекте. - Пермь, 1990. - С. 15-27.
- Троянская Е.С.** Лингвистическое исследование немецкой научной речи. -М., 1982.
- Троянская Е.С.** Методы исследования функциональных стилей // Язык научной литературы. - М., 1975. - С. 5-8.

- Троянская Е.С.** Научное произведение в оценке автора рецензии // Научная литература. Язык. Стилль. Жанры. - М., 1985. - С. 67-81.
- Троянская Е.С.** Особенности жанров научной литературы и отбор текстов на различных этапах обучения научных работников иностранному языку // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. - М., 1985.
- Тункель В.Д.** К вопросу об устной передаче речевого сообщения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. - М., 1965.
- Тураева З.Я.** Лингвистика текста (Текст: структура и семантика): Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1986. 127 с.
- Турчин И.А.** Композиционно-стилистические и архитектурные свойства абзаца: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Калинин, 1974.
- Тынянов Ю.Н.** Литературный факт. - М., 1993.
- Тюпа В.И.** Анализ художественного текста. - М., 2006.
- Уланова С.Б.** Дейксис как средство номинации // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. тр. / Под. ред. Л.А. Манерко. - Рязань, 2002. С. 185-188.
- Успенский Б.А.** Поэтика композиции // Б.А. Успенский. Семиотика искусства. - М., 1995.
- Фатеева Н.А.** Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. - М., 2006.
- Фатеева Н.А.** Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. - М.: АГАР, 2000.
- Федорова Л.Л.** Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопр. языкозн., 1991. № 6. С. 46-50.
- Федорова О.В.** 1996 Методика моделирования текстов для анализа фокусной анафоры // Труды Международного семинара Диалог'96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1996. С. 15-23.
- Федосюк М.Ю.** Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1995. № 5.
- Федосюк М.Ю.** О функциональном подходе к изучению видов связности текста // Проблемы современной и исторической лексикографии. - М., 1979.
- Федосюк М.Ю.** Речевые жанры: тип высказывания или тип текста // Актуальные проблемы русистики. - Екатеринбург, 1997.
- Федосюк М.Ю.** Способы передачи новой информации в художественном тексте // НДВШ ФН, 1983. №6. С.40-46.
- Федосюк М.Ю.** Тематическая межфразовая связь и средства её выражения в научном стиле // Вопросы стилистики. Вып. 14. - Саратов, 1978. С.68-88.
- Фельдблюм Л.С.** Методологические проблемы типологии произведений научно-технической литературы // НТИ. 1966. № 4. С. 3-7.
- Феллер М.Д.** Эффективность сообщения и литературный аспект редактирования. - Львов, 1978.
- Фивегер Д.** К семантической структуре текста // Исследования по теории текста. Реферативный сборник. - М.: ИНИОН АН СССР, 1977. С.63-65.

- Фивегер Д.** Лингвистика текста в исследованиях ученых ГДР // Синтаксис текста. М., 1979. С. 314-324.
- Фигуровский И.А.** Основные направления в исследованиях синтаксиса целого текста // Лингвистика текста. - М., 1974. Ч. 2. С. 108-115.
- Фигуровский И.А.** Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. - М., 1961. 171с.
- Филиппов К.А.** Лингвистика текста. Курс лекций. - СПб., 2003. – 336 с.
- Филлмор Ч.** Фреймы и семантика понимания // НЗЛ. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Петрова, В.И. Герасимова. - М.: Прогресс, 1988. С. 52-93.
- Философские идеи Людвиг Витгенштейна.** - М., 1996. 169 с.
- Фоменко Ю.В.** Человек, слово и контекст // Концепция человека в современной философской и психологической мысли. - Новосибирск, 2001. С.164-168.
- Формановская Н.И.** Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. - М., 1998.
- Фоссестёл Б.** Текст и его структура // Исследования по теории текста. Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР, 1979. С. 8191.
- Фридман Л.Г.** Грамматические проблемы лингвистики текста. - Ростов-на-Дону: Издательство РГУ, 1984.
- Фридман Л.Г.** О принципах выделения и характерных особенностях сверхфразовых единиц // Проблемы синхронного и диахронного описания германских языков. - Пятигорск, 1975. Вып. 1. С. 146-174.
- Фридрих С.Н.** Психолингвистический аспект стилевой организации текста // Лингвистика текста. - М., 1974. Ч. 2. С. 121-126.
- Фролова О.Е.** Мир, стоящий за текстом. - М., 2007.
- Фрумкина Р.М.** «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. № 2.
- Фуко М.** Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Сост., пер. с фр., комментариев и послесловие С. Табачковой. Общ. ред. А.Пузырева. - М.: Касталь, 1996. - 447 с.
- Фуко М.** Порядок дискурса // Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. – М., «Касталь», 1996. – 448 с.
- Функции единиц языка в системе текста:** Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. - Вып. 294. - М., 1987.
- Функциональный стиль научной прозы: Проблемы лингвистики и методики преподавания.** - М., 1980.
- Функциональная стилистика: Теория стилей и их языковая реализация.** - Пермь, 1986.
- Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте:** Межвузовский сб. научных трудов. - Пермь, 1988. 172
- Функциональные стили: Лингвометодические аспекты.** - М., 1985.
- Харверг Р.** Редуцированная речь // НЗЛ. Вып. VIII. Лингвистика текста. - М., 1978.

- Функционирование языка в различных типах текста:** Межвузовский сб. научных трудов. Пермь, 1989.
- Харитонова И.Я.** Роль знаменательных частей речи при установлении связи между самостоятельными предложениями: Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1965.
- Харитонова И.Я.** Роль категорий «скрытой грамматики» в организации текста. / Материалы науч. конф. «Лингвистика текста», ч. 2.
- Харрис Р.** Психология массовых коммуникаций. – СПб, «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2003. – 448 с.
- Хартман П.** Текст, тексты, классы текстов // Проблемы теории текста: Реферативный сборник. - М., 1978.
- Харченко Н.П.** Средства организации связного текста со значением указания на предшествующий или последующий контекст // Структура и функциональные особенности научного текста. - Владивосток, 1985. - С. 141-149.
- Хведелидзе Ц.Д.** Структурно-семантические параметры композиционно-речевой формы "рассуждение". - Тбилиси, 1989.
- Хендрикс У.** Стиль и лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. – М.: Прогресс, 1980. – С. 172 – 212.
- Химик В.В.** Категория субъективности и ее выражение в русском языке. - Л., 1990.
- Ходус В.П.** Модель «антидрамы» А.П. Чехова по данным метатекста // Текст: Узоры ковра. Вып. 4. Ч. 2. СПб. - Ставрополь, 1999.
- Холодович А.А.** О типологии речи // Историко-философские исследования. - М., 1967. С. 202-208.
- Хомский Н.** Язык и проблемы знания // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. - М., 1995, 4.
- Хоффман Л.** Научный стиль и подязыки науки и техники // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация - Пермь, 1986. - С. 82-97.
- Хэар Р.М.** Дискрипция и оценка // НЗЛ. Вып. XVI. - М., 1985.- С. 183-196.
- Цветкова Т.М.** Конституирующие факторы текста "Рассуждение" в научном стиле речи (на материале лингвистической литературы): Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1983. - С. 209.
- Цыбина Л.В.** Языковые и неязыковые средства актуализации эмоции "гнев" в кинематографическом дискурсе (гендерный аспект): На материале английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. - Саранск., 2005. - С. 197.
- Чан Ким Бао.** Текст и дискурс (через призму иньян концепции). - М.: изд-во «Творчество», 2000. - 180 с.
- Чейф У.** Контрастивность, определённости, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. - М., 1982. С.277-355.

- Чейф У.** Память и вербализация прошлого опыта // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики / сб. статей. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. С.3-41.
- Человек - Коммуникация - Текст:** Сборник статей. - Барнаул, 1998. Вып. 1 и след.
- Человек - Текст - Культура.** - Екатеринбург, 1994.
- Человеческий фактор в языке.** - М., 1989.
- Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи.** - М., 1991. 240 с.
- Ченки А.** Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под. ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 340-370.
- Чернухина И.Я.** Очерк стилистики художественного прозаического текста: факторы текстообразования. - Воронеж, 1977.
- Чернявская В.Е.** Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: Учебное пособие. – М., «Флинта», 2006. – 136 с.
- Чернявская В.Е.** Интерпретация научного текста. СПб.: Наука, 2004.
- Чернявская В.Е.** Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: Учебное пособие. – М.: УРСС Либроком, 2014.
- Чернявская В.Е.** Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учебное пособие. - М.: Директ-Медиа, 2014. - 267 с.
- Чернявская В.Е.** От анализа текста к анализу дискурса // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. - Рязань, 2002. С. 230-232.
- Чернявская В.Е.** От анализа текста к анализу дискурса // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. - Рязань, 2002. С. 230-232.
- Черняховская Л.А.** Смысловая структура текста и ее единицы // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С.117-126.
- Чесноков П.В.** Логическая основа сверхфразового единства и взаимодействие в нем лексики и грамматики // Лексико-грамматические взаимодействия в системе семантических единиц. - Ростов н/Д, 1991. С. 3-16.
- Чесноков П.В.** О предикативности как свойстве предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. - Л., 1975. С. 171-178.
- Чесноков П.В.** Основные единицы языка и мышления. - Ростов н/Д., 1966.
- Чувакин А.А.** Гнездо родственных текстов: интерпретационный уровень // Текст: варианты интерпретации. - Бийск, 1999. Вып. 4.
- Чувакин А.А.** Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. - Томск, 1998.
- Чувакин А.А.** Заметки об объекте современной филологии // Человек - Коммуникация - Текст. - Барнаул, 1999. Вып. 3.

- Чувакин А.А.** Интернет-коммуникация: миниатюра в пространстве вторичных текстов // Проблемы речевой коммуникации. - Саратов, 2008. Вып. 8.
- Чувакин А.А.** К исследованию «жизни» текста // Русский язык: исторические судьбы и современность. - М., 2007.
- Чувакин А.А.** Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования. - Барнаул, 1995.
- Чувакин А.А.** Теория текста: объект и предмет исследования // Критика и семиотика. - Новосибирск, 2004. Вып. 7.
- Чувакин А.А., Бровкина Ю.Ю., Волкова П.А., Никонова Т.Н.** К проблеме деривационной текстологии // Человек - Коммуникация - Текст. - Барнаул, 2000. Вып. 4.
- Чувакин А.А., Пешкова С.Н.** Межтекстовые отношения как проблема теории текста // Актуальные проблемы теории текста: лингвистическая теория и практика обучения. - Улан-Удэ, 2004.
- Шабес В.Я.** Событие и текст. М., 1989.
- Шаймиев В.А.** Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте // Русский язык. - СПб., 1996. № 4.
- Шаймиев В.А.** Метатекст и адекватное восприятие текста // Аспекты речевой конфликтологии: Сб. науч. ст. / РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб, 1996. – С. 80 – 92.
- Шаймиев В.А.** Об иллокутивных функциях метатекста, или Перечитывая А. Вежбицку... (на материале лингвистических текстов) // Лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. ст. в честь проф. С.Г. Ильенко: Издательство СПбГУ. – СПб, 1998. – С. 68 – 76.
- Шадудько И.А.** Имплицитность как принцип текстообразования и анализа литературного текста (на материале испанских литературных памятников XII–XVII вв.). Автореферат диссертации ... д.ф.н. – Санкт-Петербург, 2017.
- Шалыпина З.М.** О соотношении синтаксиса связного текста с синтаксисом предложения // Вопросы методики использования текста в обучении иностранным языкам. М., 1975. С. 217-225.
- Шанский Н.М.** Лингвистический анализ художественного текста: Учебное пособие. М.: Флинта. 2019.
- Шанский Н.М.** Художественный текст под лингвистическим микроскопом. — М., 1986.
- Шапочкин Д.В.** Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике / Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 10 (301). Филология. Искусствоведение. Вып. 76. С. 101-107.
- Шатков Г.В.** Текст и его классификация // Лингвистика текста. - М., 1974. Ч. 2. С. 177-181.
- Шахматов А.А.** Синтаксис русского языка. - Л., 1941.
- Шахнарович А.М.** Когнитивные и коммуникативные аспекты грамматики // Язык: теория, история, типология. - М., 2000. С. 55-58.

- Шахнарович А.М.** Онтогенез языкового сознания: развитие познания и коммуникации // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. - М., 1993. С. 76-85.
- Шахнарович А.М.** Текст как феномен языкового сознания // Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. - М., 2000. С. 273-275.
- Шахнарович А.М.** Языковая личность и языковая способность // Язык - система. Язык - текст. Язык - способность. М., 1995. С. 213-223.
- Шведова Н.Ю.** О должностовательном наклонении // Синтаксис и норма. - М., 1974. - С. 107-121.
- Шахнарович А.М., Габ М.А.** Прагматика текста: психолингвистический подход // Текст в коммуникации. - М., 1991.
- Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В.** Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). - Волгоград, 1998.
- Шведова Н.Ю.** Очерки по синтаксису русской разговорной речи. - М., 1960.
- Швейцер А.Д.** К проблеме социально-коммуникативного анализа текста // Лингвистика текста. - М., 1976. Вып. 103. С. 264-272.
- Швейцер А.Д.** Современная социалингвистика. Теория, проблемы, методы. - М., 1976;
- Швец А.В.** Публицистический стиль современного русского литературного языка (о некоторых особенностях синтаксического строя современной газетной речи и тенденциях ее развития). - Киев, 1979.
- Шевченко Н.В.** Основы лингвистики текста. - М: Приориздат, 2003. - 156 с.
- Шейгал Е.И.** Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. - 326 с.
- Шейкевич А.Я.** Дифференциация статистических классификаций текстов // Исследования по общему прикладному языкознанию. - Тарту: 1979. Вып. 502. С. 100-106.
- Шейко Е.В.** Категория итеративности как основа семантико-синтаксической связи в высказывании // Современный русский язык: коммуникативно-функциональный аспект: Учебное пособие. - Ростов н/Д, 2003. С. 66-73.
- Шелякин М.А.** О функциональной модели форм числа существительных в русском языке // Учен. зап. Тартус. ун-та, 1985. - С. 89 - 112.
- Ширяев Е.Н.** Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. - М., 1986.
- Ширяев Е.Н.** Конкуренция предложений бытия и характеристики в разных языковых сферах // Русский язык и литература в общении народов мира: Проблемы функционирования и преподавания. - Т.1. - М., 1991. - С. 260-261.
- Шлёпкина М.А.** Деловой дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе // Современная филология: материалы Междунар. науч. конф. - Уфа: 2011. - С. 222-227.

- Шмелев Д.Н.** Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. - М., 1976.
- Шмелева Т.В.** Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык» / Т.В. Шмелева. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1988.
- Шмелева Т.В.** Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. - М., 1985. - С.81-89
- Шмелева Т.В.** Текст как объект грамматического анализа / Т.В. Шмелева. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2006.
- Шмидт З.Й.** «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1978. Вып. 8: Лингвистика текста. С. 89-108.
- Щедровицкий Г.П.** Как возникла «лингвистика текста»: две программы исследований // Лингвистика текста: Матер. Научн. конф. - М., 1974. Ч. 1.
- Щерба Л.В.** Избранные труды по русскому языку. - М., Л., 1957.
- Щерба Л.В.** О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. 2.
- Щерба Л.В.** Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Щетинин Л.М.** Категория определенности и неопределенности и ее структурообразующая функция в связанном тексте // Лингвистика текста. - М., 1974. Ч. 2. С. 192-197.
- Щирова И.А., Гончарова Е.А.** Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. – СПб.: Книжный Дом, 2006.
- Щирова И.А., Тураева З.Я.** Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. – СПб., 2005.
- Шпильная Н.Н., Кузнецова А.С.** Прагматика текста / Коллективная монография. - Барнаул: Графикс, 2019. — 224 с.
- Щур Г.С., Мальченко А.А.** К вопросу о соотношении типов и средств текстуальной связи // Лингвистика текста. - М., 1974. Ч. 2. С. 205-209.
- Эко У.** Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. - СПб., 2004.
- Эко У.** Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998; СПб., 2004.
- Эко У.** Роль читателя. Исследования по семиотике текста. - СПб.; - М., 2005.
- Эпштейн М.Н.** Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопр. языкозн., 1991. № 6. С. 19-33.
- Юдин Э.Г.** Деятельность и системность // Системные исследования 1976; - М., 1977.
- Юдакин А.П.** Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. - М., 1984.

Юнина Е.А. Функционально-стилистический метод как критерий определения типов мышления: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Саратов, 1989.

Язык закона/ Под. ред. А.С. Пиголкина. - М., 1990.

Язык и наука конца 20 века. - М., 1995.

Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. - М., 2001.

Язык и общество: Функциональный подход к языку как признак научной современной парадигмы. - Саратов, 1995.

Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. - М., 2000.

Язык - система. Язык - текст. Язык - способность. - М., 1995.

Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. - М., 2001.

Якобсон Р. Избранные работы. - М., 1985.

Якобсон Р. Итоги IX конгресса лингвистов. - В кн.: Новое в лингвистике. - М., 1965, вып. 4.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». - М., 1975. С. 231-255.

Якобсон Р. Речевая коммуникация // Избранные работы. - М., 1985. - С. 306-319.

Якобсон Р. Часть и целое в языке // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 301-306.

Яковлева Е.С. Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности/недостоверности: Автореф. дисс. канд. филол. наук. - М., 1983. 21 с.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). - М., Языки русской культуры, 1994. 260 с.

Якубайтис Т.А. Части речи и типы текстов. Рига, 1981.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование. - М., 1986. С. 1758.

Якубинский Л.П. Язык и его функционирование: Избранные работы. - М., «Наука», 1986, 236 с.

Якушин Б.В. Алгоритмическое индексирование в информационных системах. - М., 1978.

Янко Т.Е. Коммуникативный статус бенефактивных конструкций // Московский лингвистический журнал. Т.2: Изд-во РГГУ, 1996. С. 417-431.

Яскевич Я.С. Аргументация в науке. - Минск, 1992.

Яценко Е.Ю. Взаимодействие кодифицированных и некодифицированных номинаций в дискурсе // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. тр. / Под. ред. Л.А. Манерко. - Рязань, 2002. С.75-80.

Яшина Н.К. Лингвистика текста и перевод: Монография. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2013. – 116 с.

Agricola E. Textstructur aus linguistscher Sicht // Germanistische Studententexte. Leipzig, 1977. Bd. 2. S. 244-249.

- Austin J.L. *How To Do Things With Words*. New York, 1973.
- A. Teun. London, 1997. Vol. I. Dijk van. *Discourse studies: a multidisciplinary introduction*. P. 1-34.
- A. Beaugrande, W. Dressler [Electronic resource] / Ed. London : Longman, 1981. – Mode of access
- Ariel M. *Accessing noun phrase antecedents*. London, 1990.
- Ariel M. *Referring and accessibility* // *Journal of Linguistics* 24, 1988.
- ACL/EACL Workshop *Intelligent Scalable Text Summarization*. Madrid, 1997.
- Agricola E. *Semantische Relationen im Text und im System*. Halle. 1972.
- Agricola E. *Textstruktur aus linguistischer Sicht*. *Wissenschaftliche Zeitschrift /W Z / der pädagogischen Hochschule «Dr. Theodor Neubauer»*. Erfurt, H. 2,1970.
- Barzilay R., Elhadad M. *Using Lexical Chains for Text Summarization* // Beaugrande de R., Dressier W. *Introduction to text linguistics*. N.Y.,1982.
- Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. *Longman grammar of spoken and written English*. L.: Pearson Education Limited, 2000.
- Brown G., Yule G. *Discourse analysis*. Cambridge, 1983.
- Bellert I. *On Various Solutions of the Problem of Presupposition* // *Studies in Text*
- Beaugrande R.-A. *de Information, Expectation and Processing*. *On Classifying*
- Beaugrande R.- A. *de Text, Discourse and Process*. London, 1980.
- Beaugrande R.-A. de., Dressler W.U. *Introduction to Text-Linguistics*. London, 2002. — 243 pages.
- Bierwisch M. *Rezension von zellig S. Harris «Discours Analysis Reprints»*.— *Linguistics*, 1969, No. 13.
- Boost K. *Der deutsche Satz—die Satzverflechtung.—Deutschunterricht*. Berlin—Leipzig, 1949, H. 3.
- Boost K. *Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes*. Berlin, 1965.
- Brinker K. *Aufgaben und Methoden der Textlinguistik.—Wirkendes Wort*, 1971, H. 4.
- Brinkmann H. *Der Satz und die Rede.—Wirkendes Wort*, 1965, H. 3.
- Brinkmann H. *Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung*. Diisseldorf, 1971.
- Bussmann H. *Lexikon der Sprachwissenschaft*. 3., völlig neu bearb. Aufl.,
- Bussmann H. *Lexikon der Sprachwissenschaft*. 3., völlig neu bearb. Aufl., Stuttgart: Kroner, 2002. 904 S.
- Beaugrande, R.-A. *Introduction to Text Linguistics / R.- Charaudeau, P. Langage et discours / P. Charaudeau*. – Paris : Hachette, 1983. – 176 p.
- Brinker K. *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. - Berlin, 2010. 160 s. (Grundlagen der Germanistik - 29).
- Charadeau P. *Langage et discours: Elements de semiolinguistique (theorie et pratique)*. P., 1983.
- Courtes, J. *La grande traque des valeurs textuelles: Quelques principes liminaires pour comprendre la GT / J. Courtes // Le français dans le monde*. – 1985. – № 192. – P. 28–34.
- Coseriu E., *Determinación y entorno*, вкн.: *Romanistisches Jahrbuch*, v. 7, Hamb., 1955—56;
- Chafe W. *Discourse, consciousness, and time*. Chicago, 1994.
- Chesnokov P. *Die drei Dimensionen in der Struktur der Sprache*, in: *Proceedings of the Eleventh International Congress of Linguists*. Bologna, 1974.
- Connolly Fr. *The Sentence in context*, New York, 1959.
- Coseriu E. *Diskussionsrede*. *Beiträge zur Textlinguistik*. München, 1971, B 1.
- Calpen F. *Paragraph writing*. London, 1970.
- Current Trends in Textlinguistics*. –Berlin; New York, 1978. P. 212-228.
- Dascal M., Margalit A. *A New Revolution in Linguistics! Text-Grammars' vs. "SentenceGrammars"*. In: *Theoretical Linguistics*, 1974, v. 1, N 1/2.

Directions in sociolinguistics. The ethnography of communication, ed. by J. Gumperz, D. Hymes, N. Y., 1972;

Dijk van T. A. The study of discourse // Discourse as structure and process / ed. by Nunan A. Introducing Discourse Analysis. London: Penguin Books, 1993. 134 p.

Dijk T. van (ed.) Handbook of discourse analysis. NY, Vols. Is4. 1985.

Dijk T. van, Kintsch W. Strategies of discourse comprehension. NY, 1983.

DuBois J., et al. Discourse transcription. UCSB. 1993.

Danes Fr. The Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text // Dijk T.A. van, Ihwer J., Petofi J.S., Rieser H. Two Text Models // Foundations of Language, 1972. Vol. 8. № 4. P. 499-545.

Dijk T.A. van Text Grammar and Text Logic // Studies in Text Grammar / Ed. by J.S. Petofi, H.Rieser. –Dordrecht; Boston, 1973.

Dijk T.A. van Models for Text Grammar // Linguistics, 1975. № 105. P.33-68.

Dijk T.A. van, Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. NewYork, 1983.

Dijk T.A. van On Macrostructures, Mental Models and Other Inventions: A brief

Dressler W.U. Introduction to: Current Trends in Text-linguistics. Berlin; New York, 1978. P. 1-5.

Discourse and communication, ed. by T. van Dijk, B. — N. Y., 1985;

Danes Fr. A Three-Level Approach to Syntax.—Travaux Linguistique de Prague. 1966, No. 1.

Danes Fr. Zur linguistischer Analyse der Textstruktur.—Folia Linguistica, 1970, No. 4.

Danes Fr., Dokulil M. K tzv. významovea mluvnice stavbe vety, in: O vedeckem poznani soudobych jahyki. Praha, 1958.

Dressler W. Einföhrung in die Textlinguistik. Tübingen, 1972.

Downing P. and Noonan M. (eds.) Word order in discourse. Amsterdam, 1994.

Eggers H. Stimmföhrung und Satzplan.—Wirkendes Wort, 1955, H. 6.

Essen O. Allgemeine und angewandte Phonetik. Berlin, 1957.

Fillmore Ch., Pragmatics and the description of discourse, вкн.: Berkeley studies in syntax and semantics, v. 1, Berk. (Calif.), 1974;

Figge U. Le syntaxe du recit, in: Symposium sur les structures narratives. Konstanz, 1971.

Fillmore C.J. On the organization of semantic information in the lexicon // Papers from the parassession on the lexicon / Ed. by Farkas D., Jacobsen W.M., Todrys K.W. Chicago, 1978. P. 148 173.

Fox B. Anaphora in popular English narratives // Coherence and grounding in discourse. Amsterdam, 1987.

Formal semantics and pragmatics for natural languages. — Dordrecht, Boston, 1979.

Greimas, A. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage / A. Greimas, J. Courtes. – Paris : Hachette, 1979. – 389 p.

Gernsbacher M.A. Language comprehension as structure building. N.J., 1990.

Givon T. Functionalism and grammar. Amsterdam, 1995.

Givon T. Prototypes: Between Plato and Wittgenstein // Noun classes and categorization: Proceedings of a Symposium on categorization andnoun classification, Eugene, Oregon, October 1983 / Ed. by Craig C. -Amsterdam; Philadelphia, 1986. P.77-102.

Givon T. Syntax: A functional-typological introduction. Vol.11. Amsterdam, 1990.

Givon T. Topic continuity in discourse: introduction // Topic continuity in discourse: Quantified cross-language studies. Amsterdam, 1983.

Grice P. Logic and conversation // Speech acts. N.Y. etc.: Acad. Press, 1975. P.41-58.

Grimes J. The thread of discourse. Paris, 1975.

Grosz B., Sidner C. Attention, intentions, and the structure of discourse. Computational Linguistics. Vol. 12, no. 3, 1986. P. 175s204.

- Grosz P.D. Focus and description in natural language dialogues // Elements of discourse understanding. Cambridge, 1981.
- Gumperz J.J. Discourse strategies. Cambridge: Camb. Univ. Press, 1982. 225 p.
- Gundel J.K., Hedberg N., Zacharski R. Cognitive status and the form of referring expression in discourse // Language 69. 1993.
- Gindin S.I. Contributions to Textlinguistics in the Soviet Union // Current Trends in Textlinguistics. – Berlin; New York, 1978. P. 261-275.
- Grice H.P. Utterer's Meaning and Intentions // Philosophical Review, 1969. № 78. P. 147-177.
- Grice H.P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics, 3: Speech Acts / Ed. by P. Cole, J. Morgan. New York, 1975. P. 41-58.
- Grimes J.E. The Thread of Discourse. The Hague-Paris, 1975.
- Grosse E.U. Text und Kommunikation. Ein Linguistische Einführung in die Funktion der Texte. Stuttgart-Berlin-Koln, 1976.
- Current Trends in Textlinguistics. Berlin; New York, 1978.
- Grobner R., Biberle B., Zur Analyse der Struktur eines Textes.—Textlinguistik. Grammar / Ed. by J.S. Petofi, H.Rieser.- Dordrecht; Boston, 1973. P. 79-95. Dresden, 1970, No. 1.
- Glinz H. Methoden zur Objektivierung des Verstehens von Texten, gezeigt an Kafkas «Kinder auf der Landstraße».—Jahrbuch für internationale Germanistik, 1969, H. 1.
- Goretzki B. e. a. Aspekte der linguistischen Behandlung von Texten.— in: Textlinguistik 2. Dresden, 1971.
- Grimm H. J., H e i r i c h G. Der Artikel. Leipzig. 1976.
- Gardiner A. The theory of Speech. Language. Oxford, 1971.
- Hall E., Trager G. Culture as communication. N. Y., 1954;
- Hartmann P., Textlinguistische Tendenzen in der Sprachwissenschaft, вкн.: Folia linguistica, v. 8, The Hague, 1975;
- Handbook of discourse analysis, ed. by T. van Dijk, v. 1—4, L. — [a. o.], 1985;
- Halliday M. An introduction to functional grammar. L., 1985.
- Halliday M., Hasan R. Cohesion in English. Longman, London, 1976.
- Harweg R. Pronomina und Textkonstitution // Poetica. München: Fink, 1968. p.65-91.
- Hopper P. Emergent grammar. BLS 13, 1987. P. 139sl57.
- Hartmann P. Texte als Linguistisches Objekt. Beiträge zur Textlinguistik. H. 1. 1971.
- Harweg R. Pronomina und Textkonstitution. – München: Fink, 1968.
- Harweg R. Text Grammar and Literary Texts: Remarks on a Grammatical Science of Literature // Poetics, 1973. № 9. P. 65-91.
- Hasan Rukaiya. Text in the Systemic Functional Model // Current Trends in Textlinguistics. Berlin; New York, 1978. P. 228-247.
- Hielmslev L. Prolegomenes a une theorie du langage. Paris, 1968.
- Jacobson R. Linguistics and Poetics // Style in Language. New York, 1960. P. 353-358.
- Hamburger K. Die Logik der Dichtung. Stuttgart, 1957. Gesprochenes Deutsch. Weimar, 1969.
- Horth K. L. Gesprochenes Deutsch. Weimar, 1969.
- Hartmann P. Textlinguistik als linguistische Aufgabe.—In: Konkrete Dichtung—konkrete Kunst.
- Hartmann P. Texte aus linguistischer Sicht,—ZPSK, 1968, B. 21.
- Hartmann P. Texte als linguistisches Objekt.—in: Beiträge zur Textlinguistik. München, 1971, B. 1.
- Harweg R. Pronomina und Textkonstitution. München, 1968.
- Harweg R. Die textologische Rolle der Betonung.—in: Beiträge zur Textlinguistik. München, 1971, B. 1.
- Hasan A. Satz und Absatz bei Thomas Mann. München, 1968.

Heibig G. Zu Problemen der linguistischen Beschreibung des Dialogs im Deutschen.—Deutsch als Fremdsprache, 1975. No. 2.
 Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Fr./M., 1984.
 Harris Z., Discourse analysis, «Language», 1952, v. 28, № 1;
 Harris Z. Discourse analysis // Language. 1952. V. 28. № 1. P. 1-30.
 Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London: Longman., 1976. 374 p.
 Heinemann W., Viehweger D. Textlinguistik. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1991. 310 S. Stuttgart: Kröner, 2002. 904 S.
 Isenberg H. Überlegungen zur Texttheorie.—ASG-Bericht, Berlin, 1968, No. 2.
 Isenberg H. Einige Grundbegriffe für eine linguistische Texttheorie.—in: Probleme der Textgrammatik. Berlin, 1976.
 Johnson-Laird P.N. Mental Models // Posner M.A. Foundations of Cognitive Science. Cambridge, 1993. P. 469-499.

Kripke S. Speaker's Reference and Semantic Reference // Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language. French P., Uehling T., Wettstein H. (eds). Minneapolis (Minn.): University of Minnesota Press, p. 6-27.
 Kiefer F. Two Recent Studies on Presupposition // Lingua. 1977. Vol. 43. P. 247-271.
 Kintsch W., Dijk T.A. van. Towards a Model of Text Comprehension and Production// Psychological Review. Vol. 85. 1978. P. 363-394.
 Kintsch W., Dijk T. A. van Towards a Model of Text Comprehension and Production// Psychological Review. Vol. 85. 1978. P. 363-394.
 Kintsch W. On Modeling Comprehension // Educational Psychologist. 1979. № 14. P. 3-14.
 Kintsch W. The Role of Knowledge in Discourse Comprehension: A Construction-Integration Model // Psychological Review. Vol. 95. 1988. P. 163-182.
 Kintsch W. Comprehension: A Paradigm for Cognition. Cambridge, 1998.
 Kock W.K. Time and Text: Towards an Adequate Heuristics // Studies in Text Grammar / Ed. by J.S. Petofi, H.Rieser. Dordrecht; Boston, 1973. P. 113-204.
 Kampr Ad W. Über die Struktur von Absätzen gesellschaftspolitischer Texte und zu Modellen für die Textarbeit.—Deutsch als Fremdsprache, 1975, No. 4.
 Karcevskij S. Sur la phonologie de la phrase.—Tire de Travaux du Cercle Linguistique de la Prague, No. 4.
 Kuno S., Subject, theme and the speaker's empathy. — Subject and topic. — NY, 1975.
 Longacre R., Levinson S. Field Analysis of Discourse // Current Trends in Textlinguistics.- Berlin; New York, 1978. P. 103-122.
 Labov W. Sociolinguistic Patterns. Philadelphia, 1972.
 Lakoff G. Classifiers as a reflection of mind // Noun classes and categorization: Proceedings of a Symposium on categorization and noun classification, Eugene, Oregon, October 1983 / Ed. by Craig C. Amsterdam; Philadelphia, 1986. P. 13-51.
 Langacker R. Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar. Berlin-N.Y., 1991.
 Levinson S. Pragmatics. Cambridge, 1983.
 Longacre R. The grammar of discourse. NY, 1983.
 Loukachevitch N.V., Saliĭ A.D., Dobrov B.V. Thesaurus for Automatic Indexing: Structure, Development, Use. In Proceedings of International Congress "Terminology and Knowledge Engineering". M., 1999. P. 343-355.
 Liebsch H. Information, Redundanz und Steuerung im Text,—in: Textlinguistik 2. Dresden, 1971.
 Le langage en contexte (Études philosophiques et linguistique de pragmatique). — Amsterdam, 1980.
 Leech G. N. Principles of pragmatics. — L., NY, 1983.
 Levinson S. Pragmatics. — L., NY, 1983.

- Metzeltin M., Jaksche H. Textsemantik: Ein Modell zur Analyse von Texten. Tuebingen, 1983.
- Mann W., Thompson S. (eds.) Discourse description. Amsterdam, 1992.
- Mann W.C., Matthiessen C.M.I.M., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory and text analysis // Discourse description: Diverse linguistic analyses of a fund-raising text. Amsterdam, 1992.
- Milevskaya T.V. V.Nabokov: Stream of consciousness and expressive syntax // Great Britain, Glasgow: Strachclyde Arts Initiatives, May 1996. pp.2-12.
- Milewski T. Zarys jezykoznavstva odolnego. Cz.l. Lublin — Krakow, 1947. 238 p.
- Morris J., Hirst G. Lexical cohesion computed by thesaural relations as an indicator of the structure of a text // Computational Linguistics, 17 (1), New York, 1991. P.21-48.
- Minsky M.A. A Framework for Representing Knowledge // Psychology of Computer Vision. New York, 1975. P. 211-277.
- Mistrik J. Exakte Typologie von Texten. —Muchen, 1973.
- Morris Ch. W. Signs, Language and Behavior. — New York, 1946
- Michel G., Fleischer W. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1975.
- Morris C. W. Writings on the general theory of signs. — The Hague, 1971.
- Nunan A. Introducing Discourse Analysis. London: Penguin Books, 1993. 134 p.
- Nickel G. Kontextuelle Beziehungen zwischen Satzen im Englischen—Praxis des fremdsprachlichen Unterrichts, 1968, No. 1.
- Payne D. (ed.) Pragmatics of word order flexibility. Amsterdam, 1992.
- Potter, J. & Wetherell, M. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour. London: Sage, 1987.
- Pfütze M. Bemerkungen zu einer funktionalen Textlinguistik. —in: WZ der padagogischen Hochschule «Dr. Theodor Neubauer». Erfurt. 1970, H. 3.
- Papers on Functional Sentence Perspective. Prague, 1974. P. 106-128.
- Personal History of the Kintsch – van Dijk Theory// Discourse Comprehension: Essay in Honor of Walter Kintsch. Hove, UK. 1995. P. 383-410.
- Enkvist N.E. Stylistics and Textlinguistics // Current Trends in Textlinguistics. — Berlin; New York, 1978. P. 174-190.
- Palkova Z., Palek B. Functional Sentence Perspective and Textlinguistics // Papers in Functional Sentence Perspective. Prague, 1974.
- Petőfi J.S. Towards an Empirically Motivated Grammatical Theory of Verbal Texts // Studies in Text Grammar / Ed. by J.S.Petőfi, H. Rieser. Dordrecht; Boston. 1973. P. 205-275.
- Petőfi J.S. Rieser H. Some Arguments Against Counterrevolution // Linguistics. 1977. № 188. P. 11-22.
- Porksen U. Textsorten, Textsortenvershrankungen und Sprachattrappen // Wirkendes Wort. 1974. N 3. S. 219-230.
- Pfütze M. Bemerkungen zu einer funktionalen Textlinguistik.—in: WZ der padagogischen Hochschule «Dr. Theodor Neubauer». Erfurt. 1970, H. 3.
- Pfütze M. Grundgedanken zu einer funktionalen Textlinguistik,—in: Textlinguistik 1. Dresden, 1970.
- Pfütze M. Probleme der Stz-und Kontextverpfechtung. Potsdam, 1970.
- Pfütze M., Wittmers E. Textbeziehungen zwischen Referat und Diskussion.— in: Textlinguistik 2a Dresden, 1971.
- Pragmatics and beyond. — Amsterdam, 1980.
- Pragmatics of natural languages. — NY, 1971.
- Poetic Texts // Poetics. 1978. Vol. 7. № 1. P. 3-44. New York, 1981.
- Rumelhart D. Notes on a schema for stories | D. Bobrow and A. Collins (eds.) Representation and understanding: Studies in cognitive science. NY, 1975.
- Rieser H. Sentence Grammar, Text Grammar and the Evaluation Problem // Studies in Text Grammar / Ed. by J.S.Petőfi, H.Rieser. Dordrecht; Boston. 1973. P. 276-299.

- Rieser H. On the Development of Text Grammar // Current Trends in Textlinguistics. Berlin; New York. 1978. P. 6-19.
- Rychner J. Analyse d'une unitetransphrastique.—in: Beitrage zur Textlinguistik. Munchen, 1971. B. 1.
- Radical pragmatics. Ed. by P. Cole. — NY, 1981.
- Shannon C., Weaver W. The mathematical theory of communication. Urbana, 1972;
- Weinrich H., Sprache in Texten, Stuttgart, 1976;
- Syntax and semantics, v. 12, Discourse and syntax, N. Y. — [a. o.], 1979;
- Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation | Language. Vol. 50, no. 1, 1974. P. 696s735.
- Schank R.C. Reminding and memory organization: An introduction to MOPs // Strategies for natural language processing / Ed. by Lehnert W.G., Ringle M.H. Hillsdale (N.J.); L., 1982. P.455-493.
- Schiffrin D. Approaches to discourse/ Oxford, UK and Cambridge, M.A.: Blackwell, 1994.
- Schiffrin D. Discourse markers. 1987.
- Searle J.R. Speech acts. An essay in the philosophy of language. Cambridge, 1969.
- Searle J.R., Vanderveken D. Foundations of illocutionary Logic. Cambridge, etc., 1985.
- Schank R. Language and Memory // Cognitive Science. Vol. 4. 1980. P. 243-284.
- Schank R., Birnbaum L., Mey J. Integrating Semantics and Pragmatics // Quaderni di Semantica. Vol. 6. № 2. 1985.
- Schmidt S.J., Stock E. Rede – Gespräch – Diskussion. – Leipzig. 1977.
- Schmidt S.J. Some Problem of the Communicative Text Theories // Current Trends in Textlinguistics. Berlin; New York. 1978.
- Searle J.R. A Classification of Illocutionary Acts // Language in Society. 1976. № 5. P. 1-23.
- Solso R.L. Cognitive Psychology. University of Nevada. 1995.
- Speech Acts / Ed. by P. Cole, Morgan. New York, 1975. P. 41-58.
- Stalnaker R.S. Presupposition // Philosophical Logic. 1973. № 4. P. 447-457.
- Studies in Text Grammar. Dordrecht; Boston. 1973.
- Sandvoort R. A. Handbook of English Grammar. N. Y., 1966.
- Suida U. Präteritum und Plusquamperfekt im präsentischen Erzählkontext in: Studien zur Syntax des heutigen Deutsch. Diisseldorf, 1971.
- Speech act theory and pragmatics. — Dordrecht, Boston, 1980.
- Syntax and semantics, v. 3 — Speech acts. — NY, 1975.
- Syntax and semantics, v. 9 — Pragmatics. — NY, 1978.
- Syntax and semantics, v. 11 — Presupposition. — NY, 1979.
- Skalicka V. Syntax promluvy (enunciace) // Sloooslovesnost. XXI. 1960. № 4.
- Schendels E., Riesel E. Deutsche Stilistik., 1975.
- Schiffrin D. Approaches to Discourse. - Oxford: Blackwell, 1994. - 470 p.
- Tannen D. Spoken and written language. 1987.
- Tomlin R. Focal attention, voice and word order: An experimental cross-linguistic study Tomlin R.S. Linguistic reflections of cognitive events // Coherence and grounding in discourse. Amsterdam, 1987.
- Text Grammar and Narrative Structures / Ed. by T.A. van Dijk. The Hague; Paris, 1972.
- Todorov T. Connaissance de la parole.—in: Word, 1967, v. 23, No. 1—2.
- Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998.
- Vater H. Einführung in die Textlinguistik. 2., überab. Aufl. – München: Fink, 1994. 203 S.
- Verschueren J. Pragmatics: an annotated bibliography. — Amsterdam, 1978
- Wierzbicka A. Lingua mentalis. Sydney L. - N.Y., 1980.
- Werlich E. Typologie der Texte. Entwurf eines textlinguistischen Modells zur Grundlegung einer Textgrammatic. Heidelberg, 1975.
- What Writers Know: The Language, Process and Structure of Written Discourse. New York, 1982.

- Williams W. Composition in Rhetoric. Boston, 1983.
- Weinrich N. Zur Syntax des Artikels in der deutschen Sprache.—Jahrbuch für internationale Germanistik, 1969, H. 1.
- Witmers E. Zur Rolle der Hypothese als effektive Forschungsmittel.—in: Textlinguistik. I. Dresden, 1970.
- Wierzbicka A. Semantic primitives. - Frankfurt, 1972.

FOR AUTHOR USE ONLY

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА.....	8
1.1. Основные подходы к определению понятия «текст» в различных отраслях современной лингвистики.....	8
1.2. Общие вопросы лингвистики текста.....	13
1.3. Понятие дискурса в современной лингвистике.....	20
1.4. Основные тенденции функциональной стилистики.....	28
ГЛАВА 2. ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ ПО ЛИНГВИСТИКЕ.....	37
2.1. Прагматические параметры научных текстов.....	37
2.2. Стилиевые характеристики научных текстов по лингвистике.....	49
2.3. Жанровые разновидности научных текстов по лингвистике.....	54
2.4. Типология научных текстов по лингвистике.....	66
ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ ПО ЛИНГВИСТИКЕ	90
3.1. Внутренняя структура текстов-описаний	90
3.1.1. Актуально-коммуникативная организация текстов-описаний.....	90
3.1.2. Логико-смысловая организация текстов-описаний.....	98
3.1.3. Структурно-синтаксические особенности текстов-описаний.....	104
3.2. Внутренняя структура текстов-рассуждений.....	108
3.2.1. Актуально-коммуникативная организация текстов-рассуждений	109
3.2.2. Логико-смысловая организация текстов-рассуждений.....	115
3.2.3. Структурно-синтаксические особенности текстов-рассуждений.....	120
3.3. Особенности организации полиинтенциональных текстов.....	124
3.3.1. Актуально-коммуникативная организация полиинтенциональных текстов.....	128
3.3.2. Логико-смысловая организация полиинтенциональных текстов.....	131
3.3.3. Структурно-синтаксические особенности интенциональных текстов	136
ГЛАВА 4. СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРОВ.....	139
4.1. Общая характеристика употребительности описательных и аргументативных текстов.....	139
4.2. Статистический анализ употребительности описательных текстов в научной лингвистической литературе.....	153
4.3. Статистический анализ употребительности аргументативных текстов в научной лингвистической литературе.....	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	158
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	161
БИБЛИОГРАФИЯ.....	165

Научное издание

САТТАРОВ Бахтияр Катибжанович

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА. ТЕКСТ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

Монография

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несет автор монографии.

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY

**More
Books!**

yes
I want morebooks!

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.shop

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.shop

KS OmniScriptum Publishing
Brivibas gatve 197
LV-1039 Riga, Latvia
Telefax: +371 686 20455

info@omniscryptum.com
www.omniscryptum.com

OMNIscriptum

FOR AUTHOR USE ONLY